
СИБИРСКИЙ ФИЛОСОФСКИЙ ЖУРНАЛ

2023. Том 21, № 2

СОДЕРЖАНИЕ

Аналитическая философия, эпистемология и философия науки

- Шевченко А. А.* Ложное убеждение: эпистемические и нормативные характеристики 5
- Чистанов М. Н.* Прагматический поворот в философии языка в контексте проблем сохранения и развития миноритарных языков 17
- Корж В. Г.* Историческая наука и визуальный поворот: особенности восприятия 26

Социальная философия

- Трубицын О. К.* Критика обоснования ускорения истории при помощи синергетики и концепции «Большой истории» 36
- Шмаков В. С.* Институционализация процессов социокультурного развития локальных сообществ 47
- Зазулина М. Р.* Местное самоуправление в Российской Федерации: траектория концептуального развития 58
- Барбашина Э. В.* Трансформация «нарратива» в социально-гуманитарном познании 71
- Гилязова О. С.* Категории здоровья и болезни в философии медицины: биомедицинская и гуманистическая модель 81
- Липицкая В. М.* К вопросу о причинах и стратегиях деконструкции советского в парафразах прецедентных культурных знаков 93

История философии

- Игнатенко Е. А.* Анаксимандр и его «апейрон» 104

<i>Лунев-Коробский О. А.</i> Философия Ж. Валя как самостоятельное явление и как интерпретация философии Гегеля	113
<i>Юрьев Р. А.</i> Изучение Аристотеля в Аристотелевском обществе в 70-е годы XX века как индикатор особого историко-философского стиля британской философии	133
Научная жизнь, полемика, рецензии, переводы	
<i>Соколовский И. Р. В. И.</i> Ленин, Дж. Даймонд и М. Хайдеггер: Об одном аспекте понимания истории нового времени	144
<i>Трошкина И. Н., Топоева М. В.</i> Этническая культура хакасского народа через призму женских семейных ценностей (к юбилею Ларисы Викторовны Анжигановой)	159
<i>Петров В. В., Солодова Г. С.</i> Проекты и технологии: формирование мировоззрения современного российского студенчества	168
Информация для авторов	174

SIBERIAN JOURNAL OF PHILOSOPHY

2023. Volume 21, issue 2

Contents

Analytical Philosophy, Epistemology and Philosophy of Science

- Shevchenko A. A.* The false belief: its epistemic and normative characteristics 5
- Chistanov M. N.* A pragmatic turn in the philosophy of language in the context of problems of preservation and development of minority languages 17
- Korzh V. G.* Historical science and the visual turn: features of perception 26

Social Philosophy

- Trubitsyn O. K.* Criticism of the justification of history acceleration with the help of synergetics and the concept of "Big History" 36
- Shmakov V. S.* Institutionalization of the processes of socio-cultural development of local communities 47
- Zazulina M. R.* Local self-government in the Russian Federation: the trajectory of conceptual development 58
- Barbashina E.* Transformation of «Narrative» in Socio-Humanitarian Cognition 71
- Gilyazova O. S.* Categories of health and disease/illness in the philosophy of medicine: biomedical and humanistic models 81
- Lipitskaya V. M.* On the reasons and strategies of deconstruction of the Soviet in the paraphrases of cultural signs 93

History of Philosophy

- Ignatenko E. A.* Anaximander and his «Apeiron» 104
- Lunev-Korobskii O. A.* Philosophy of J. Wahl as an independent phenomenon and as an interpretation of Hegel's philosophy 113

Yuriev R. A. The study of Aristotle in the Aristotelian Society in the 1970s as an indicator of the special historico-philosophical style of British Philosophy 133

Scientific Life, Polemic and Discussions

Sokolovskii I. R. Vladimir Lenin, Jared Diamond and Martin Heidegger: On one aspect of understanding of early modern history 144

Troshkina I. N., Topoeva M. V. Ethnic culture of the Khakass people through the prism of women's family values (to the anniversary of Larisa Viktorovna Anzhiganova) 159

Petrov V. V., Solodova G. S. Projects and Technologies: Shaping the Worldview of Modern Russian Students 168

Instructions for Contributors 174

Научная статья

УДК 165.0

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-5-16

Ложное убеждение: эпистемические и нормативные характеристики

Александр Анатольевич Шевченко

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

Аннотация

В статье рассматривается ложь как эпистемическая установка, анализируются ее структурные и содержательные характеристики. В частности, исследуются прагматические возможности использования ложных утверждений в научном познании. Показано, что в ряде случаев ложные эпистемические установки могут играть позитивную роль, в основном в качестве временных гипотетических или контрфактических допущений, а также так называемых «позитивных иллюзий». Рассмотрены альтернативные подходы к анализу ложных убеждений: «сначала-знание» Т. Уильямсона и «сначала-действие» в русле эпистемического прагматизма. Показана перспективность последнего подхода, в частности, возможность согласования нормативных установок для убеждений и для действий, что создает условия для создания сложной нормативной системы, включающей разные «направления приспособления» – между убеждениями и действиями с одной стороны и миром с другой.

Ключевые слова

ложь, истина, убеждение, «норма утверждения», эпистемические установки, фактивный поворот, «сначала-знание», «сначала-действие», Т. Уильямсон

Для цитирования

Шевченко А. А. Ложное убеждение: нормативные и эпистемические характеристики // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 5–16. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-5-16

The false belief: its epistemic and normative characteristics

Alexander A. Shevchenko

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

shev@philosophy.nsc.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8563-5464>

© Шевченко А. А., 2023

Abstract

The article considers lying as an epistemic attitude, analyzes its structural and substantive characteristics. In particular, it considers the pragmatic consequences of using false beliefs, primarily in scientific practice. It is shown that in a number of cases false epistemic attitudes can play a positive role, mainly as temporary hypothetical or counterfactual assumptions, as well as positive illusions. The paper also analyzes two alternative approaches towards false beliefs: “knowledge-first epistemology” of T. Williamson and “action-first epistemology” in line with epistemic pragmatism. It considers the potential of the latter approach and, in particular, the way of reconciling two seemingly conflicting normative frameworks – for beliefs and for actions. This, in turn, opens the way for building a complex normative system with different “directions of fit” between beliefs and actions on one side and the world on the other.

Keywords

falsity, truth, belief, the norm of assertion, epistemic attitudes, factive turn, “knowledge-first”, “action-first”, T. Williamson

For citation

Shevchenko A.A. The false belief: its epistemic and normative characteristics. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 5–16. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-5-16

1. Ложь как эпистемическая категория

Ложь интересует философов в разных аспектах. Иногда она рассматривается как общее условие существования не только человека, но и всех живых организмов (начиная с простых биологических механизмов мимикрии). Как необходимая способность человеческого сознания [Секацкий, 2000], она понимается как механизм, способствующий нашему выживанию и успешному функционированию в мире. В философии языка основное внимание уделяется условиям успешности ложного высказывания как речевого акта, анализу всего контекста высказывания, в том числе интенций говорящего и результатов воздействия на адресата. Философию сознания интересует механизмы сознательной и бессознательной лжи, возможности интроспекции и механизмы самообмана [Моисеева, 2014], способы распознавания лжи. В социальной философии всегда актуальна проблема «ложного сознания» или больших метанарративов, задающих рамки нашего восприятия социальной действительности. Эпистемологию интересует не только природа и функции лжи как фактора, препятствующего познанию действительности, но и структура лжи – те необходимые и достаточные условия, которые делают то или иное высказывание ложным. Является ли, например, таким необходимым условием намерение обмануть адресата? Зависит ли характеристика высказывания как ложного от доксистической установки субъекта высказывания – другими словами, достаточно ли для определения ложности того факта, что говорящий верит / убежден в истинности содержания, или же мы можем говорить о лжи только тогда, когда приписываем субъекту знание о его истинности [Benton, 2018; Marsili, 2022]? Ложь как эпистемическая категория (рассматриваемая в виде ложных убеждений или высказываний) представляет интерес для эпистемологии не только в силу ее распространенности в нашей повседневности, но и благодаря той критически важной роли, которую ложные суждения неизбежно играют в научном познании, необходимости совершенствовать концептуальный аппарат для работы с ними, распознавания и различения разных видов ложных эписте-

мических установок – сознательных, бессознательных, индивидуальных, коллективных, а также способов их возможной коррекции [Pritchard, 2017]. Отдельный интерес представляют теоретические допущения, истинность которых не всегда можно установить и которые приходится принимать «на веру», а также различные мысленные эксперименты, в которых используются такие допущения. При этом важно ясно понимать нормативный статус потенциально ложных положений. Некоторые такие случаи будут рассмотрены в следующем параграфе.

2. Роль и польза ложных эпистемических установок

К нормативному полю дискуссий о лжи как эпистемической установке относятся, в частности, споры о той роли, которые ложные эпистемические установки играют в нашей жизни и в познании, в первую очередь научном. Широкое распространение ложных мнений/убеждений как в повседневной жизни, так и в науке не нуждается в иллюстрациях. Однако тот факт, что научные практики, насыщенные такими ложными установками, функционируют при этом относительно успешно, требует рациональных объяснений. Одна из версий заключается в том, что ложные убеждения представляют собой не только помехи, но и играют какую-то полезную роль. Мы не будем здесь рассматривать возможное их использование для биологической или психологической адаптации, нас интересует исключительно польза эпистемическая, т.е. та роль, которую они могут играть в деле достижения истинных положений и знания в целом.

Д. Притчард выделяет три вида потенциально ложных, но полезных убеждений: 1) научные фикции (идеализации и мысленные эксперименты); 2) ситуативно (или случайно, или временно) ложные убеждения (объединенные общим термином «эпистемический ситуационизм»); и 3) «петлевые» (*hinge*) суждения, известные прежде всего на примере «петлевой эпистемологии», которую связывают с именем Л. Витгенштейна¹ [Pritchard, 2017]. Следует отметить, что Д. Притчард в число таких потенциальных кандидатов включает только ложные убеждения, которые соответствуют эпистемической «норме утверждения» (*the norm of assertion*), т.е. такие, которые сам субъект принимает за истинные. Это исключает из рассмотрения широкий круг установок – не только потенциально полезные убеждения, которые сам субъект полагает ложными, но и такие, для которых, по его мнению, отсутствует рациональное основание считать их истинными, или же такие, в отношении истинности которых субъект занимает позицию агностика [Pritchard, 2017, p. 5]. Он также вводит два дополнительные «условия полезности» ложных пропозиций: долгосрочный и систематический характер таких полезных эффектов.

В качестве примера потенциально ложных установок первого типа (научных фикций) он ссылается на достаточно известный факт, что большая часть хорошей научной практики включает в себя использование моделей и идеализаций, которые, строго говоря, являются ложными. Таковы, например, законы идеального газа, которые являются очень полезным способом понимания поведения газов,

¹ Петлевая эпистемология (*hinge epistemology*) постулирует наличие и необходимость ряда ключевых посылок, которые принимаются за истинные даже в случае их ложности.

однако, будучи идеализациями, не являются истинными в строгом смысле слова. Модель относится к некоторому идеализированному объекту: она «очищена» от частных. Хотя такое очищение обычно считается ключевой характеристикой другой мыслительной операции – абстрагирования, но если все же настаивать на различии этих двух философских техник – абстракции и идеализации – применительно к построению моделей, то абстракцию можно рассматривать как вид опущения или упущения, в то время как идеализация будет представлять собой намеренную ложь. Однако, согласно Н. Картрайт, опущение и намеренное искажение не всегда различимы, по ее мнению, современные философы науки «идеализацию» используют как зонтик для обоих терминов [Cartwright, 2002, p. 187]. Кроме вопроса о роли и функциях важен и вопрос о границах мысленного эксперимента. Предельно широкое его толкование можно обнаружить у Н. Решера [Rescher, 2005]. По его мнению, так как мысленный эксперимент всегда основан на предположении, то границы его очень широки. К мысленным экспериментам Н. Решер относит любую систему рассуждений, которая позволяет вывести значимые следствия из исходного предположения. Таким образом, требование истинности исходных положений здесь отсутствует в принципе. В качестве возможного сужения толкования, предложенного Н. Решером, иногда предлагают заменить гипотетичность на контрфактичность. Но при этом возникает опасность ослабить другое требование эксперимента – его связь с реальностью.

Ложные суждения второго типа («эпистемический ситуационизм») (подробно см.: [Fairweather, Alfano, 2017]) проще всего описать с помощью примеров геттиеровского типа, когда некоторые случайно полученные положения могут не только оказаться полезными, но и претендовать на роль знания, формально удовлетворяя стандартному определению знания как обоснованного истинного мнения / убеждения. Однако, по мнению Д. Притчарда, ситуации такого типа не представляют серьезной угрозы, если придерживаться сильной, надежной (*robust*) версии эпистемологии добродетелей, представленной такими именами как Э. Соза, Л. Загзебски и Дж. Греко. В этой версии знание понимается не как следование заранее данной формуле, а как когнитивный успех, при этом условием такого успеха является не только истинность мнения / убеждения, но и то, что оно получено в результате проявления когнитивных способностей, т.е. широко трактуемой эпистемической добродетели. При этом для того чтобы исключить ситуативные, т.е. возможно случайные, совпадения условий, необходимо и достаточно явным образом эту добродетель продемонстрировать. Нужно отметить, что ответ ситуационистам именно в таком контексте обсуждения (эпистемологии добродетелей) не случаен, так как в философскую эпистемологию ситуационизм как явление пришел из области психологии, ставившей под сомнение т.н. «психологию характера», т.е. устойчивые черты характера (честность, храбрость, настойчивость и др.), стабильно и надежно определяющие поведение. Следующими естественными целями стали этика, а потом и эпистемология добродетелей. По мнению представителей ситуативного подхода, наши привычные объяснения человеческого поведения как проявлений характера являются ошибочными, так как переменные окружающей среды служат гораздо более важным объясняющим фактором, чем внутренние черты характера. Ответ «от эпистемической добродетели»

представляется вполне убедительным, однако только в том случае, если мы готовы признать, что любая эпистемология по определению является эпистемологией добродетелей, т.е. убедительным и окончательным разрешением споров о природе обоснования между фундаменталистами и когерентистами посредством переноса акцента на черты характера и поведение субъекта познания.

Следующий возможный случай эпистемически полезного ложного убеждения касается витгенштейновского понятия петлевых (осевых) положений. В тексте «О достоверности» Л. Витгенштейн утверждал, что для нашей рациональной практики в целом и для того, чтобы быть рациональным субъектом (т.е. тем, кто может иметь рациональные убеждения, сомнения и т.д.), необходимо наличие определенных фундаментальных предпосылок. Это основные (осевые, петлевые) положения, в отношении которых субъект познания уверен. Такие базовые посылы могут оказаться полезными даже в случае их ложности.

«...341. То есть вопросы, которые мы ставим, и наши сомнения зиждутся на том, что для определенных предложений сомнение исключено, что они словно петли, на которых держится движение остальных [предложений].

342. Иначе говоря, то, что некоторые вещи на деле не подлежат сомнению, принадлежит логике наших научных исследований.

343. Однако дело не в том, что мы не в состоянии исследовать всего – и потому вынуждены довольствоваться определенными предпосылками. Если я хочу, чтобы дверь отворилась, петли должны быть закреплены» [Витгенштейн, 1994, с. 362].

Из приведенных цитат можно сделать вывод, что, по большому счету, речь здесь идет о привычных нам основополагающих теоретических предпосылках, которые сами не могут подвергаться критическому анализу. При этом наши «петлевые» предпосылки могут быть одновременно ложными, но полезными, причем долгосрочно и систематически.

Уже упомянутые дополнительные условия полезности ложных убеждений, неслучайности и долгосрочности их воздействий позволяют исключить ошибочные мнения, оказавшиеся полезными благодаря удаче; нас интересуют случаи, в которых можно установить закономерность, когда наличие ложного мнения оказывается систематически полезным для достижения истинной системы мнений в пределах одних и тех же временных рамок. Эпистемическая польза должна систематически являться следствием ложного убеждения, а не быть получена каким-то случайным образом (например, с помощью дружелюбного демона, обеспечивающего конвертацию ложных убеждений в эпистемически ценные результаты). Отдельная проблема – как установить эту «эпистемическую ценность». Можно предположить, что одним из относительно простых способов была бы возможность с помощью ложного убеждения генерировать большее количество убеждений истинных, чем без него.

Однако самое радикальное предостережение против того, чтобы считать ложные убеждения полезными, было высказано самим Д. Притчардом в уже упомянутой выше статье. По его мнению, ложные убеждения в принципе некорректно считать убеждениями. Касательно приведенных им же примеров он отмечает, что в случае с «научными фикциями» для получения искомой эпистемической

пользы достаточно условного их принятия, при этом нет необходимости или оснований делать какие-то более сильные допущения относительно их эпистемического статуса. Что касается «эпистемического ситуационизма», и здесь, по его мнению, попытки трактовать сложившуюся ситуацию именно как формирование мнения или убеждения выглядят довольно странно и не соответствуют нашим сложившимся интуициям по этому поводу. То же и в отношении «петлевых» установок. Признавая их возможную эпистемическую пользу, Д. Притчард отказывается считать их мнениями или убеждениями в общепринятом смысле. Таким образом, по его мнению, у нас нет повода для философски интересного разговора о пользе ложных мнений или убеждений. В параграфе 4 мы рассмотрим альтернативный подход, цель которого все же сохранить за ложными убеждениями философскую значимость посредством сравнения и сближения нормативных оснований для убеждений и для действий.

3. Норма утверждения (*the norm of assertion*) в эпистемологии

Утверждения могут иметь разное содержание и, соответственно, разную ценность. Истинные утверждения, особенно подкрепленные хорошими основаниями, получают хорошую оценку. Ложные утверждения – плохую. Прежде всего, пояснения требует используемая терминология. Ассерторическое суждение – такое, в котором утверждается или отрицается какой-то факт (S есть P или S не есть P). Под эпистемической нормой утверждения понимается некоторое правило (лингвистическое и социальное), которое определяет необходимые условия (эпистемически) корректного утверждения. Условия эти могут быть разными – например, условие, требующее от субъекта знания содержания суждения, или же более слабое требование – веры в его истинность, или еще более слабое – наличия некоторых оснований для такой веры.

Соответственно, и формулировка «нормы утверждения» в каждом случае будет разной. Одной из первых формулировок такой эпистемической нормы можно считать «максиму качества», входящую в «принцип кооперации» П. Грайса. Его «максима качества» предлагает следующую кандидатуру на роль эпистемической нормы утверждения: «К категории Качества относится общий постулат “Старайся, чтобы твое высказывание было истинным”, а также два более конкретных постулата:

1. «Не говори того, что ты считаешь ложным».
 2. «Не говори того, для чего у тебя нет достаточных оснований».
- [Грайс, 1985, с. 222–223].

В современной эпистемологии стандартным считается анализ, включающий три условия.

Вы можете некоторому адресату S , если:

- (i) вы сообщаете S , что p .
- (ii) вы полагаете (убеждены), что p ложно.
- (iii) утверждая p , вы намереваетесь обмануть S .

Хотя существует множество дискуссий относительно того, в каком смысле понимать третье условие, его, по-видимому, можно считать избыточным для наших целей и сосредоточиться на первых двух, которые являются основными. Пре-

жде всего, очевидно, что в этой традиционной формуле слабым местом является эпистемическая установка говорящего во втором условии. Ему приписывается тот самый “*belief*”, который во всем диапазоне от верования до убеждения является очевидно слабым требованием. Тимоти Уильямсон [Williamson, 2000, ch. 11] в качестве эпистемической нормы утверждения предложил использовать знание. Одним из аргументов было то, что в таком виде эта норма конститутивно связана с речевым актом утверждения: «Говорящий должен утверждать, что p только, если он знает что p ». Сильной стороной такого подхода является то, что убеждения, как и утверждения, могут быть ложными, в то время как отличие знания от простого убеждения в том, что знать можно только факты, то есть истинные утверждения (см. следующий параграф о т.н. «фактивном повороте» в эпистемологии). В связи с этим говорят, что знание всегда является «фактивным». Под «фактивностью» принято понимать когнитивное отношение между говорящим и высказываемым суждением – используя фактивный предикат, говорящий предполагает, что суждение, которое вводится фактивным предикатом, является истинным. К фактивным предикатам относят, например, «знать», «узнавать», «понимать», «открывать», «осуждать», «сожалеть», а к не-фактивным – такие как «думать», «считать», «полагать», «заявлять», «утверждать» и т.п. Кроме того, для того чтобы знание заменило убеждение, в формуле выше должны выполняться и некоторые дополнительные нормативные условия: например, убеждение должно быть хорошо сформировано, быть полученным в результате надежного метода или соответствовать имеющимся данным.

Т. Уильямсон отмечает, что норма утверждения, использующая знание, предполагает также некоторый более общий эпистемический принцип: «При совершении чего-либо, для чего требуются полномочия (*authority*) (например, отдачи приказа), человек репрезентирует себя как имеющего полномочия для этого. Иметь (эпистемические) полномочия утверждать p – значит знать p » [Williamson, 2000, p. 252].

М. Бентон рассматривает утверждение как тип речевого акта, в ходе которого утверждая нечто, субъект высказывается не только о мире, но и о себе: он не только представляет утверждение (p) как истинное, но и тем самым представляет себя как знающего то, что он утверждает. Это согласуется как с нашими стандартными языковыми практиками, так и с нашими интуициями. Можно предположить, что лучшим объяснением этому является то, что речевой акт утверждения тесно связан с нормой или правилом в отношении таких актов. А правило это выглядит так: «Не следует утверждать, что p , если не известно, что p » [Benton, 2018]. В стандартном привычном виде норму утверждения выразил Т. Уильямсон «Субъект должен (*must*) утверждать p , только если он знает, что p » [Williamson, 2000, p. 241]. По его мнению, эту норму утверждения следует понимать как условие, при котором говорящий имеет право делать утверждение. Таким образом, утверждать p , не зная p , значит делать что-то, не имея на это полномочий (*authority*) – например, отдать кому-то приказ, не имея на это полномочий [Williamson, 2000, p. 257].

4. Возможные теоретические рамки: «фактивный поворот», «сначала-знание», «сначала-действие»

В то время как в теории действия хорошим основанием для действия принято считать некоторый факт – например, факт правонарушения является хорошим основанием для наказания, факт наличия некоторого заболевания – хорошим основанием для назначения соответствующего лечения, то в эпистемологии стандартным и самым распространенным основанием для убеждения остается не факт, а некоторое психологическое состояние – например, состояние убежденности в том или ином положении вещей. Однако все больше современных эпистемологов полагают, что одна лишь убежденность не может считаться хорошим рациональным основанием, она сама, в свою очередь, должна основываться на некоторой «фактичности», которой обладают либо подтвержденный эмпирический опыт, либо истинные суждения, либо факты [Mitova, 2018].

Н. Марсили замечает, что замена убеждения на знание (в норме утверждения) для анализа ложных установок имеет и два дополнительных следствия, причем гораздо более важных, чем сам анализ этой эпистемической установки [Marsili, 2021, p. 1446]. Во-первых, это этические следствия. Если, в отличие от привычной точки зрения, ложь требует не мнения / убеждения, а знания, то нам придется пересмотреть наше отношение к моральной ответственности за ложь, поскольку ответственность теперь будет определяться не только субъективным фактором – мнением / убеждением конкретного субъекта, но и внешними факторами, которые могут определять истинность высказывания и могут находиться вне контроля этого субъекта. Вторым важным следствием такой замены предиката («верить» на «знать») станет то, что в случае ее успешности, т.е. если окажется, что анализировать и понимать механизмы лжи с помощью знания легче или эффективнее, чем с помощью мнения / убеждения, это станет хорошим аргументом в пользу набирающей в эпистемологии силу исследовательской программы «сначала-знание», основным адвокатом которой является Т. Уильямсон.

Сам Т. Уильямсон так резюмировал свой подход в недавнем интервью «Сибирскому философскому журналу»: «Конкурентом эпистемологии сначала-знания является эпистемология сначала-убеждения (*belief*). Эпистемология сначала-знания рассматривает понятие знания как базовое понятие, объясняя другие понятия в его терминах, в том числе объясняя убеждение в терминах знания, тогда как альтернатива принимает в качестве базового объясняющего понятия понятие убеждения и объясняет знание в терминах убеждения» [Прись, 2021, с. 180].

При этом именно отношение к ложным убеждениям и составляет основную мотивацию для перехода от убеждения к знанию. «Быть может, для людей, которые не знакомы с этим, мне надо сказать нечто о различии между знанием и убеждением. Самое важное универсальное различие – это то, что вы можете верить в нечто ложное, но Вы не можете знать нечто ложное. Например, люди могут верить, что Земля плоская, но они не могут знать, что Земля плоская. Просто потому, что это не так» [Прись, 2021, с. 180–181].

Появление программы «сначала-знание» считается одним из самых важных событий в современной эпистемологии за последние четверть века, за это время появились не только сторонники, но и оппоненты, указывающие на слабые,

по их мнению, места этого подхода. Одно из центральных замечаний, имеющих непосредственное отношение к теме данной статьи, относится к тому, что для сторонников программы «сначала-знание» служит одним из его основных достоинств – это т.н. «алетичность» подхода, ориентированность на истину, что, конечно, является прямым следствием фактивности знания.

Ориентация на истину как нормативный идеал – позиция в эпистемологии стандартная, более того, она часто задает саму теоретико-познавательную область, что отличает ее от этики или прагматики, например. Однако альтернативный подход состоит в том, чтобы вместо автоматического принятия истины в качестве нормативного идеала для эпистемологии задаться вопросом о причинах, по которым истина наделяется столь высоким статусом. Стандартный ответ может быть реконструирован **следующим** образом: эпистемология имеет дело с мнениями/убеждениями, которые по самой своей природе «стремятся к истине». Такое имманентное «стремление» и наделяет цель/истину столь высоким нормативным статусом [Nolfi, 2021]. Ложное же убеждение всегда будет «дефектным» по определению.

Существует ли альтернатива данному подходу? В качестве таковой имеет смысл рассмотреть еще один поворот в эпистемологии, т.н. «прагматический». Вкратце основную его интенцию можно выразить следующим образом: так как познание – это форма практики, то и понимать его следует не как инструмент для создания моделей мира, а как практику, обеспечивающую наши действия. Такую альтернативную эпистемологию можно назвать эпистемологией «сначала-действие» [Radoilska, 2017], фокус исследования в которой должен быть направлен на то, какие именно эпистемические установки и каким наилучшим образом «обслуживают» наши действия. В рамках этой установки имманентной целью мнения/убеждения будет не стремление к истине, а наилучшее обеспечение нашего поведения в целом. Соответственно, меняется и критерий оценки наших эпистемических установок. «Дефектными» они считаются не в силу ложности, а в том случае, если плохо «обслуживают» наши действия. Под «обслуживанием» понимается то, что наши убеждения помогают нам предвидеть результаты различных наших действий, помогают выбирать действия, которые приводят нас к желаемому результату.

Убеждение – это своего рода гибкий в использовании прогностический инструмент для выбора действий; инструмент, который может быть использован в самых разных контекстах для создания предсказаний о действиях и их успешности или неуспешности [Nolfi, 2021]. Этот прагматизм вовсе не означает умаления ценности истины. Мало кто сомневается в том, что в качестве универсального инструмента для предсказаний убеждение будет надежно работать только тогда, когда оно коррелирует с реальностью, т.е. является истинным или по крайней мере стремится таковым стать. Однако это не означает, что истинность является обязательным условием эффективности такого инструмента. Психологи хорошо знают эффект позитивных иллюзий, которые в определенных ситуациях могут не соответствовать реальному образу человека, завышая его самооценку. Такой идеализированный образ самого себя, однако, может давать дополнительные возможности. Вера в то, что можно «прыгнуть выше головы», хотя и является

очевидно ложной, но с точки зрения рассматриваемого подхода «сначала-действии» может быть весьма эффективным инструментом, а в некоторых видах деятельности (например, спорт или искусство), возможно, является необходимым условием.

Для философского исследования этого феномена полезно обратиться к понятию нормативности и попытаться выяснить, каким образом нормативные установки в отношении убеждений соотносятся с нормативными установками в отношении действий. На первый взгляд, они кардинально различны: если в стандартных подходах убеждения «нацелены» на истину, то действия «нацелены» на успех. Самый простой способ согласования этих установок – в виде односторонней зависимости, когда, например, мы трактуем ложные убеждения как препятствие для совершения успешных действий. Более сложный и перспективный вариант – представить эти нормативные схемы как взаимозависимые и взаимодополнительные, открывающие возможность для использования разных «направлений приспособления» (*direction of fit*), если использовать аналогию из философии языка. Так, философы языка говорят о разных способах координации языка и мира – мы можем либо «приспосабливать» язык к миру (в случае описаний), либо же пытаться приспособить мир к языку (в случае предписаний).

В качестве дополнительной иллюстрации можно вспомнить и принцип “*ought implies can*” («должен – значит можешь») [Шевченко, 2019]. Его обычно связывают с именем И. Канта и трактуют как принцип этики. При этом чаще всего его представляют в виде контрапозиции «не можешь – значит не должен», делая акцент на существующих возможностях, точнее на их отсутствии. Но нормативной дилеммой этот принцип становится тогда, когда у нас есть выбор между обеими модальностями – возможностью и долженствованием. В случае переноса акцента на модальность долженствования мы ищем способы изменения ситуации таким образом, чтобы исполнение обязательства стало возможным, стремясь изменить сами условия возможности.

В нашем случае это означает, что формирование истинного убеждения путем «приспособления» к имеющимся фактическим данным не является единственно возможным способом. Другое решение – предпринять некоторые действия и попытаться сделать так, чтобы мир начал соответствовать нашему убеждению. Таким образом, разные нормативные системы (для убеждений или для действий) можно представить в виде сложной нормативной конструкции, допускающей регулирование и настройку с обеих сторон: как посредством коррекции убеждений в соответствии с существующей реальностью, так и изменением реальности, чтобы она соответствовала убеждениям.

Список литературы

- Витгенштейн Л. О достоверности // Философские работы. М.: Гнозис, 1994. Ч. I. С. 322–405.
- Грайс Г. П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. 16. С. 217–237.

- Моисеева А. Ю.** Как возможна несознательная ложь? // *Философия науки*. 2014. № 4. С. 57–81.
- Прись И. Е.** Реализм и сначала знание. Интервью с Тимоти Уильямсоном // *Сиб. филос. журн.* 2021. Т. 19. № 3. С. 175–204.
- Секацкий А. К.** *Онтология лжи*. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2000.
- Шевченко А. А.** О нормативных следствиях одной импликации // *Сиб. филос. журн.* 2019. Т. 17. № 3. С. 29–40.
- Benton M.** Lying, belief, and knowledge // J. Meibauer (Ed.) *The Oxford handbook of lying*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. P. 120–133.
- Cartwright N.** *Nature's Capacities and their Measurement*. Oxford: Clarendon Press, 2002.
- Fairweather A., Alfano M.** (eds.). *Epistemic Situationism*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017.
- Marsili N.** Lying: Knowledge or Belief? // *Philosophical Studies*. 2021. No. 179. P. 1445–1460.
- Mitova V.** (ed.). *The factive turn in epistemology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018.
- Nolfi K.** Epistemically flawless false beliefs // *Synthese*. 2021. No. 198. P. 11291–11309.
- Pritchard D.** Epistemically useful false beliefs // *Philosophical Explorations*. 2017. No. 20. Sup. 1. P. 4–20.
- Radoilska L.** Aiming at the truth and aiming at success // *Philosophical Explorations*. 2017. No. 20. Sup. 1. P. 111–126.
- Rescher N.** *What If? Thought Experimentation in Philosophy*. New Brunswick; N.J.; London: Transaction Publishers, 2005.
- Williamson T.** *Knowledge and its Limits*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.

References

- Benton M.** Lying, belief, and knowledge // J. Meibauer (Ed.), *The Oxford Handbook of Lying*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2018. P. 120–133.
- Cartwright N.** *Nature's Capacities and their Measurement*. Oxford: Clarendon Press, 2002.
- Fairweather A., Alfano M.** (eds.). *Epistemic Situationism*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2017.
- Grice H.P.** Logic and conversation // *Novoe v zarubezhnoi lingvistike*. M.: Progress, 1985. Issue 16. P. 217–237. (in Russian)
- Moiseyeva A.Yu.** How is unconscious lie possible? // *Philosophy of Science*. 2014. № 4. P. 57–81. (in Russian)
- Pris I.E.** Realism and Knowledge First. Interview with Timothy Williamson // *Siberian Journal of Philosophy*. 2021. vol. 19. no. 3. P. 175–204. (in Russian)
- Sekatsky A.K.** *The ontology of lie*. SPb.: SPb univ. press, 2000. (in Russian)
- Shevchenko A.A.** On Normative Consequences of One Implication // *Siberian Journal of Philosophy*. 2019. Vol. 17. No. 3. P. 29–40. (in Russian)
- Marsili N.** Lying: Knowledge or Belief? // *Philosophical Studies*. 2021. No. 179. P. 1445–1460.

- Mitova V.** (ed). The factive turn in epistemology. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2018.
- Nolfi K.** Epistemically flawless false beliefs // Synthese. 2021. No. 198. P. 11291–11309.
- Pritchard D.** Epistemically useful false beliefs // Philosophical Explorations. 2017. No. 20. Sup. 1. P. 4–20.
- Radoilska L.** Aiming at the truth and aiming at success // Philosophical Explorations. 2017. No. 20. Sup. 1. P. 111–126.
- Rescher N.** What If? Thought Experimentation in Philosophy. New Brunswick; N.J.; London: Transaction Publishers, 2005.
- Williamson T.** Knowledge and its Limits. Oxford: Oxford Univ. Press, 2000.
- Wittgenstein L.** On certainty // Philosophical Works. M.: Gnosis, 1994. Part 1. P. 322–405. (in Russian)

Сведения об авторе

Шевченко Александр Анатольевич, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук (Новосибирск, Россия)

Information about the Author

Alexander A. Shevchenko, Doctor of Sciences (Philosophy),
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, SB RAS (Novosibirsk, Russia)

*Статья поступила в редколлегию 07.06.2023;
одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 29.06.2023*
*The article was submitted 07.06.2023;
approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 29.06.2023*

Научная статья

УДК 130.2 + 81

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-17-25

Прагматический поворот в философии языка в контексте проблем сохранения и развития миноритарных языков*

Марат Николаевич Чистанов

Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова
г. Абакан, Россия

maratchistanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9002-5604>

Аннотация

К началу двадцать первого века практически везде в сфере социально-гуманитарных наук эссенциализм уступает место конструктивистской парадигме. Однако языковой эссенциализм пережил все потрясения и получил классическую форму в гипотезе Сепира – Уорфа о лингвистическом релятивизме. Применение данной гипотезы для анализа языковых сообществ ставит мажоритарные и миноритарные языки в разное положение: сильные языки делает еще сильнее, а малые просто убивает. Задача сохранения миноритарных языков в программах, построенных с применением данной методологии, оказывается неразрешимой. На наш скромный взгляд, более адекватными цели являются две исследовательские парадигмы. Одна из них связана с прагматическим поворо-

* Данная статья завершает цикл работ автора, выполненных в рамках коллективного исследования по теме «Язык и культура: философия связи» (см., например: [Чистанов, 2022, 2023]). Общей целью исследований был философский анализ современного состояния языка коренного населения Республики Хакасия, его места в современной хакасской культуре, оценка деятельности государственных и общественных организаций по сохранению и развитию хакасского языка, а также формулировка предложений по повышению эффективности такой деятельности. Вместе с тем в процессе работы над проектом были получены теоретические результаты, которые выходят за заявленные рамки и, по мнению автора, могут быть в дальнейшем использованы не только как методологический подход к решению проблемы сохранения миноритарных языков, но в глобальном плане для анализа функционирования языковых сообществ любой природы.

Полученные результаты вызвали у автора неоднозначные чувства: с одной стороны, нам кажется, что удалось найти точки соприкосновения аналитической философии языка с проблемами сохранения малых и исчезающих языков, связь которых далеко не очевидна. С другой стороны, в ходе исследований не удалось избежать конфликтов и недопонимания с лингвистами, которые проблемами миноритарных языков занимаются давно и, казалось бы, профессионально. Причем недопонимание здесь носило характер не столько терминологический, хотя и этот фактор нельзя не учитывать, но скорее мировоззренческий, потому что зачастую полемика из сферы научной переходила в сферу межличностную, что не могло не сказываться на характере взаимоотношений с коллегами из филологической среды. Как нам кажется, этому коммуникативному парадоксу имеется достаточно рациональное объяснение, которое мы попытаемся изложить в представленной статье.

© Чистанов М. Н., 2023

том в аналитической философии языка и представляет собой переориентацию с анализа структуры самого языка на анализ условий коммуникации с учетом всех социокультурных компонентов этого процесса. Вторая методология – это концепция социального лица и перформативного поведения Ирвинга Гофмана.

Ключевые слова

миноритарные языки, этническая идентичность, языковой релятивизм, прагматический поворот, фреймовый подход

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 22-28-20099 <https://rscf.ru/project/22-28-20099/> при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия

Для цитирования

Чистанов М. Н. Прагматический поворот в философии языка в контексте проблем сохранения и развития миноритарных языков. // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 17–25. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-17-25

A pragmatic turn in the philosophy of language in the context of problems of preservation and development of minority languages

Marat N. Chistanov

Khakass State University
Abakan, Russian Federation

maratchistanov@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-9002-5604>

Abstract

By the beginning of the twenty-first century essentialism is giving way to the constructivist paradigm in the field of social sciences and humanities. However, linguistic essentialism survived all the shocks and received a classical form in the Sapir-Whorf hypothesis of linguistic relativism. The application of this hypothesis to the analysis of linguistic communities puts majority and minority languages in different positions: it makes strong languages even stronger, and simply kills small ones. The task of preserving minority languages in programs built using this methodology turns out to be impossible. In our humble opinion, two research paradigms are more adequate for the purpose. One of them is associated with the pragmatic turn in the analytical philosophy of language and represents a transition from the analysis of the structure of the language itself to the analysis of the conditions of communication, taking into account all the sociocultural components of this process. The second methodology is Erving Goffman's concept of social face and performative behavior.

Keywords

minority languages, ethnic identity, linguistic relativism, pragmatic turn, frame approach

Acknowledgements

The study is supported by the Russian Science Foundation, Project No. 22-28-20099, <https://rscf.ru/project/22-28-20099/> with parity financial support from the Government of the Republic of Khakassia.

For citation

Chistanov M.N. A pragmatic turn in the philosophy of language in the context of problems of preservation and development of minority languages. // *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 17–25. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-17-25

Вопрос о необходимости поддержки и сохранения языков этнических меньшинств в современном полиэтническом государстве носит скорее риторический характер, потому что лишь носитель крайне правой имперской идеологии рискнет возражать против данного тезиса. Но с ними, этими носителями, и так все в принципе понятно: в академическом сообществе такие люди встречаются редко, а взгляды свои с публичной трибуны они высказывают еще реже, раскрываются же они «для своих» либо в кулуарах, либо на сайтах специфической направленности. Другое дело, что борьба за сохранение миноритарных языков в России идет уже много десятилетий, а результаты такой борьбы все еще выглядят очень скромно. Нет, конечно, в регионах, где титульная нация составляет большинство или даже половину от всего населения, состояние языка в целом не вызывает серьезных опасений, хотя даже в Татарстане местные этнические активисты жалуются, что татарский язык постепенно вытесняется из публичной сферы в сферу бытового общения. Гораздо хуже дело обстоит в тех субъектах Российской Федерации, где численность жителей коренной национальности в разы меньше, чем число представителей других этнических групп. Так, в Республике Хакасия лиц, относящих себя к хакасам, по данным 2010 г., чуть больше 12 % (около 80 тыс. человек). При этом в качестве родного языка хакасский язык указали лишь 63,2 % от этого количества. В реальности этот процент еще меньше, потому что многие городские хакасы и дома с близкими предпочитают говорить на русском языке, думают на нем и лишь в ситуациях общения со своими сельскими родственниками переходят на родной язык. В то же время указание хакасского языка в качестве родного становится для таких людей важным элементом самоидентификации, а признание в плохом владении родным языком доставляет настолько сильные моральные страдания, что иные республиканские чиновники готовы даже имитировать знание языка, дабы не «потерять лица».

В данном случае нас скорее интересует сам факт того, что владение языком считается важнейшим фактором этнической идентификации современного человека. Утверждение сущностной значимости языка для существования этноса кажется тривиальным, поскольку еще Гумбольдт утверждает, что «язык – душа народа». В то же время при здравом рассуждении данный тезис не настолько самоочевиден: любой ребенок при рождении никакого языка не знает, обозначает ли это, что он находится вне этнической группы? Если же в этом случае мы ориентируемся на языковую среду, в которой оказывается маленький человечек, то достаточно вспомнить, что великий русский поэт Александр Сергеевич Пушкин с родителями с детства говорил исключительно по-французски, что отнюдь не делает его французским поэтом.

Признание неразрывной связи этничности с языком стало важнейшим инструментом в деле формирования современных политических границ сначала в Европе, а затем во всем мире. Ныне национальное государство – основной субъект международной политики, а признание права народов на самоопределение является базовым принципом международного права. Но даже в девятнадцатом веке государство в Европе – объединение скорее военно-политическое, причем инкорпорируются в него люди совершенно разного этнического происхождения, говорящие на разных языках и принадлежащие к различным религи-

озным конфессиям. Большинство существующих теорий относят формирование современных наций к началу индустриального периода и используют в качестве объединяющих принципов территорию, биологическое родство, историю, духовную культуру, язык и еще целый ряд признаков, консолидирующих ранее разрозненную совокупность людей в единый организм. Поскольку у истоков теории нации стоит немецкий романтизм и классический идеализм, постольку сам этот принцип зачастую приобретает мистико-интуитивный характер, а такие понятия как «душа народа» или «национальная идея» начинают рассматриваться как врожденные сущности.

Ничего удивительного, что национализм, выросший в таких условиях, за несколько десятилетий преодолел дистанцию от романтического *Volksggeist* до одиозной *Blut-und-Boden-Ideologie*. Закончилось все это двумя мировыми войнами и настолько сильно скомпрометировало первоначальную этнометодологию, что до конца двадцатого века она дожила лишь в форме безобидной описательной этнографии, тихо обитавшей на периферии официальной исторической науки и довольствующейся поездками в отдаленные деревушки с опросом немногочисленных старожилов и сбором пыльных предметов ушедшего быта. Ожидаемо к началу двадцать первого века практически везде в социальной сфере примордиализм или, как его еще называют, эссенциализм, уступает место конструктивистской парадигме.

Подобная ситуация сложилась в большинстве наук, связанных с исследованиями в области социальных групп и общностей. Единственным, пожалуй, исключением осталась лингвистика. Здесь даже в конце двадцатого столетия все еще громко звучали концепции языковой личности и языковой картины мира. Языковой эссенциализм пережил все иные виды социальных эссенциализмов и получил классическую форму в гипотезе Сепира – Уорфа о лингвистическом релятивизме. «Под лингвистической относительностью принято понимать представление о том, что язык оказывает существенное влияние на ментальные процессы и восприятие, следствием чего является частичная или полная несоизмеримость моделей мышления и картин мира различных языковых сообществ» [Бородай, 2013, с. 17].

Нужно признать, что слабая версия языкового релятивизма в виде фиксации взаимной зависимости языка, психологии и форм культуры внутри замкнутых социальных групп каких-то особых возражений не вызывает. Совсем другое дело сильная версия этой же гипотезы, которая вытекает из теорий Вильгельма фон Гумбольдта и Лео Вайсгербера: ее прямое применение ставит большие и малые языки в абсолютно неравноправное положение. Понятно, что в периоды создания первых национальных государств протекционизм в отношении государственного языка неизбежен: государственный язык нужен законодателям, ученым, учителям, деятелям культуры, в общем всем. Очевидно, что сильная форма лингвистического релятивизма играет на руку национальному государству.

Совсем другая ситуация складывается с миноритарными языками. Собственно, в девятнадцатом-то веке с языками малых народов считались ровно настолько, чтобы сохранился хоть какой-то способ общения с локальными этническими сообществами, и поэтому использовать такие языки для целей государственного

строительства отнюдь не собирались. Отсюда отсутствие собственной письменности, письменных законов и литературного языка у большинства народов Российской империи, если они по какой-то причине не были созданы до присоединения к России. Впрочем, в других странах дела обстояли ничуть не лучше.

В современном демократическом государстве декларировать неравноправие языков мешают соображения гуманистического характера, потому что явный протекционизм в пользу одних неизбежно оборачивается дискриминацией других социальных групп. На практике никакого равноправия, конечно, нет и в помине, потому что одни языки используются для законодательства, делопроизводства, образования и науки, а другие выполняют декоративную функцию, оживляя легким налетом экзотики местные праздники, удивляя приезжих непонятными вывесками и табличками. Реальная жизнь миноритарного языка перемещается на улицы в тех отдаленных селах и деревнях, где титульный этнос все еще составляет численное большинство, либо на кухни городских квартир, где после тяжелого трудового дня усталые служащие или рабочие обсуждают бытовые дела.

Тот факт, что поддержка миноритарных языков со стороны государства по преимуществу носит формальный и даже декоративный характер, вовсе не должен никого удивлять: по большому счету федеральное правительство в этой деятельности заинтересовано только потому, что отсутствие такой заботы вызывает недовольство локальных этнических групп и особенно самой активной их части – этнической интеллигенции. Соответственно забота эта проводится тоже в бюрократическом стиле: очень часто привлеченные специалисты, чиновники от просвещения и культуры пытаются решить проблему через комплекс массовых просветительных и культурно-досуговых мероприятий. Собственно, здесь все логично: поскольку языковой релятивизм проистекает из романтического *Volksggeist*, то они действуют единственным допустимым здесь способом: устраивают перформанс и ритуальное поклонение. Отсюда, кстати, и сакрализация языка со стороны этноактивистов: здесь язык рассматривается как скрытая сущность, своего рода «*Ding an sich*». А поскольку язык суть «душа народа»: «Духовное своеобразие и строение языка народа пребывают в столь тесном слиянии друг с другом, что коль скоро существует одно, то из этого обязательно должно вытекать другое» [Гумбольдт, 2000, с. 68], то вольный или невольный противник языка одновременно является врагом самого народа.

Речь в данном случае не идет о том, что гипотеза Сепира – Уорфа совсем плоха: как нами отмечалось ранее, она сформировалась на базе предшествующих теорий, которые преследовали вполне определенные политические и культурные цели. Дело скорее в том, что механическое применение данной гипотезы для анализа языковых сообществ любого типа уже ставит мажоритарные и миноритарные языки в разное положение, а уж использование данной концепции для формирования языковой политики полиэтнического государства сильные языки делает еще сильнее, а малые просто убивает. Поэтому задача сохранения миноритарных языков в образовательных и культурных программах, построенных с применением методологии языкового релятивизма, оказывается неразрешимой. При этом для мажоритарных языков данная методология вполне может быть применима и даже может давать хорошие результаты.

Тогда возникает вопрос о том, какая методология оказывается более удачной для преследуемых нами целей? На наш скромный взгляд, на эту роль вполне могут претендовать две исследовательские парадигмы. Одна из них связана с прагматическим поворотом в аналитической философии языка и представляет собой переориентацию с анализа структуры самого языка на анализ условий коммуникации с учетом всех социокультурных компонентов этого процесса. Вторая возможная методология – это концепция социального лица и перформативного поведения Ирвинга Гофмана (см., например: [Руднева, 2018]).

Прагматические теории языка пытаются связать эффективность языковой практики с успешностью функционирования коммуникативных сообществ. Очевидно, что такие сообщества в случае миноритарных языков должны либо ревитализировать традиционные формы культуры и хозяйственной деятельности, либо попытаться применить их к каким-то новым коммуникативным ситуациям. Первый вариант в современных условиях вряд ли осуществим при обычных условиях. Единственным удачным примером такого рода следует считать воссоздание иврита на основе древнееврейского священного языка. Но казус иврита – ситуация сама по себе уникальная, да и утверждение об аутентичности воссозданного языка оригиналу далеко не так очевидно. Второй вариант предполагает радикальное переосмысление самой идеи коммуникативного сообщества.

Здесь весьма интересен опыт артлангов, то есть искусственных языков, имитирующих естественные. К таким языкам относятся квенья и синдарины, созданные Д.Р. Толкиным для эльфов Средиземья, клингонский язык, разработанный для вымышленной инопланетной расы сериала «Стартрек», дотракийский и валлийские языки «Игры престолов». Несмотря на изначально фиктивную природу таких языков, каждый из них порождает собственное коммуникативное сообщество разных степеней включенности. Существуют люди, которые эти языки изучают, исследуют, развивают. Здесь важен тот факт, что существование таких языков – заслуга исключительно самого коммуникативного сообщества, эти языки не изучают в школе и не существует программ их государственной поддержки. Основная функция таких языков – перформативная, использование такого языка само по себе есть факт самоидентификации, рассчитанный на восприятие окружающих людей. Феномен жизнеспособности таких языков, безусловно, факт, заслуживающий нашего внимания.

Почему именно перформативные концепции, на наш взгляд, удачнее всего отражают состояние и прагматику современных миноритарных языков? Здесь имеется два соображения: во-первых, вспомним нашего регионального горечивника, который вынужден имитировать владение родным языком, для того чтобы в глазах окружающих выглядеть достойным собственной должности. Причем здесь часто имитация владения постепенно переходит в настоящее владение, то есть человек заучивал, заучивал и постепенно выучил. Во-вторых, требование присутствия вывесок на двух государственных языках, существование практики предоставления судебного перевода для участников судебного процесса по их желанию первоначально вызывалось информационной необходимостью. На самом деле существовали люди, которые владели исключительно родным языком, и при отсутствии информации на этом языке они не могли получить ее каким-то

другим образом. В Туве, например, такое положение сохраняется до сих пор, потому что значительная часть тувинского населения русский язык просто не знают или знают очень плохо. В то же время в Абакане подобная практика скорее носит ритуальный характер, ведь подавляющее большинство хакасского населения русский язык понимает, тем не менее само отсутствие возможности использования второго государственного языка (а в Республике Хакасия государственными языками являются русский и хакасский) неизбежно будет рассматриваться коренным населением как оскорбление народа и акт этнической дискриминации.

Эта особенность этнической психологии объясняется тем, что современная этническая идентичность, идентичность постиндустриальной эпохи, радикальным образом отличается от идентичности доиндустриального и даже индустриального периодов. Сложность и многослойность этнических культур конца XX – начала XXI в. исключает возможность всеобъемлющего их усвоения в масштабах одной личности, поэтому происходит ее дефрагментация, распадение на разнородные элементы. Вот почему описание этнического самосознания индивида как универсальной системы не представляется возможным. Один конкретный человек не может одновременно вести традиционный образ жизни, играть на всех народных музыкальных инструментах, питаться исключительно блюдами национальной кухни, писать книги на родном языке, заниматься национальными видами спорта, строить традиционное жилище и обладать еще тысячей других атрибутов этнической культуры. Еще сто лет назад такое было возможно, сегодня, в силу модернизации и урбанизации, уже нет.

Наиболее удачным, на наш взгляд, для описания современной этнической идентичности оказывается понятие фрейма: «Национальная идентичность может быть рассмотрена как набор репрезентативных масок, сценариев, ролей, сцен, используемых и исполняемых индивидом или группой с целью установления, подтверждения и демонстрации своего единства. Составляющие для связности условного множества людей в нацию конкретны (например, разделяемые всеми представителями язык, история, канон художественных текстов и т. д.), но в целом достаточно эфемерны и, в сущности, иррациональны» [Антонян и др., 2022, с. 6]. Такие наборы в конкретных ситуациях могут достаточно широко варьироваться, но тем не менее оставляют актора в рамках принятого большинством этнического поведения. Иными словами, представители одной и той же этнической группы могут относиться к разным антропологическим группам и социальным слоям, иметь совершенно разные профессии, исповедовать разные религии, носить различную одежду и быть ориентированными на совершенно разные направления в искусстве. И все эти различия в глобальном смысле не мешают им осознавать себя как этническую общность, единый народ, поскольку каждый член такого сообщества демонстрирует поведение, не выходящее за границы фрейма. Правда, все это справедливо только в глобальном смысле. На практике отношения внутри этнического сообщества практически всегда далеки от мира и согласия.

Дело в том, что сами границы фрейма оказываются подвижными, и поэтому внутри этнического сообщества всегда присутствуют более узкие консервативные или наоборот модернистские группы, для которых наборы сценариев приемлемого поведения могут достаточно сильно различаться. По всей видимости,

до недавнего времени язык рассматривался как обязательный элемент каждого такого набора, и его статус не подвергался сомнению, но сейчас ситуация меняется. Очень показательно, что последний на сегодняшний день XIV Съезд хакасского народа в 2021 году официально проводился на русском языке, хотя это и вызвало весьма неоднозначную реакцию, особенно со стороны сельских депутатов.

Очевидно, что для консервативной части этнической интеллигенции такая деконструкция оказывается весьма болезненной. Дело в том, что в рамках эссенциалистской методологии в социальных исследованиях сфера духовная почти всегда предполагает известного рода подвижничество, а подвижничество неизбежно граничит с жертвенностью. Поэтому свой вклад в этническую деятельность такие акторы зачастую обставляют как акт мученичества. Здесь можно вновь упомянуть сравнительно недавнюю историю ижевского этноактивиста Альберта Разина, который в октябре 2019 года совершил публичное самосожжение в знак протеста против языковой политики федерального центра по отношению к удмуртскому языку. Кстати, именно в рамках перформативной концепции этнической идентичности данная акция получает достаточно последовательную интерпретацию, поскольку данный поступок безусловно предполагает целенаправленное воздействие на восприятие окружающих людей и однозначно позиционируется как акт этнического поведения. Крайний характер поступка весьма ограничивает сферу его приемлемости для окружающих, но его цели и мотивы понятны практически каждому.

Прагматический подход к проблемам сохранения языка максимально дистанцируется от подобной практики, потому что культивация жертвенности и чувства вины – далеко не самая лучшая мотивация для среднестатистического гражданина и обывателя. Язык существует постольку, поскольку существует потребность в его использовании, поэтому создание таких возможностей – необходимое условие сохранения и дальнейшего развития языков, особенно языков миноритарных.

Список литературы

- Антонян К. Г., Соколова Н. А.** Перформативные практики в конструировании образов национальной идентичности // Вестн. СПбГИК. 2022. № 3 (52). С. 6–11.
- Бородай С. Ю.** Современное понимание проблемы лингвистической относительности: работы по пространственной концептуализации. // Вопр. языкозн. 2013. № 4. С. 17–54.
- Гумбольдт В.** О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества. // Гумбольдт В. Избранные труды по языкознанию. М.: Прогресс, 2000. С. 37–297.
- Руднева Е. А.** Стратегии лингвистической вежливости в спонтанном речевом взаимодействии: Дис. ... канд. филол. наук. Специальность 10.02.19 – теория языка. СПб., 2018.
- Чистанов М. Н.** Языковые сообщества в сети: от искусственных языков к естественным // Гуманитарный вектор. 2022. Т. 17, № 4. С. 176–183. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-176-183.

Чистанов М. Н. Сравнительная прагматика естественного и искусственного языка в контексте проблемы сохранения языков коренных народов // Вестн. Том. гос. ун-та. Философия. Социология. Политология. 2023. № 73. С. 36–43. DOI: 10.17223/1998863X/73/3

References

- Antonian K. G., Sokolova N. A.** Performative practices in the design of national identity images. // Bulletin of Saint Petersburg State University of Culture. 2022. № 3 (52). P. 6–11. (in Russian)
- Boroday S. Yu.** The problem of linguistic relativity today: studies in spatial conceptualization // Voprosy yazykoznavaniya. 2013. No. 4. P. 17–54. (in Russian)
- Chistanov M. N.** Networked Language Communities: From Constructed Languages to Natural Languages // Humanitarian Vector. 2022. Vol. 17. No. 4. P. 176–183. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-4-176-183.
- Chistanov M. N.** Comparative pragmatics of natural and artificial language in the context of the problem of protecting indigenous languages // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya. 2023. Vol. 73. P. 36–43. (In Russian). DOI: 10.17223/1998863X/73/3
- Humboldt V.** On the difference in the structure of human languages and its influence on the spiritual development of the human race // Humboldt V. Selected Works on Linguistics. Moscow: Progress, 1984. P. 37–297. (in Russian)
- Rudneva E. A.** Strategies of linguistic politeness in spontaneous speech interaction: A thesis submitted in partial fulfillment of the requirements for the degree of Candidate of Sciences (Theory of Language). St. Petersburg, 2018. (in Russian)

Информация об авторе

Чистанов Марат Николаевич, доктор философских наук, доцент
Профессор кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин,
Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова

Information about the Author

Marat N. Chistanov, Doctor of Science (Philosophy), Docent.
Professor of the Department of Civil Law and Criminal Law Disciplines, Khakass
State University

*Статья поступила в редколлегию 10.05.2023;
одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 29.06.2023*

*The article was submitted 10.05.2023;
approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 29.06.2023*

Научная статья

УДК 130.2:930.1

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-26-35

Историческая наука и визуальный поворот: особенности восприятия

Виктор Геннадьевич Корж

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова
Абакан, Россия

victorkorzh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6569-4400>

Аннотация

В статье анализируется комплекс методологических проблем, связанных с визуальным поворотом в современной исторической науке, а также особенности восприятия исторического прошлого и организации обучения истории в современной культуре и в системе исторического образования. В ходе анализа оцениваются перспективы уже существующих подходов в философии в развитии проблематики визуального. В качестве значимого источника для рефлексии визуального предлагаются идеи Мориса Мерло-Понти о феноменологии восприятия с его акцентом на «телесном» в процессе восприятия. Привлечение визуальных элементов в исторический нарратив, как показано в статье, усложняет методологию и практику источниковедческой критики, в то же время позволяет исторической науке сделать свой вклад в осмысление образа как такового.

Ключевые слова

визуальный поворот, восприятие, историческая наука, историческое образование, исторический нарратив, историческое сознание

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда проект № 23-28-10111, <https://rscf.ru/project/23-28-10111/> при паритетной финансовой поддержке Правительства Республики Хакасия

Для цитирования

Корж В. Г. Историческая наука и визуальный поворот: особенности восприятия // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 26–35. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-26-35

Historical science and the visual turn: features of perception

Victor G. Korzh

Khakass State University
Abakan, Russian Federation

victorkorzh@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6569-4400>

© Корж В. Г., 2023

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2023. Том 21, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2023, vol. 21, no 2

Abstract

The paper analyzes a complex of methodological problems associated with the visual turn in modern historical science, as well as the peculiarities of the perception of the historical past and the organization of history teaching in modern culture and in the system of historical education. The analysis evaluates the prospects of already existing approaches in philosophy in the development of problems of the visual. The ideas of Maurice Merleau-Ponty on the phenomenology of perception, with his emphasis on the “physical presence” of a body in the process of perception, are proposed as a significant source for the reflection on the visual. The involvement of visual elements in the historical narrative, as shown in the article, complicates the methodology and practice of source criticism, while at the same time allowing historical science to make its contribution to understanding the image as such.

Keywords

visual turn, perception, historical science, historical education, historical narrative, historical consciousness

Acknowledgements

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation Project No. 23-28-10111, <https://rscf.ru/en/project/23-28-10111/> with parity financial support of the Government of the Republic of Khakassia

For citation

Korz V.G. Historical science and the visual turn: features of perception. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 26–35. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-26-35

Визуальный поворот в исторической науке – это не только вопрос методологии или подхода, но и философское размышление о природе истории, культуры и сущности человеческого восприятия. Обращение к проблематике визуального остается актуальным для рассмотрения вопросов, связанных с пределом восприятия и потенциалом визуального представления, искажающим наш взгляд на прошлое и настоящее. По своей сути визуальный поворот поднимает фундаментальные вопросы о взаимосвязи между реальностью и её репрезентацией, а также о той роли, которую визуальные образы играют в формировании нашего восприятия и понимания истории. При этом осмысление различных проблем, связанных с визуальным поворотом, не является прерогативой для философов, историков или культурологов, визуальное формирует особое междисциплинарное поле исследований, и как следствие поднимает огромное количество вопросов перед представителями большинства классических академических наук.

Почему мы обращаемся именно к «визуальному повороту»? Термин *turn* (поворот) или, точнее, – *linguistic turn* (лингвистический поворот), впервые был предложен американским философом Р. Рорти [Rorty, 1992] для характеристики состояния философских и гуманитарных исследований второй половины XX в. Понятие поворота оказалось чрезвычайно востребованным, и в дальнейшем продолжатели идеи Рорти стали говорить о других поворотах, в том числе и о «визуальном». Они использовали последний для характеристики трансформации художественных-изобразительных и повседневных практик в рамках современной культуры и как следствие применительно к эстетическим и исследовательским программам. В научной литературе к настоящему времени существует несколько во многом синонимичных концептуальных конструкций: 1) *pictorial turn* (изобразительный поворот) американского историка искусства В. Дж. Т. Митчелла

[Mitchell, 1994]; 2) *imagic turn* (образный поворот) немецкого философа Ф. Фельмана [Fellmann, 2006]; *iconic turn* (иконический поворот) швейцарского искусствоведа Г. Бёма [Böhm, 2007].

Несмотря на некоторые расхождения, перечисленные выше теории объединяет общая идея принципиальной новизны современной культурной ситуации по отношению к предшествующим историческим эпохам. Как справедливо отмечает философ В. М. Маслов: «Любое другое наименование (например, «иконический поворот») должно с самого начала прояснить свое отношение с «визуальным», признавая тем самым «визуальное» исходным феноменом. Последнее прямо ведет к выбору «визуального поворота» общим наименованием, а не то или иное превалирование одной точки зрения над всеми другими» [Маслов, 2019. с. 42]. Именно поэтому нами в качестве базового термина используется словосочетание *visual turn* (визуальный поворот) и в том числе рассматриваются прямо связанные с ним понятия и категории визуальности, визуального, визуализации, визуальной культуры, визуального образа и визуального восприятия.

Важным ориентиром в представленном исследовании выступает направление западноевропейской философии XX в., именуемое феноменологией телесности. Её основоположник немецкий философ Э. Гуссерль [Гуссерль, 2009] разработал метод феноменологической редукции, который предполагает отказ от предвзятых представлений и философских теорий для сосредоточения на описании и анализе явлений, которые мы воспринимаем. Философ трактует восприятие не как пассивное отображение окружающего нас мира, а как активный процесс, в котором представление о мире конструируется на основе чувственных впечатлений. В связи с этим процесс восприятия визуальных объектов напрямую зависит от способности человека синтезировать различные чувственные данные в единое целое.

Продолжил и весьма удачно развил идеи классической феноменологии французский философ М. Мерло-Понти [Мерло-Понти, 1999] который включил в феноменологическое рассмотрение живое видение реальности, осуществляемое личностью феноменолога, не лишаящего себя личностно-уникальных, экзистенциально-наполненных форм ориентирования в мире вещей. Внимание философа фокусируется на теле, восприятии и взаимодействии между телом и окружающим миром. По Мерло-Понти, наш опыт мира не сводится только к восприятию чувствами, но также зависит от физических, эмоциональных и социальных контекстов, и «любое восприятие вещи, формы, размера в качестве реальных, любая перцептивная константность отсылает к такому положению мира и системы опыта, где мое тело и феномены строго взаимосвязаны» [Мерло-Понти, 1999, с. 390].

Переходя к рассмотрению заявленной темы, необходимо отметить, что в исторической науке визуальный поворот традиционно связывают с тенденцией, при которой визуальные источники (картины, фотографии, кинохроники и фильмы и т.д.) используются в качестве основных при проведении научного исследования. Тем не менее будет ошибочно акцентировать внимание исключительно на привлечении нового комплекса исторических источников, поскольку визуальный поворот оказывает существенное влияние на изменение подхода к технологиям и процессу исторического познания. Очевидно, что происходящие

трансформации исторической науки «носят системный характер, т.е. охватывают все уровни и элементы исторического познания (методологию и методы, проблемно-тематическое поле, язык науки, включая ее понятийный аппарат, источниковую базу, способы репрезентации результатов исследования)» [Мазур, 2009, с. 100].

В связи с этим необходимо признание значительной роли визуальной репрезентации в формировании понимания исторического прошлого. Как справедливо выразился нидерландский теоретик философии истории Ф.Р. Анкерсмит: «Практика историка – это в определенном смысле обратная сторона ответов на тест Роршаха: историк должен найти неизвестный до настоящего времени образ среди относительно знакомых вещей, сделанных, написанных или обдуманных людьми в прошлом» [Анкерсмит, 2003, с. 248].

Появление во второй половине XX в. «новой исторической науки» стало отправной точкой для формирования новых направлений исторического знания, которые смогли в дальнейшем существенно расширить проблемное поле исторической науки. Именно с научной деятельностью представителей новой истории принято связывать поворот исторической науки к изучению различных аспектов визуального. В современной западноевропейской историографии поворот истории к визуальному обычно называют состоявшимся, однако его признанию и принятию произошедших изменений теоретиками предшествовал период активных научных дискуссий, связанных с соотношением исторической науки и истории искусства, и рассмотрением фундаментальных вопросов методологии истории. По мере развития визуального поворота все больше изменялась сама научно-исследовательская перспектива. На первый план выходили не вопросы, связанные с методами работы с визуальными источниками, а вопросы о том, как визуальное определяет подход к восприятию мира и исторического прошлого.

Подобный взгляд предложили сторонники *visual history* (визуальной истории), трактующие изображения не просто как исторические источники, а как средство познания мира. Одним из основоположников визуальной истории является немецкий историк Г. Пауль, который предложил широкое понимание образа, включающее в себя не только собственно материальное изображение, но и практики видения и восприятия. Такой подход способствовал в том числе существенному расширению источниковой базы и отходу от традиционной ориентации в первую очередь на произведения изобразительного искусства. Проблемное поле визуальной истории выходит за рамки рассмотрения изображений только в качестве источников информации о прошлом, вместо этого они рассматриваются «в качестве деятельного медиума, генерирующего социальные установки и менталитеты» [Медяков, 2018, с. 121].

Крайне интересен подход к пониманию визуального другого немецкого историка и философа Х. Киттштайнера, который акцентировал внимание на эпистемологической функции образа. Им был выдвинут тезис образов как «картин в нашей голове», определяющих историческое знание. При помощи обращения к научным исследованиям неврологии зрения Киттштайнером была разработана историческая «теория видения», согласно которой образы являются частью человеческого сознания. По мнению историка, когда мы думаем о каком-либо историческом собы-

тии, мы представляем себе определенный образ, причем он оказывается не просто отображением когда-то виденного – «внутренние образы представлений конституируют историческое знание, ибо они воздействуют на процесс понимания истории и свойственны самим историкам (например, образы Берлинской стены в ночь на 9 ноября 1989 года, образы 11 сентября 2001 года и т.д.)» [Бахманн-Медик, 2017, с. 430].

Наши соотечественники (в основном историки) визуальный поворот на протяжении долгого времени определяли прежде всего как зарубежную тенденцию, причины которой нуждались в глубоком и фундаментальном осмыслении. Сегодня феномен визуального поворота остается в фокусе внимания многих теоретиков философии, истории и культуры. Научные изыскания и постепенно развивающееся междисциплинарное взаимодействие способствуют не только трансформации устоявшихся теоретических и методологических границ, но и появлению новых методов и подходов к научному исследованию, что, несомненно, способствует взаимообогащению научных дисциплин. Под влиянием визуального поворота в современной отечественной историографии сложился целый комплекс исследовательских проблем, наибольшей популярностью пользуются следующие: 1) методы и приемы использования визуальных источников в рамках исторических исследований; 2) проблематика «образа» как тема научного исследования; 3) изучение теоретико-методологических основ визуального поворота; 4) становление и развитие новых направлений исторической науки (историко-визуальные исследования, визуальная антропология, историческая имагология, историческое моделирование).

Проблема восприятия исторического прошлого среди историков не так популярна, как те же вопросы источниковедческой критики визуальных источников. Её обоснованием может послужить характерная для каждого человека субъективность. Безусловно, нет никакой возможности приблизиться к абсолютной объективности и воссоздать истинную картину исторического прошлого, а всё имеющееся историческое знание человека основывается на его собственном восприятии и личном опыте интерпретации информации, исходящей из различных источников. Вместе с тем восприятие исторических нарративов зависит от множества факторов, будь то какие-либо предрассудки, импонирующие точки зрения или культурные корни. Вследствие чего «история становится столько же нашим собственным “продуктом”, сколько результатом внешнего воздействия» [Чистанов, 2019, с. 123]. Поэтому необходимо учитывать специфику того, каким именно способом происходит трансляция исторического знания внутри общества.

Как известно, на рубеже XX–XXI вв. происходит становление так называемого общества визуальной культуры, цивилизации образа или цивилизации визуального поворота, в рамках которого происходит твердое признание значительного влияния визуальных образов на мировоззрение, эмоции и действия человека. Из-за этого всплеск исследовательского внимания к визуальному повороту можно трактовать как следствие абсолютного доминирования визуальных образов в современном обществе и культуре. Одним из центральных вопросов для философии, истории и культуры становится процесс осмысления роли визуальных образов в восприятии современным обществом реальности, истори-

ческого прошлого и различных культурных явлений. Как справедливо отметил философ В. В. Савчук: «перепроизводство визуальной продукции достигло столь небывалых масштабов, что перестроило критерии оценки событий: мы чаще доверяемся не букве и слову, а визуальному образу» [Савчук, 2013, с. 97].

Сегодня историческое знание передается не только с кафедры или при публикации научных трудов историков, но и при помощи широкого инструментария визуальных медиа, что приводит к появлению бесчисленного количества весьма сомнительных источников «исторического» контента, которые в свою очередь бросают вызов классическим способам трансляции исторического знания. Некоторые исследователи, характеризуя современное общество, говорят о том, что «визуальные образы не просто существуют вокруг нас, но и обладают принудительными чертами, захватывая своей интенсивностью и убедительностью» [Крыжановская, 2009, с. 5]. В результате складывается определенная ситуация, при которой высокий уровень визуальной насыщенности, перепроизводство и чрезмерное потребление и восприятие визуальных образов как культурных, так и исторических, может привести к десенсбилизации и потере критического взгляда на их смысл и ценность. На основании этого актуальной задачей для исторической науки становится воссоздание образа исторического прошлого с учетом его многомерного, эмоционального, эстетического и фактографического контекста.

При этом требования к современному историку как к профессионалу не должны сводиться исключительно к классическому набору знаний справочной информации, фактов, событий, дат, причинно-следственных связей и к владению методикой исторического исследования. Необходимо стремиться к более тонкому и критическому пониманию исторических событий и образов, которое учитывает субъективность восприятия и в то же время стремится свести к минимуму его последствия, что требует глубокого погружения в исторический контекст. Имеет важное значение пересмотр самого процесса восприятия исторического прошлого, так как восприятие и последующая интерпретация посредством описания визуальных образов должны представлять собой «философскую медитацию, в которой субъективный опыт открывал бы над-субъективные структуры культуры и вскрывал скрытые смыслы» [Лазарева, 2019, с. 66].

Визуальный образ в отличие от текста способен предоставить более личный и чувственный опыт, кинофотодокументы, произведения изобразительного искусства или документальные фильмы могут передать настроение, атмосферу и насыщенность зафиксированного момента, что делает опыт их восприятия уникальным. Но они, впрочем, как и все источники исторической информации, могут быть подвержены фальсификации и/или использованы для манипуляции, в связи с этим обращение к ним в рамках исторического познания, безусловно, должно основываться на научной критике и рефлексии. Помимо того, определенная визуализация истории потенциально может обеспечить не только более глубокое представление об историческом прошлом, но и привлечь внимание целевой аудитории историков – молодежи, сделав историческую науку и историческое образование более привлекательными и интерактивными.

Преподавание истории во многом лишено разнообразия, а внимание к предмету со стороны обучающихся зачастую зависит от харизмы и ораторских навыков преподавателя. Вместе с тем предпочтительными остаются прошедшие «проверку временем» методы обучения. Отказ и игнорирование визуального компонента ошибочны, так как на современном этапе представление о истории в массовом сознании формируется под непосредственным влиянием визуальных медиа, которые в свою очередь могут быть подвержены определенному влиянию. Без должных навыков критического анализа это становится серьезной проблемой: обучающиеся могут слепо принимать представленную им информацию, не подвергая сомнению ее подлинность и не учитывая альтернативные точки зрения. Именно поэтому актуальной проблемой становится поиск новых способов репрезентации исторического прошлого, которые должны одновременно соответствовать критериям научности и быть доступными для широкой аудитории. Взаимодействие историков с визуальными образами и привлечение визуальных элементов в нарратив открывает новые возможности, но вместе с тем влечёт за собой и новые вызовы, которые требуют более глубокого и тонкого подхода не только к процессу источниковедческой критики, но и к осмыслению образа как такового.

По нашему мнению, обозначенный выше комплекс методологических проблем, сформировавшийся в современной отечественной исторической науке и историческом образовании, напрямую связан с феноменом визуального поворота и господством визуальных образов в окружающем современном человека пространстве. Как итог особое значение для будущего дисциплины имеет разрешение ряда вопросов, связанных с особенностью восприятия, трансляции и репрезентации исторического прошлого. Практическую значимость в данном случае обретает разработка новых научных теорий и обращение со стороны отечественных теоретиков и методологов истории к опыту и научным публикациям различных мыслителей в фокусе внимания которых находились упомянутые выше вопросы.

Одними из перспективных для разработки автор считает изыскания М. Мерло-Понти; в частности, привлекают внимание его теоретические установки, изложенные в рамках феноменологии восприятия, где философ неуклонно акцентирует внимание на «телесном» и обосновывает его особую роль в процессе восприятия. Как известно, история всегда рассматривается с субъективной точки зрения. Мы можем воспринимать определенные события и факты истории в зависимости от своих представлений и убеждений, которые формировались под влиянием личного опыта, уровня образования, исторического фона и многих других факторов. Некоторые исследователи, анализируя творчество М. Мерло-Понти, справедливо отмечают, что у мыслителя «историческая реальность предстает перед человеком в новом свете, она перестает быть лишь объектом восприятия. Тело, являясь инструментом видения, достигает желаемых вещей, но, вместе с тем, становится в один ряд с вещами» [Ажимов, 2015, с. 101]. У М. Мерло-Понти история не просто линейное повествование, а скорее динамичный, неограниченный процесс, так как «история – это не вечное обновление и не вечное повторение,

это неповторимое движение, которое творит неизменные формы и сокрушает их» [Мерло-Понти, 1999. с. 126].

Не исключено, что именно обращение к философским трудам М. Мерло-Понти и других упомянутых и не упомянутых в представленной статье деятелей философской мысли может в перспективе стать одним из вариантов разрешения возникшего в современной отечественной исторической науке и историческом образовании комплекса методологических проблем. Это, в свою очередь, потенциально может обеспечить более подробное и многогранное представление об истории в целом.

Список литературы

- Ажимов Ф. Е. М.** Мерло-Понти и М. Хальбвакс: экзистенциальный выбор как основание исторического сознания // Гуманит. исслед. в Вост. Сибири и на Дальнем Востоке. 2015. № 4(34). С. 98–103.
- Анкерсмит Ф. Р.** История и тропология: взлет и падение метафоры. М.: Прогресс-Традиция, 2003. 496 с.
- Бахманн-Медик Д.** Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре. М.: Нов. лит. обзор., 2017. 504 с.
- Гуссерль Э.** Идеи к чистой феноменологии и феноменологической философии. М.: Акад. проект, 2009. Книга первая. 416 с.
- Крыжановская Я. С.** Визуальное и зрелищное // Вопр. культурологии. 2009. № 10. С. 4–7.
- Лазарева О. В.** Перспективы сближения визуальных исследований и культурологии // Человек. Культура. Образование. 2019. № 3(33). С. 54–69.
- Мазур Л. Н.** «Визуальный поворот» в исторической науке на рубеже XX–XXI вв.: в поисках новых методов исследования // Диалог со временем. 2014. № 46. С. 95–108.
- Маслов В. М.** Философия визуального поворота: от теории к практике // Философская мысль. 2019. № 12. С. 39–56.
- Медяков А. С.** Изучение визуальной истории в Германии: основные подходы в историографии и методике исследований // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8: История. 2018. № 6. С. 121–145.
- Мерло-Понти М.** Феноменология восприятия. СПб.: Ювента; Наука, 1999. 605 с.
- Савчук В. В.** Феномен поворота в культуре XX века // Междунар. журн исследований культуры. 2013. № 1(10). С. 93–108.
- Чистанов М. Н.** К вопросу о визуализации исторического нарратива // Гуманит. вектор. 2019. Т. 14. № 3. С. 121–127.
- Böhm G.** Wie Bilder Sinn erzeugen. Die Macht des Zeigens. Berlin: Berlin University Press, 2007. 282 p.
- Fellmann F.** Phänomenologie zur Einführung. Hamburg: Junius Verlag, 2006. 160 p.
- Mitchell W. J. T.** The Pictorial Turn. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 462 p.
- Rorty R.** The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 407 p.

References

- Azhimov F. E.** M. Merleau-Ponty and M. Halbwaks: existential choice as the basis of historical consciousness // *Gumanitarnye issledovaniya v Vostochnoj Sibiri i na Dal'nem Vostoke*. 2015. No 4(34). p. 98–103.
- Ankersmit F. R.** *History and tropology: the rise and fall of metaphor*. M.: Progress-Tradiciya, 2003. 496 p. (in Russian)
- Bahmann-Medik D.** *Cultural twists. New landmarks in the sciences of culture*. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 504 p. (in Russian)
- Böhm G.** *Wie Bilder Sinn erzeugen. Die Macht des Zeigens*. Berlin: Berlin University Press, 2007. 282 p.
- Chistanov M. N.** To the Issue of Visualization of a Historical Narrative // *Gumanitarnyj vector*. 2019. Tom 14. no 3. p. 121–127. (in Russian)
- Fellmann F.** *Phänomenologie zur Einführung*. Hamburg: Junius Verlag, 2006. 160 p.
- Gusserl' E.** *Ideas towards pure phenomenology and phenomenological philosophy*. M.: Akademicheskij proekt, 2009. Book one. 416 p. (in Russian)
- Kryzhanovskaya YA. S.** Visual and spectacular // *Voprosy kul'turologii*. 2009. no 10. p. 4–7. (in Russian)
- Lazareva O. V.** The prospects for convergence of the visual studies and cultural research // *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*. 2019. no 3(33). p. 54–69. (in Russian)
- Maslov V. M.** The philosophy of visual turn: from theory to practice // *Filosofskaya mysl'*. 2019. no 12. p. 39–56. (in Russian)
- Mazur L. N.** «The visual turn» in historical sciences at the late 20th early 21st cc.: the search of new research methods // *Dialog so vremenem*. 2014. no 46. p. 95–108. (in Russian)
- Medyakov A. S.** Study of visual history in Germany: main approaches in historiography and research methodology // *Vestn. Mosk. un-ta. Ser. 8: Istoriya*. 2018. no 6. p. 121–145. (in Russian)
- Merlo-Ponti M.** *Phenomenology of perception*. SPb.: Yuventa; Nauka, 1999. 605 p. (in Russian)
- Mitchell W. J. T.** *The Pictorial Turn*. Chicago: University of Chicago Press, 1994. 462 p.
- Rorty R.** *The Linguistic Turn. Essays in Philosophical Method*. Chicago: University of Chicago Press, 1992. 407 p.
- Savchuk V. V.** The Phenomenon of Turn in 20th Century Culture // *Mezhdunarodnyj zhurnal issledovanij kul'tury*. 2013. no 1(10). p. 93–108. (in Russian)

Информация об авторе

Виктор Геннадьевич Корж, аспирант кафедры гражданско-правовых и уголовно-правовых дисциплин, Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова

Information about the Author

Victor G. Korzh, Postgraduate student of the Department of Civil Law and Criminal Law Disciplines, N. F. Katanov Khakass State University

*Статья поступила в редколлегию 20.05.2023;
одобрена после рецензирования 28.08.2023; принята к публикации 31.08.2023*

*The article was submitted 20.05.2023;
approved after reviewing 28.08.2023; accepted for publication 31.08.2023*

Научная статья

УДК 316.42

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-36-46

Критика обоснования ускорения истории при помощи синергетики и концепции «Большой истории»

Олег Константинович Трубицын

Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

trubitsyn77@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4549-0405>

Аннотация

Существует большое количество различных моделей ускорения истории. В данной статье рассматриваются модели, предлагаемые такими исследователями как С. П. Капица, С. В. Цирель и А. Д. Панов. Они строятся на предпосылках синергетической методологии, концепциях Большой истории и сингулярности, а также трактовке ускорения истории как последовательного сокращения длительности значимых исторических эпох. Цель работы – показать неубедительность такого подхода в качестве варианта обоснования концепции ускорения истории.

Ключевые слова

ускорение истории, синергетика, Большая история, сингулярность, периодизация истории, демография

Для цитирования

Трубицын О. К. Критика обоснования ускорения истории при помощи синергетики и концепции «Большой истории» // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 36–46. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-36-46

Criticism of the justification of history acceleration with the help of synergetics and the concept of “Big History”

Oleg K. Trubitsyn

Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

trubitsyn77@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0003-4549-0405>

© Трубицын О. К., 2023

Abstract

There are a large number of different models of history acceleration. This article discusses the models proposed by S. P. Kapitsa, S. V. Tsirel and A. D. Panov. They are based on the prerequisites of a synergetic methodology, the concepts of Big History and singularity, as well as the interpretation of the acceleration of history as a consistent reduction in the duration of significant historical epochs. The purpose of the paper is to show the unconvincing nature of such an approach as a variant of substantiating the conception of history acceleration.

Keywords

acceleration of history, synergetics, Big History, singularity, periodization of history, demography

For citation

Trubitsyn O.K. Criticism of the justification of history acceleration with the help of synergetics and the concept of "Big History". *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 36–46. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-36-46

Существует большое количество различных моделей ускорения истории (наряду с моделями ее замедления и стабилизации), среди которых нас сейчас будут интересовать те, которые обосновывают ускорение истории синергетической методологией и / или отсылкой к более широкой модели так называемой «Большой истории», т. е. предствлению о единстве процесса эволюции Вселенной, частью которого является социальная эволюция. В качестве примеров такого подхода взяты гипотезы С. П. Капицы, С. В. Циреля и А. Д. Панова.

Как указывает Н. С. Розов, «под “ускорением истории” обычно понимают: 1) последовательное сокращение длительности значимых исторических эпох (ступеней антропогенеза, формаций и способов производства и накопления, стадий технологического роста, художественных стилей и т. д.); 2) рост числа существенных изменений в каждом примерно равном последующем отрезке времени в сравнении с предыдущими отрезками» [Розов, 2015, с. 151]. Данные авторы (по крайней мере Капица и Панов) исходят из первой версии и рассматривают ускорение истории как последовательный процесс «сжатия» исторических эпох.

Необходимо оценить обоснованность такого варианта концепции ускорения истории, который строится на предпосылках синергетической методологии, концепциях Большой истории и сингулярности, а также трактовке ускорения истории как последовательного сокращения длительности значимых исторических эпох. Для этого будут рассмотрены аргументы указанных авторов и определена их убедительность.

Концепция С. П. Капицы

Сначала рассмотрим концепцию ускорения истории С. П. Капицы, изложенную им в ряде статей [Капица, 1996; 2004] и устных выступлениях и базирующуюся на модели демографического роста. Анализ демографического роста осуществляется на основе методов системного анализа и синергетики. Предполагается, что данная методология наиболее адекватна для феноменологического описания развития сложных самоорганизующихся и автомодельно эволюционирующих систем, каковой и является, по его мнению, человечество. Положение

о том, что человечество должно рассматриваться как единая целостная система, является важной предпосылкой модели, построенной С. П. Капицей. Вполне убедительным выглядит его утверждение, что современное человечество можно рассматривать как систему благодаря наличию многочисленных информационных, экономических и прочих связей. Однако возникает сомнение, что человечество могло быть с достаточной адекватностью представлено как система до возникновения современной капиталистической мировой системы, т. е. до XVI века. Тем не менее, Капица настаивает, что это было верно и в прошлом: «И в далеком прошлом, когда людей было мало и мир в значительной степени был разделен, все равно его популяции медленно, но верно взаимодействовали» [Капица, 1996, с. 65].

Это утверждение носит критический характер для следующих далее основных исходных положений его гипотезы: 1) сложность системы «человечество» математически определяется квадратом числа одновременно проживающих людей, т. е. максимальным количеством связей между ними; 2) скорость демографического роста пропорциональна сложности системы; 3) также сложность системы определяет скорость социально-экономического прогресса, критерием чего является производство и потребление энергии. Отсюда следует, что рост при нелинейном кооперативном взаимодействии в принципе необратим, и все развитие человечества описывается как прогрессивная эволюция саморазвивающейся взаимосвязанной и взаимозависимой системы. Таким образом, С. П. Капица формулирует математическую (логарифмическую) модель гиперболического роста населения, из которой следует ускорение социального развития. Более того, утверждается не только что рост населения и социальное развитие параллельно ускоряются, но и что достижение ими определенных пороговых показателей синхронизировано. При достижении определенной численности населения происходит качественный скачок в развитии человечества и переход его на новый уровень. Продолжительность каждого исторического периода определяется тем, что в нем умещаются жизни примерно 9–10 млрд человек. Поскольку скорость роста населения увеличивается, каждый следующий исторический период оказывается короче предыдущего. И это сокращение исторических периодов можно интерпретировать как ускорение истории.

Гиперболическую модель демографического роста человечества предложил в середине XX в. Маккендрик, согласно расчетам которого к 2030 г. численность населения Земли должна будет стать близкой к бесконечности. Модель Капицы строится на подобной математической формуле, что по идее должно приводить к выводу, что в текущем веке население продолжит гиперболически возрастать до неопределенно большой величины, а история продолжит ускоряться до неопределенно высокой скорости. Однако Капица признает, что делать подобные выводы просто нелепо, а также учитывает утверждения демографов о происходящем демографическом переходе, который категорически не вписывается в модель. Выход он находит в объявлении нашего времени точкой сингулярности, когда привычные законы развития коренным образом меняются: в частности, происходит прекращение действия закона демографического роста и стабилизация численности населения, так что дальнейший прогресс (который им просто

оптимистически принимается на веру) будет носить не экстенсивный, а интенсивный характер. Ускорение истории в смысле скорости смены исторических эпох достигло своего максимума: когда численность населения Земли приближается к пороговому значению в 9–10 млрд человек, живущих одновременно, историческая эпоха сжимается до продолжительности эффективной жизни одного поколения. Предположение, что история может ускоряться еще более, привела бы нас к нелепому допущению, что исторические эпохи сократятся до считанных лет, а затем и еще меньших сроков, что абсурдно.

Предложенный С. П. Капицей подход анализа человечества как саморазвивающейся системы, которую можно математически моделировать с опорой на методологию синергетики, имеет право на существование как способ феноменологического описания некоторых процессов. Однако возникают сомнения в его полной применимости в данном случае. Как следует из его исходных посылок, сильным ограничением подхода является требование системной целостности человечества. Как уже говорилось, Капица обнаруживает ее признаки уже в глубокой древности, что явно неверно. Стоит согласиться с И. Валлерстайном, что в древности человечество представляло собой набор почти изолированных мини-систем, связи между которыми были крайне эпизодическими и слабыми. А собственно мировая система формируется только после начала эпохи Великих географических открытий, когда устанавливаются связи между обществами разных континентов, а также происходит интенсификация связей между обществами Евразии. Сложно сказать, когда человечество с достаточным уровнем точности может быть квалифицировано как единая система, но это точно относится только к последним векам, а никак не многим тысячелетиям до нашей эры. Получается, что исходная предпосылка подхода С. П. Капицы становится адекватной реальности лишь относительно недавно, а подлинно высокий уровень интеграции мира достигается лишь в самое последнее время, в эпоху глобализации. Получается парадоксальная ситуация: модель Капицы вроде бы хорошо описывает ситуацию первобытной древности, ранних цивилизаций и средневековья, когда ее исходная предпосылка не соответствовала реальности, но перестает работать именно тогда, когда эта предпосылка становится по настоящему адекватной.

Феноменологический подход обнаруживает некоторые внешние закономерности, но не позволяет понять, какие именно факторы и механизмы здесь действуют и каковы границы их действия. В результате подход начинает походить на нумерологию или математический мистицизм неопифагорейцев. Это ярко проявляется в попытке объяснения феномена демографического перехода. Капица признает факт демографического перехода, не вписывающийся в его математическую модель, но дает этому несколько странное объяснение. Он описывает демографический переход как стабилизацию численности населения мира, которая происходит неравномерно по странам. Эта стабилизация численности вызывается, по его мнению, не какими-то социальными факторами, а закономерностями развития самоорганизующейся системы «человечество». «Распространенным является утверждение о том, что демографический переход определяется исчерпанием ресурсов. Однако растет число указаний на то, что именно системные процессы эволюции дают ключ к пониманию причин перехода, а наивный маль-

тузианский подход не способен объяснить это явление, имеющее такое значение в наши дни» [Капица, 1996, с. 77].

Стоит согласиться с отвержением мальтузианского варианта объяснения, но и предложенная альтернатива доверия не вызывает. Мальтузианский подход хорош хотя бы тем, что указывает на циклические тенденции в демографии и учитывает именно социальные факторы колебания численности населения. П. Турчин [Turchin, 2009] с опорой на исторические данные показывает, что типичная картина демографии аграрных обществ – чередование фаз роста и падения численности населения, колебания с периодичностью 150–300 лет на фоне постепенного роста. Если С. П. Капица прогнозирует стабилизацию численности населения на уровне 10–12 [Капица, 2004] или 14 [1996] млрд человек, то П. Турчин уверенно заявляет, что рисуемая в большинстве источников сейчас картина стабилизации численности землян в 10–12 млрд человек неверна и скорее стоит ожидать в текущем веке снижения численности населения. Правда, и в отношении модели Турчина, разработанной для аграрных обществ, возникают сомнения в применимости для обществ современных. Действительно, стоит ожидать сокращения численности населения, но механизм здесь будет по всей видимости иной, чем в перенаселенных аграрных обществах. Проблема в побочных следствиях модернизации. Модернизация предполагает массовую урбанизацию и всеобщее продолжительное образование. Если в средневековом селе ребенок начинал окупать вложенные в него усилия и ресурсы по крайней мере в подростковом возрасте, то в современном городе ребенок в принципе «не рентабелен». С развитием государственной системы социального обеспечения и современной пенсионной системы дети утратили и роль обеспечителей родительской старости. Обычно модернизация также сопровождается секуляризацией, что в сочетании с растущим благосостоянием приводит к росту гедонистических настроений, также не способствующих активному деторождению. Дело, по всей видимости, состоит в этих и, может быть, каких-то еще конкретных социальных обстоятельствах эпохи модерна, а не в каком-то мифическом синергетическом эффекте, лежащем в основе закона самодостаточности гиперболического демографического роста. В пользу такого предположения говорит и неравномерность демографического перехода, который уже случился в странах, давно прошедших модернизацию, но еще и не начался в некоторых наиболее отсталых аграрных странах. Если бы дело было в системных эффектах человечества как целого, то процессы демографического перехода происходили бы синхронно в разных странах, независимо от уровня их развития.

Остается еще один вопрос: а почему же тогда так красиво синхронизированы в модели С. П. Капицы исторические эпохи и накопленные 10 млрд жизней? Ответ состоит в том, что синхронизированы они, по всей видимости, именно что в теоретической модели, но не в реальной истории. Во-первых, численность населения прежних эпох известна нам очень приблизительно, и данные эти получены в основном путем математических расчетов. Неудивительно, что при этом получаются красивые графики, но неясно, насколько точно они соответствуют действительности. Соответственно мы не можем уверенно говорить, что с такого-то по такой-то века до нашей эры проживало именно 9 млрд человек, а не 6 или 12. Во-вторых, все стадийные классификации являются определенной условно-

стью, конвенцией, хотя и строятся, как правило, не произвольно, а на основе некоторых существенных признаков. Тем не менее выделение той или иной вехи в качестве границы исторического этапа не является чем-то осуществляемым с естественнонаучной строгостью. В частности, выделение исторических периодов самим Капицей выглядит в значительной степени произвольным. Он выделяет следующие исторические периоды [Капица, 2004]: 1. Галечные культуры *Homo habilis*; 2. Заселение Европы и Азии; 3. Формирование вида *Homo sapiens*, появление речи и окультуренного огня; 4. Заселение Америки; 5. Появление технологий изготовления керамики и бронзы; 6. Появление городов, сельского хозяйства и древнейших цивилизаций Междуречья и Египта; 7. Осевое время, развитие греческой, индийской и китайской цивилизаций; 8. Средние века – от падения Рима до эпохи Великих географических открытий; 9. Новое время; 10. Мировые войны; 11. Современный период глобализации, информатизации и демографического перехода. Я не буду здесь подробно рассматривать спорность большинства представленных вех, отмечу только, что формирование вида *Homo sapiens* происходит в его периодизации только на третьем этапе, хотя если речь идет об истории человечества, то это должен быть первый этап. В результате такого расширения понятия «человечество» на иной биологический вид общая продолжительность истории решительно увеличивается. Подобное удлинение истории в сочетании с выделением весьма произвольных с точки зрения всемирной истории вех ведет к тому, что этапы истории подгоняются под данные демографической модели, что, собственно, и создает эффект красивого логарифмического распределения равного числа людей по сокращающимся эпохам в соответствии с синергетической моделью.

Концепция ускорения истории в синергетической перспективе соединяется с концепциями Большой истории и сингулярности. Если сингулярность присутствует и в модели ускорения истории С. П. Капицы, то попытку вписать ускорение социальной истории в Большую историю предпринимают уже другие исследователи.

Концепция С. В. Циреля

Одной из таких попыток являются работы С. В. Циреля [2012; 2020]. Однако их выводы нельзя назвать последовательными. Уважение автора к историческим фактам не позволяет ему втиснуть их в красивую математическую модель, где последовательное ускорение социальной истории является прямым продолжением столь же последовательного ускорения естественной истории. Так, он признает, что замедляющаяся геологическая эволюция не может быть вписана в единый ряд Большой истории. Также для астрофизиков и астрономов более близок взгляд на эволюцию как замедляющийся процесс. Тем не менее, понятие ускорения применимо к Большой истории, если рассматривать ускорение социальной эволюции как продолжение ускоряющегося процесса биологической эволюции. Вместе с тем, указанное уважение автора к эмпирике не дает ему построить упрощенную модель, где биологическая эволюция, а далее и социальная только ускоряются. Есть два основных паттерна течения процессов эволюции. Первый, характерный

скорее для биологической эволюции, «состоит из длительных этапов постепенной эволюции с более или менее постоянной скоростью, разделяемых короткими периодами кризисов или, иными словами, периодами быстрой эволюции» [Цирель, 2012, с. 192], а второй, более характерный для социальной эволюции, «включает в себя как замедляющуюся, так и ускоряющуюся эволюцию» [Цирель, 2012, с. 192]. Таким образом, согласно его представлениям, процесс этот скорее волнообразный, когда периоды ускорения сменяются периодами замедления и застоя. К тому же феномен ускорения относится до Нового времени к отдельным цивилизациям, а не к человечеству в целом, поскольку «при меньшей связности мир-системы до “военной революции” ускорения различных цивилизаций, не вызванные планетарными климатическими изменениями, могли идти как синфазно, так и в противофазе...» [Цирель, 2020, с. 124]. В целом же получается, что не существует единой логики эволюции Вселенной, где на одной линии гиперболического графика располагались бы астрономические, геологические, биологические и социальные революции, происходящие в ускоряющемся темпе. Можно говорить лишь о некоторой тенденции ускорения биологической и социальной эволюции и то с осторожностью, учитывая и противоположные тенденции.

Концепция А. Д. Панова

Более последовательной и радикальной попыткой рассмотреть Большую историю как последовательно ускоряющийся процесс является работа А. Д. Панова [2005]. Он развивает идеи С. П. Капицы, а также А. П. Назаретяна и И. М. Дьяконова, формулируя собственное видение так называемой планетарной истории. Панов утверждает, что «планетарная история, включающая историю биосферы и цивилизации, представляет собой последовательность эпох и разделяющих их фазовых переходов – революций. Последовательность революций характеризуется явлением “ускорения исторического времени” и образует сходящуюся последовательность точек, обладающую свойством масштабной инвариантности. Ожидаемый предел этой последовательности приходится на 2000–2030 гг. Планетарный цикл Универсальной истории, продолжавшийся 4 млрд лет и характеризовавшийся эффектом ускорения исторического времени, заканчивается у нас на глазах, и эволюция должна будет пойти по совершенно новому пути» [2005, с. 122]. В данном подходе синергетическая модель Большой истории рассматривает как саморазвивающуюся систему не только человечество как целое, но биосферу, продолжением линии эволюции которой является развитие человеческой цивилизации: «социальная эволюция продолжает биологическую» [Панов, 2005, с. 131]. Более того, исследователь пытается еще более расширить Большую историю, включив в единую линию эволюции и предбиологическую эволюцию от зарождения Вселенной. Поскольку срок химической эволюции на Земле оказывается слишком коротким, чтобы вписаться в предложенную математическую модель, исследователь вынужден соглашаться с гипотезой панспермии, что выглядит подгонкой «неправильных» фактов под красивую теорию.

Но в принципе можно пока оставить предбиологическую эволюцию за пределами основной модели, как это делает сам А. Д. Панов, ограничившись единой

биосоциальной эволюцией. Здесь он выделяет следующие планетарные революции: 0. Возникновение жизни; 1. Неопротерозойская революция; 2. Кембрийский взрыв; 3. Начало мезозойской эры; 4. Начало кайнозойской эры (революция млекопитающих); 5. Начало неогена (возникновение гоминид); 6. Начало четвертичного периода (антропоген); 7. Олувай; 8. Шелль (появление *Homo erectus*); 9. Ашель (появление *Homo sapiens neandertalensis* и *Homo sapiens sapiens*); 10. Мустье (культурная революция неандертальцев); 11. Верхнепалеолитическая культурная революция кроманьонцев; 12. Неолитическая революция; 13. Начало древнего мира; 14. Железный век, Осевое время; 15. Средневековье (с V–VII веков); 16. Первая промышленная революция XV–XVI веков; 17. Вторая промышленная революция 1830–1840-х гг.; 18. Информационная революция 1950-х гг., переход развитых стран в постиндустриальную эпоху; 19. Глобализация с 1991 г.

Таким образом, вся предшествующая биологическая и социальная эволюция вплоть до начала XXI века представляла собой единую последовательность укорачивающихся периодов, сходящуюся к точке сингулярности приблизительно в 2015 г. плюс-минус 15 лет. Эффект ускорения исторического времени достиг в наши дни максимума, и дальнейшего ускорения уже не будет, а история далее пойдет по новому, непредсказуемому руслу. Так что «переживаемый сейчас системный кризис цивилизации означает конец четырехмиллиардного автоматического аттрактора земной планетарной эволюции» [Панов, 2005, с. 135].

Автор признает определенную трудность своей методологии: «Итак, методика выбора планетарных революций для анализа не проста и не вполне однозначна. Анализ затрудняет прежде всего отсутствие явного, не связанного с мнением экспертов определения качественного различия между разными фазами эволюции планетарной системы» [Панов, 2005, с. 135]. Однако, как представляется, он недооценивает значимость данной проблемы.

Являются ли переход к средневековью, появление компьютеров или окончание холодной войны и глобализация столь значимыми вехами гипотетической универсальной эволюции, чтобы их можно было поставить в один ряд с зарождением жизни или появлением вида *Homo sapiens*? Это выглядит как крайний антропоцентризм, свойственный скорее средневековой геоцентрической картине мира, чем современной. Но там это имело не только научное, но и религиозное обоснование, оставаясь делом веры. Не очень понятно, почему вся предшествующая эволюция Вселенной до сих пор шла по единой гиперболической линии, ведущей к сингулярности наших дней, связанной с текущими социальными изменениями. Для нас происходящие сейчас события, несомненно, очень значимы, как значимы для каждого поколения те события, которые в свое время происходили. Но предполагаемая чрезвычайная значимость нашего времени пока никак ярко не проявляется даже в масштабе человеческой истории. Тем более непонятно космическое значение текущих событий. Его можно было бы вписать в религиозную картину мира, объявив наши дни временем апокалипсиса и конца времен. Однако же предполагается, что это научная модель, а точка сингулярности связана с демографическим переходом и некоторым социальным кризисом. Но пока мы можем констатировать, что текущий кризис не столь уж масштабен, чтобы объявлять его узловым поворотным пунктом истории человечества, равнознач-

ным или даже превосходящим по значимости появление человеческой цивилизации и самого человечества. Конечно, до окончания верхнего предела точки сингулярности по Панову – 2030-го года – еще осталось некоторое время, чтобы мы могли столкнуться со столь радикальной планетарной революцией, которая превзойдет по значимости появление млекопитающих и неолитическую революцию, но основная прогнозная дата – 2015 г. прошла без признаков столь резкого перелома.

Но вернемся к проблеме сложности периодизации человеческой истории. А. Д. Панов, в отличие от С. П. Капицы, осознает европоцентристскую ограниченность традиционного выделения периода средневековья с датировкой его от падения Западной Римской империи. Поэтому он делает датировку перехода к средневековью несколько размытой, относя ее к продолжительному периоду от падения Рима до возникновения ислама. Но полностью это проблемы не решает, поскольку если рассматривать человечество как принципиально единый объект (как это предполагает методология синергетики), то и вехи должны быть общезначимыми. Падение Западной Римской империи и зарождение ислама мало сказались даже на Китае, не говоря уже о цивилизациях Америки. Более того, после падения Рима Восточная Римская империя просуществовала еще несколько веков, что ставит под сомнение фундаментальную общечеловеческую значимость данного события, не говоря уже о эволюции Вселенной. Мы привыкли в марксистской традиции рассматривать переход от рабовладельческой формации к феодальной как прогрессивный скачок в развитии производительных сил и общества в целом. Но объективно говоря, до начала индустриализации (у Панова значащейся всего лишь как вторая промышленная революция) средневековое и раннее нововременное общество едва ли серьезно превосходили античное по уровню развития производительных сил и не отличались радикально в плане повседневного образа жизни обывателей. Таким образом, получается, что математическая точность гиперболического графика, на котором располагаются все социальные революции, образуя красивую картину равномерно ускоряющейся истории, обеспечивается в основном произвольным выбором исторических дат.

В целом можно сказать, что синергетические модели, предполагающие ускорение истории вплоть до достижения точки сингулярности, от подозрения в мистицизме спасает только заявленный феноменологический характер. Интерпретация истории Вселенной или по крайней мере планетарной истории выглядит так, как будто основные события человеческой истории были фатально predeterminedены от начала времен. Такой вариант был бы приемлем при допущении роли Божественного Провидения, но без такой предпосылки данная модель выглядит еще более утрированным эгоцентризмом (или, может, лучше сказать хроноцентризмом, имея в виду убеждение в исключительности своего времени), чем гегелевская философия истории в интерпретации С. Л. Франка.

Все это не значит, конечно, что концепция ускорения истории не имеет права на жизнь. Но это значит, что она нуждается в дальнейшем рассмотрении и иных подходах к обоснованию. Рассмотренные в данной статье подходы, строящиеся на предпосылках синергетической методологии, концепциях Большой истории и сингулярности, а также трактовке ускорения истории как последовательного со-

кращения длительности значимых исторических эпох, выглядят неубедительным вариантом обоснования ускорения истории.

Список литературы

- Капица С. П.** Об ускорении исторического времени // Новая и новейшая история. 2004. № 6. С. 3–16.
- Капица С. П.** Феноменологическая теория роста населения Земли // Успехи физических наук. 1996. Т. 166. № 1. С. 63–80.
- Панов А. Д.** Сингулярная точка истории // Общественные науки и современность. 2005. № 1. С. 122–137.
- Розов Н. С.** Ускорение истории: причинные механизмы и пределы // Общественные науки и современность. 2015. № 6. С. 151–163.
- Цирель С. В.** Скорость эволюции: пульсирующая, замедляющаяся, ускоряющаяся // Универсальная и глобальная история (эволюция Вселенной, Земли, жизни и общества). Хрестоматия. Волгоград: Учитель, 2012. С. 167–196.
- Цирель С. В.** Big History и Singularity как метафоры, гипотезы и прогноз // Эволюция, 2020. № 10. С. 102–125.
- Turchin P.** Long-term population cycles in human societies // R. S. Ostfeld and W. H. Schlesinger (Eds). The Year in Ecology and Conservation Biology // Ann. N. Y. Acad. Sci. 2009. No. 1162. P. 1–17.

References

- Kapitsa S. P.** On the acceleration of historical time // New and modern history. 2004. No. 6. P. 3–16. (in Russian)
- Kapitsa S. P.** Phenomenological theory of the growth of the Earth's population // Successes of physical sciences. 1996. Vol. 166. No. 1. P. 63–80. (in Russian)
- Panov A. D.** Singular point of history // Social sciences and modernity. 2005. No. 1. P. 122–137. (in Russian)
- Rozov N. S.** Acceleration of history: causal mechanisms and limits // Social sciences and modernity. 2015. No. 6. P. 151–163. (in Russian)
- Tsirel S. V.** Big History and Singularity as metaphors, hypotheses and forecast // Evolution. 2020. No. 10. P. 102–125. (in Russian)
- Tsirel S. V.** The speed of evolution: pulsating, slowing down, accelerating // Universal and global history (evolution of the Universe, Earth, life and society). A textbook. Volgograd: Uchitel', 2012. P. 167–196. (in Russian)
- Turchin P.** Long-term population cycles in human societies // R. S. Ostfeld and W. H. Schlesinger (Eds). The Year in Ecology and Conservation Biology // Ann. N. Y. Acad. Sci. 2009. No. 1162. P. 1–17.

Сведения об авторе

Олег Константинович Трубицын, кандидат философских наук, доцент, Новосибирский государственный университет

Information about the Author

Oleg K. Trubitsyn, Candidate of Science (Philosophy),
Docent, Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 04.04.2023;
одобрена после рецензирования 11.05.2023; принята к публикации 30.05.2023*

*The article was submitted 04.04.2023;
approved after reviewing 11.05.2023; accepted for publication 30.05.2023*

Научная статья

УДК 316.334.55

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-47-57

Институционализация процессов социокультурного развития локальных сообществ

Владимир Сергеевич Шмаков

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
vsshmakov@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается проблема институционализации эволюционных форм социокультурного развития локальных сообществ. Цель исследования заключается в анализе условий и факторов, влияющих на процессы институционализации в контексте социокультурной динамики. Социокультурные институты являются важнейшими структурами, механизмами формирования социокультурной идентичности, выступают регуляторами генерации ценностно-нормативных комплексов, формирующих модели социокультурного развития. Основными факторами, определяющими институциональную динамику социокультурной эволюции в условиях давления глобализованного социума, являются: трансформация традиционных производственно-экономических отношений; конфликтность локальной и глобальной социокультурной среды; столкновение формальных и неформальных социокультурных практик. В процессе взаимодействия глобальности и локальности возникают условия, определяющие нестабильность, противоречивость, конфликтность, нелинейность развития социокультурного развития. Базовыми социокультурными структурами эволюционирующего локального сообщества являются традиция, новации и архаика. Унификация социокультурной среды становится доминирующей тенденцией развития локальных сообществ, определяющей процессы институционализации.

Ключевые слова

глобализация, социокультурное развитие, локальность, трансформация, социокультурные институты, институционализация.

Для цитирования

Шмаков В. С. Институционализация процессов социокультурного развития локальных сообществ // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 47–57. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-47-57

Institutionalization of the processes of socio-cultural development of local communities

Vladimir S. Shmakov

Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation
vsshmakov@gmail.com

Abstract

The article deals with the problem of institutionalization of evolutionary forms of socio-cultural development of local communities. The purpose of the study is to analyze the conditions and factors affecting the processes of institutionalization in the context of socio-cultural dynamics. Socio-cultural institutions are the most important structures, mechanisms for the formation of socio-cultural identity, act as regulators of the generation of value-normative complexes forming models of socio-cultural development. The main factors determining the institutional dynamics of socio-cultural evolution under the pressure of a globalized society are: the transformation of traditional industrial and economic relations; the conflict between local and global socio-cultural environments; the clash of formal and informal socio-cultural practices. In the process of interaction of globality and locality, conditions arise that determine instability, inconsistency, conflict, non-linearity of the development of socio-cultural development. The basic socio-cultural structures of the evolving local community are: tradition, innovations and the archaic. The unification of the socio-cultural environment becomes the dominant trend in the development of local communities, which determines the processes of institutionalization.

Keywords

globalization, socio-cultural development, locality, transformation, socio-cultural institutions, institutionalization

For citation

Shmakov V.S. Institutionalization of the processes of socio-cultural development of local communities. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 47–57. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-47-57

Глобализация, являясь генератором трансформации мировой экономики, обуславливает модернизацию социально-экономического развития локальных сообществ Евразии, порождает условия формирования единого социокультурного пространства. Возникающие противоречия глобальности и локальностей, акцентируют внимание на проявлении реверсивных тенденций социокультурного развития: интеграцию и дифференциацию, что затрагивает такие понятия как «традиция» и «современность».

Эволюцию социокультурного развития необходимо рассматривать не как независимый феномен, а как закономерный результат глобальных и локальных производственно-экономических, общественно-политических и институциональных трансформаций в пространстве Евразии. Ведущей тенденцией социокультурного развития становится унификация социокультурной среды. Опыт модернизационных реформ важно анализировать с точки зрения «социальной цены» и изменения стратегий государства в области социальной и культурной политики. Предлагаемая цивилизационным подходом методологическая схема вполне применима к анализу социокультурных процессов. Локальные сообщества анализируются в рамках дихотомии «вызов-ответ», интерпретируемой в соответствии с концеп-

цией А. Тойнби [Тойнби, 2001]. «Вызовом» представляется влияние геополитики, геоэкономики, геокультуры на эволюцию социокультурного пространства, в качестве «ответа» выступают формирующиеся модели социокультурного развития, вырабатываемые в процессе адаптации к социально-экономическим реформам. Очевидно, что полюса дихотомии «вызов / ответ» не обладают статичностью. Вызов формируется внутри сообщества под влиянием внешних и внутренних факторов. Вопрос с ответом, определяемым процессами социокультурной эволюции, осложняется воздействием массовой культуры на социокультурное развитие локальных сообществ, пытающихся сохранить традиционные ценности, нормы и правила жизнедеятельности.

Целью исследования является анализ условий и факторов, влияющих на процессы институционализации в контексте социокультурной динамики, выявление ведущих тенденций эволюции социокультурного пространства локальных сообществ, определяющих социокультурную трансформацию в условия глобализации. Социокультурная эволюция есть интегративная модификация типа социокультурной системы, обуславливающая кризис культуры и общественных отношений, в конечном итоге ведущий к ослаблению влияния традиционных ценностей, институтов, распаду идентичностей локальных сообществ.

Локальные сообщества обладают сложной конфигурацией, характеризуются целостностью, иерархичностью, общностью интересов и целей, включенных в более общую структуру. В процессе жизнедеятельности сообщества оформляются в своеобразную геосоциокультурную локацию – устойчивую совокупность людей, консолидированных комплексом традиций, принципов, норм, проявляющихся и отражающихся в специфике социокультурного развития, интегрированных в географических и историко-временных рамках. Процессы социокультурной эволюции оказывают влияние на формирование институциональной структуры локальных сообществ, отражающей и фиксирующей трансформирующийся порядок взаимосвязей и отношений социокультурной среды. Необходимость сохранения социокультурной целостности локальных сообществ – не самодовлеющая задача, это проблема сохранения государственной безопасности и суверенитета, национальной идентичности, в конечном счете, определение места Российской Федерации в мире.

Производственно-экономическая модернизация и социокультурная эволюция предопределяют ломку социокультурных институтов, сформировавшихся в предшествующий исторический период. Жизненное обустройство сообщества, выглядевшее привычным, устоявшимся стандартом, в короткое время оказывается непонятым, чуждым, враждебным, фиксируется состояние утраты привычных ориентиров. Как справедливо отметил П. Штомпка, изменения такого рода представляются «травматическими» [Штомпка, 2001, с. 6–16]. Социокультурное поведение локальных сообществ проявляется как спонтанная, самопроизвольная, инстинктивная реакция на изменение внешней и внутренней среды обитания, регулируемой слабо понимаемыми правилами, привнесенными извне. Трансформация социокультурного пространства обуславливает разрушение старых и зарождение новых социокультурных институтов, детерминирует задачу легитимизации, формализации новых аспектов формирования социокультурной

среды, оказывающих воздействие на локальное сообщество [Шмаков, 2021, с. 75–87]. Наличие эволюционирующих социокультурных форм генерирует проблему институционализации процессов социокультурного развития.

В литературе существуют различные подходы к объяснению и типологизации понятия «социокультурный институт». Так, например, В.Г. Федотова, Н. Н. Федотова, С. В. Чугров подчеркивают, что культура и институты «теснейшим образом сопряжены друг с другом и могут быть разведены только для аналитических и методологических целей. Они выступают двумя сторонами одной медали: институты – продукт культуры и общества, а культура и общество, в свою очередь, – результирующая действия институтов» [Федотова, Федотова, Чугров, 2018, с. 143]. Д. Н. Черезов, анализируя проблему определения места и роли социокультурных институтов в структуре общественных отношений российского общества, отмечает слабую степень их участия в реализации социальной политики. Автор справедливо указывает, что «в структуре бюджетного финансирования социокультурных институтов необходимо уходить от «остаточного принципа» и переходить к их бюджетной поддержке, исходя из реального общественного запроса каждой территории с учетом исторического опыта, традиций, наличия устоявшихся школ по направлениям, учета климатического расположения территории и так далее» [Черезов, 2015, с. 276].

Мы определяем социокультурный институт как исторически сложившуюся структуру, воспроизводящую и фиксирующую систему социокультурных взаимосвязей и взаимодействий, складывающихся на основе совокупности потребностей, традиционных ценностно-нормативных установок, определяющих и регулирующих систему совместной жизнедеятельности сообщества на основе формальных и неформальных практик, норм, обычаев, ценностей, направленных на воспроизведение и поддержание социокультурных функций. Если рассматривать институционализацию как процесс упорядочения, формализации и стандартизации, обозначения и фиксации социокультурных установок, правил, ролей и статусов, приведение их в систему, способную удовлетворять запросы локального сообщества, определяемые в процессе жизнедеятельности, то социокультурный институт есть организованная социальная система, интегрирующая элементы культуры и социальной жизни.

Торстейн Веблен сформулировал методологический подход к объяснению сути социального института, акцентировал внимание на основных характеристиках, определяющих понятие «социальный институт»: структура производственного или экономического механизма; способы реагирования на стимулы; принятую систему общественной жизни. Он утверждал, что институты представляются привычными способами реагирования на стимулы извне [Веблен, 1984, с. 201–202]. В этом смысле социокультурная эволюция есть процесс отбора, адаптации, приспособления менталитета, темперамента, образа мышления к меняющимся условиям жизнедеятельности локального сообщества. Новая жизненная обстановка начинает «влиять на характер членов общества, принявшего ее в качестве нормы... формировать их образ мысли, подчиняя себе развитие человеческих способностей и склонностей» [Там же]. Дуглас Норт уточняет и организует позицию Т. Веблена: «Институты – это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения».

ния, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми, ... институты ограничивают и определяют спектр альтернатив» [Норт, 1993, с. 73]. Такой подход служит своеобразным методологическим основанием исследования эволюции социокультурных институтов. Проблемы трансформации социальных и культурных институтов в условиях глобализации рассматриваются в современной литературе широко и разносторонне [Леонова, 2011, с. 227–235; Kivinen, Maslovskiy, 2021, с. 1–29; Лапин, 2021, с. 5–16 и др.]. Например, Э. И. Рудковский акцентирует: «жернова» глобализации нивелируют и стандартизируют культурное развитие, появляется угроза становления технократически бездушного человека» [Рудковский, 2018, с. 79]. Отметим главное. Давление глобализации меняет картину социокультурного мира локальных сообществ, трансформирует, разрушает институты, поддерживающие и регулирующие развитие традиционной социокультуры. Социокультурная среда, подвергаясь модернизационным воздействиям, не только обретает новые качества, – наблюдаются процессы архаизации социокультурных отношений [Шмаков, 2007, с. 80–81]. Более того, подчеркивается, что «в ситуации разрушения культурных основ общества архаизация является закономерным процессом и ответной реакцией на трансформационные деформации» [Штомпель, Штомпель, 2010, с. 37]. З. Бауман в свое время грубо, но справедливо заметил: «Вместо того, чтобы служить очагом сообщества, местное население превращается в болтающийся пучок обрезанных веревок» [Бауман, 2004, с. 40]. Эти проблемные позиции усугубляют тенденцию трансформации и исчезновения традиционно сложившихся институтов. В то же время процессы социокультурной модификации определяют борьбу традиций и новаций, возникающую под давлением либеральных концепций, не укладывающихся в рамки деятельности сохранившихся социокультурных институтов. Возникает потребность формирования институтов, отражающих эволюцию социокультурной среды. Процесс сложнейший и растянутый во времени, неосуществимый без государственного урегулирования, теснейшим образом связанный с таким камнем преткновения как «национальная идея» или «идеология».

Проблема институционализации динамики социокультурного развития исследуется достаточно активно. Широко обсуждаются вопросы влияния глобализации на социокультурную эволюцию [Цыганова, Евстафьев, 2010, с. 19–34; Колоцова, Несмеянов, 2015, с. 2101–3204; Лекторский, 2018; Захаркин, 2021, с. 269–281]. А. С. Малиновский предлагает анализировать «взаимодействия и взаимопроникновение локальных культур как культурно-исторических образований, обладающих собственной ментальностью и способных к сохранению своей идентичности в условиях глобализации» [Малиновский, 2013, с. 177]. В этом смысле проблема развития мировой цивилизации, определение места и роли в ней локальных сообществ, сложности трансформации культуры и социальности в условиях расширяющегося влияния либерализма, являющегося, с нашей точки зрения, основой идеологии глобализации, обостряет необходимость сохранения традиционной культуры. Дилемма конструктивного и деструктивного воздействия глобализации провоцирует модификацию социокультурных институтов, обостряет задачу сохранения традиций и институционализацию новых социокультурных тенденций. В. А. Ядов отметил, что вектор российского общественного развития оста-

ется не совсем определенным, а функционирование современных российских социальных институтов находится в «переходном» состоянии. Общественное развитие зависит от влияния традиционных институтов и глобальных процессов [Ядов, 2005, с. 45–74]. Подчеркнем, что за проблемой институционализации стоит потребность сохранения традиционной культуры, удержание своего институционального места в системе общественных отношений.

Социокультурный институт как самодостаточное общественное формирование образуется в динамике жизнедеятельности локального сообщества, обладает собственной логикой развития, интегрированностью и функциональностью. В этом смысле социокультурный институт есть результат формирования связей и отношений индивидов и групп локального сообщества в процессе взаимодействий. Отметим, что трансформация социокультурных институтов является своеобразным маркером, указывающим направление развития социокультурной жизни под влиянием экзогенных и эндогенных факторов: эволюция, революция, импорт «чужих» социокультурных традиций и ценностей. Деятельность социокультурных институтов определяется и исполняется путем реализации функций, ориентированных на воспроизводство и регулирование совокупности ценностей, передачу социокультурного опыта и обеспечение воспитания, коммуникации, взаимодействия, интеграции, сохранение и развитие социокультурных традиций локального сообщества. Активность социокультурных институтов нацелена на формирование и воплощение в жизнь общественно-значимых целей, регламентирующих взаимодействия членов локального сообщества, способствующих объединению. Институты служат своеобразным инструментом, индикатором, определяющим потребности локального сообщества в сохранении исторически сложившихся способов жизнедеятельности, традиционной культуры и социальности. Процесс институционализации отображает функционально-целевую направленность активности институтов: понимание, объяснение, закрепление и контроль.

Функция закрепления и воспроизводства социокультурных ценностей, традиций, норм и правил, определения ролей и статусов, формирующихся в процессе жизнедеятельности, унифицирующих социокультурную среду, обеспечивает устойчивость социокультурного развития сообщества. Функция социализации: передача социокультурного опыта, принципов усвоение норм, правил и способов жизнедеятельности. Интегративно-координационная функция: формирование и воспроизводство общих целей, мобилизация и консолидация жизнедеятельности локального сообщества на основе институционализированных норм, правил, обычаев, системы ролей и санкций. Регулятивная функция: выработка и принятие процедур, регулирующих механизмов для управления и контроля над функционированием и развитием социокультурной среды, поддержание устойчивых связей и отношений в масштабах локального общества. В результате в динамике формирования и закрепления социокультурных традиций, норм, ценностей, общественных практик определяется система установок, правил, ролей и статусов, призванных регулировать социокультурное развитие локального сообщества.

Функционально-целевая направленность анализа проблемы возникновения и развития социокультурных институтов дает возможность отобразить процесс

институционализации в комплексе. В широком смысле слова институционализация, т.е. процедура формализации социокультурных отношений, связанная с образованием социокультурных институтов, устанавливается в ходе формирования потребностей и общих целей. Процесс институционализации есть создание логичного социально значимого порядка социокультурного развития, завершающегося организацией социокультурного института. Институционализация в конечном итоге отображает возникновение новых форм социокультурных практик, закрепляющих эволюцию социокультурного пространства в масштабах организационных структур, обладающих определенным уровнем власти, регламентирующей социокультурную деятельность. Эволюционный путь развития культуры и социальности в процессе институционализации «чужих» социокультурных ценностей в масштабах традиционного социокультурного пространства предполагает, не травмируя, не разрушая социокультурную идентичность, защищать ее от деструктивного давления на историческую память, духовно-нравственные традиции и ценности. Определяя масштаб и направление социокультурного развития локальных сообществ как комплексный процесс, охватывающий фундаментальные структуры, подчеркнем, что результат адаптации локального сообщества зависит от способности совместить внешние и внутренние факторы, обуславливающие социокультурную трансформацию. Но если приспособление образа мышления социума к меняющимся обстоятельствам и есть собственно развитие социокультурных институтов, то в локальном сообществе происходят более сложные по своему характеру перемены. Возникающие потребности, диктуемые обстоятельствами жизнедеятельности, меняют условия и правила всего образа жизни, закрепляя его в процессе эволюции культуры и социальности в нормах, правилах и т.д. Человеческий капитал локального сообщества претерпевает существенные трансформации, связанные не только с изменением форм собственности, идеологии, модифицируются традиционные производственно-экономические отношения, что активизирует процессы утраты социокультурных, трудовых традиций. В процессе модернизации закрепляются новые правила и нормы, призванные определять и формировать наборы ролей, обеспечивающих функционирование и развитие новых общественных практик, ранее не имевших места в жизни сообщества.

Выделим основные факторы, определяющие институциональную динамику социокультурного развития в процессе адаптации локальных сообществ к меняющимся условиям жизнедеятельности.

1. Трансформация традиционных производственно-экономических отношений способствует эволюции социокультурного пространства локальных сообществ в сторону снижения значимости традиционных формальных и неформальных практик институционального развития. В результате нарушения равновесия и гармонии между традиционными ценностями и реальностью социокультурные институты претерпевают ряд модификаций, влияющих на восприятие массовой культуры. Смещение глобальной и локальной культуры и системы общественных отношений, попытка «импорта» либеральных ценностей детерминируют проблемы и противоречия, связанные с нестабильностью, противоречивостью и конфликтностью локальной и глобальной социокультурной среды. Соответственно, в динамике коммуникаций формальных и неформальных практик, традиционных и «чужих» сущностей формируются поведенческие модели социокультурно-

го развития локальных сообществ, рассогласованные с традиционными нормами и ценностями, что предопределяет проявление курса дезинтеграции локального сообщества.

2. Дезинтеграционные процессы детерминируют тенденции конфликта локальной и глобальной социокультурной среды, что определяет движение в сторону сохранения и воспроизводства традиционных ценностей. Трансформация социокультурных институтов осуществляется преимущественно в контексте сохранения базовых социокультурных структур локального сообщества, с участием государственных организаций. Осуществляются слабые попытки регулирования институциональных изменений на уровне государственного законодательства.

3. Давление глобализации на локальные сообщества порождает развитие социокультурных форм, включающих новации и традиции, фиксируя потребность их институционализации. Дифференциация существующих и возникновение новых социокультурных структур способствует нарушению социокультурного баланса, обозначается своеобразный «социокультурный» кризис.

4. Унификация социокультурной среды становится доминирующей тенденцией развития локальных сообществ, определяющей процессы институционализации. Радикальные изменения традиционного образа жизни способствуют появлению разломов в социально-экономическом развитии, предопределяют процессы дифференциации, фрагментации. Социокультурные и институциональные преобразования активизируют интеграцию/дезинтеграцию локальных сообществ.

В процессе эволюции изменяются традиционные базовые структуры сообществ, ценностные основания, возникают институциональные дисфункции: нестабильность – проблема воспроизводства человеческого капитала; противоречивость – проблема формирования общих целей; конфликтность – разлом регулирующих механизмов, поддерживающих стабильность традиционной социокультурной среды; нелинейность – отказ от традиций, движение к парадигме инновационных изменений в культуре. Без решения отмеченных проблем возникает угроза дезинтеграции локального сообщества и потери социокультурной идентичности.

В заключение отметим, что процесс социокультурной трансформации связан с наличием противоречивых явлений кризиса и прогресса, конфликтности традиционализма и модернизации, социального протеста и поддержки. В то же время не совсем правильно было бы абсолютизировать конфликт нового и традиционного, социокультурные процессы не разламывают кардинально социокультурное пространство, но оказывают воздействие на социокультурную трансформацию локальных сообществ, деформируя базовые ценности. Анализ проблем эволюции социокультурного развития в условиях модернизационных потрясений определяет необходимость исследования универсализации и локализации социокультурного развития. Локальные сообщества Евразии обладают аутентичным идеологическим маркером, который является следствием исторически оформившегося типа социокультуры в пределах «месторазвития». Социокультурный фактор представляется фундаментом, основой сбережения традиционной социокультурной среды, генерализирующий устойчивое развитие социума. Мы рас-

смотрим социокультурную трансформацию как процесс, сочетающий в своем развитии традицию, модерн и архаику, обозначив их базовыми структурами эволюционирующего традиционного локального сообщества. Социокультурные преобразования в современном мире имеют глобальный характер, и рецептов безболезненного, бесконфликтного решения этой проблемы не найдено.

Список литературы

- Бауман З.** Глобализация. Последствия для человека и общества. М.: Весь Мир, 2004. 188 с.
- Веблен Т.** Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.
- Захаркин Р. А.** Восприятие российского социума как кризисного // Вестник МГЛУ. Обществ. науки. Вып. 2 (843). 2021. С. 269–281.
- Колосова О. Ю., Несмеянов Е. Е.** Социокультурные трансформации в условиях глобализационных процессов // Фундамент. исслед. 2015. № 2–14. С. 3201–3204.
- Лапин Н. И.** Человек и культура. Его взаимодействие с обществом в прошлом, настоящем и будущем России (продолжая традиции осевого поколения) // Вопр. философии. 2021. № 5. С. 5–16. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-5-5-16>
- Лекторский В. А.** Человек и культура: Избр. ст. СПб.: СПбГУП, 2018. 639 с.
- Леонова О. Г.** Вызовы социокультурной глобализации и ответы цивилизации // Соц.-гуманит. знания. 2011. № 2. С. 227–235.
- Малиновский А. С.** Культурная глобализация (глокализация). Локальное и транснациональное // Вестн. Том. гос. пед. ун-та. 2013. № 1 (129). С. 176–179.
- Норт Д.** Институты и экономический рост: историческое введение // Тезис. М., 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 69–291.
- Рудковский Э. И.** Культурная безопасность: глобальный и региональный контекст // Искусство и культура. 2018. № 4 (32). С. 79–83.
- Тойнби А. Дж.** Постигание истории: Сб. М.: Рольф, 2001. 640 с.
- Федотова В. Г., Федотова Н. Н., Чугров С. В.** Культура, институты, политика // Полис. Полит. исслед. 2018. № 1. С. 143–156. <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.10>
- Цыганова Л. А., Евстафьев Д. Г.** Постглобальное социокультурное развитие // Обществ. науки и современность. 2010. № 6. С. 19–34.
- Черезов Д. Н.** Социокультурные институты гражданского общества в структуре социальной политики современной России // Тр. С.-Петерб. гос. ин-та культуры. 2015. С. 268–276.
- Шмаков В. С.** Модернизация в России: от традиции к глобализму // Вестн. НГУ. Сер.: философия. 2007. Т. 5. Вып. 2. С. 76–81.
- Шмаков В. С.** Социокультурное пространство: к проблеме объяснения и понимания // Сиб. филос. журн. 2021. Т. 19. № 2. С. 75–87. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-2-75-87
- Штомпель Л. А., Штомпель О. М.** Архаизация современной культуры: необходимость или случайность? // Ценности и смыслы. 2010. № 1 (4). С. 34–42.

- Штомпка П.** Социальные изменения как травма // Социс. 2001. № 1. С. 6–16.
- Ядов В. А.** Трансформация российских социальных институтов // Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: Флинта: МПСИ, 2005. С. 45–74.
- Kivinen M., Maslovskiy M.** Russian modernization: a new paradigm. In: Russian modernization: a new paradigm / Ed. by M. Kivinen, B. Humphreys. Abingdon: Routledge, 2021. P. 1–29. DOI: 10.4324/9781003099161

References

- Bauman Z.** Globalization. Consequences for the individual and society. Moscow: Ves' Mir, 2004. 188 p. (in Russian).
- Cherezov D. N.** Socio-cultural institutions of civil Society in the structure of social policy in modern Russia // Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury. 2015. P. 268–276. (in Russian).
- Cyganova L. A., Evstaf'ev D. G.** Post global socio-cultural development // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2010. no. 6. P. 19–34. (in Russian).
- Fedotova V. G., Fedotova N. N., Chugrov S. V.** Culture, institutions, politics // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2018. no. 1. P. 143–156. (in Russian).
- Kivinen M., Maslovskiy M.** Russian modernization: a new paradigm // Russian modernization: a new paradigm / Ed. by M. Kivinen, B. Humphreys. Abingdon: Routledge, 2021. p. 1–29.
- Kolosova O. Yu., Nesmeyanov E. E.** Socio-cultural transformations in the context of globalization processes // Fundamental'nye issledovaniya. 2015. no. 2–14. p. 3201–3204. (in Russian).
- Lapin N. I.** Man and culture. His interaction with society in the past, present and future of Russia (continuing the traditions of the axial generation) // Voprosy filosofii. 2021. no. 5. P. 5–16. (in Russian).
- Leonova O. G.** Challenges of socio-cultural globalization and answers of civilization // Social'no-gumanitarnye znaniya. 2011. no. 2. P. 227–235. (in Russian).
- Malinovskij A. S.** Cultural globalization (glocalization). Local and transnational // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. 2013. no. 1 (129). P. 176–179. (in Russian).
- Nort D.** Institutions and economic growth: a historical introduction // Thesis, 1993, vol. 1, no. 2, pp. 69–291. (in Russian).
- Rudkovskij E. I.** Cultural security: global and regional context // Iskusstvo i kul'tura. 2018. no. 4 (32). P. 79–83. (in Russian).
- Shmakov V. S.** Modernization in Russia: from tradition to globalism // Bulletin of the NSU. Series: Philosophy, 2007. vol. 5. no. 2. P. 76–81. (in Russian).
- Shmakov V. S.** Sociocultural space: to the problem of explanation and understanding // Siberian Philosophical Journal. 2021. vol. 19. no. 2. P. 75–87. DOI 10.25205/2541-7517-2021-19-2-75-87
- Shtompel' L. A., Shtompel' O. M.** Archaization of modern culture: necessity or chance? // Cennosti i smysly. 2010. no. 1 (4). P. 34–42. (in Russian).

- Tojnbi A. Dzh.** Comprehension of history. Collection. Moscow: Rol'f, 2001. 640 p. (in Russian).
- Veblen T.** The theory of the leisure class. Moscow: Progress, 1984. 367 p. (in Russian).
- Yadov V. A.** Transformation of Russian social institutions // Social'nye transformacii v Rossii: teorii, praktiki, sravnitel'nyj analiz. Moscow: MPSI, 2005. P. 45–74. (in Russian).
- Zaharkin R. A.** Perception of Russian society as a crisis // Vestnik MGLU. Obshchestvennye nauki. 2021. no. 2 (843). P. 269–281. (in Russian).

Сведения об авторе

Владимир Сергеевич Шмаков, доктор философских наук,
ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского от-
деления Российской академии наук

Information about the Author

Vladimir S. Shmakov, Doctor of Science (Philosophy),
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences

*Статья поступила в редколлегию 13.02.2023;
одобрена после рецензирования 22.03.2023; принята к публикации 27.04.2023*
*The article was submitted 13.02.2023;
approved after reviewing 22.03.2023; accepted for publication 27.04.2023*

Научная статья

УДК 316.334.3, 323

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-58-70

Местное самоуправление в Российской Федерации: траектория концептуального развития

Мария Рудольфовна Зазулина

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

zamashka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8984-1129>

Аннотация

Работа посвящена изменениям в концептуальном понимании института местного самоуправления, происходящим в последние три десятилетия. Внесение на рассмотрение ГД РФ Проекта Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», произошедшее в конце 2021 г., позволяет проанализировать траекторию развития института местного самоуправления в постсоветской России с точки зрения более глобальной временной и концептуальной перспектив. Целью данной работы является выявление траектории развития концепции местного самоуправления в РФ. Исследовательское внимание сосредоточено на выявлении концепции местного самоуправления, формулируемой в официальных документах и ее поэтапном изменении. Показано, что основной сдвиг в концептуальном понимании местного самоуправления происходит по оси институциональная независимость / институциональная зависимость местного самоуправления от органов государственной власти. Развитие концепции местного самоуправления в постсоветской России происходит по траектории от общественной (местное самоуправление как самостоятельная деятельность) к государственной (местное самоуправление как форма осуществления власти) и к гипергосударственной (местное самоуправление как звено в единой системе осуществления власти).

Ключевые слова

местное самоуправление, государственная власть, муниципальная власть, единая система публичной власти, реформа, политическая система, институт, институциональная организация, трансформационные процессы

Для цитирования

Зазулина М. Р. Местное самоуправление в Российской Федерации: траектория концептуального развития // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 58–70. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-58-70

© Зазулина М. Р., 2023

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2023. Том 21, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2023, vol. 21, no 2

Local self-government in the Russian Federation: the trajectory of conceptual development

Mariia R. Zazulina

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russian Federation

zamashka@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8984-1129>

Abstract

The article is devoted to the changes in the conceptual understanding of the institution of local self-government that has been taking place in the last three decades. The submission to the State Duma of the Russian Federation of the Draft Federal Law «On the general principles of the organization of local self-government in the unified system of public authority», which took place at the end of 2021, allows analyzing the trajectory of the development of the institute of local self-government in post-Soviet Russia from the point of view of a more global time and conceptual perspective. The purpose of this work is to identify the trajectory of the development of the conception of local self-government in RF. Research attention is focused on identifying the conception of local self-government formulated in official documents, a gradual change in the conceptual interpretation of this institution. It is shown that the main shift in the conceptual understanding of local self-government occurs along the axis of institutional independence / institutional dependence of local self-government on state authorities. The development of the conceptual understanding of local self-government in post-Soviet Russia proceeds along the trajectory from a public concept (local self-government as an independent activity) to a state one (local self-government as a form of exercising power) and to a hyperstate one (local self-government as a link in a unified system of exercising authority).

Keywords

local self-government, state power, municipal power, unity of public authority, reform, political system, institution, institutional organization, transformational processes

For citation

Zazulina M.R. Local self-government in the Russian Federation: the trajectory of conceptual development. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 58–70. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-58-70

В декабре 2021 года на рассмотрение ГД РФ был представлен Проект Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» (далее Законопроект МСУ-2021)¹. Проект был рассмотрен в первом чтении и рекомендован к доработке. Впоследствии, прежде всего в силу сложившихся внешнеполитических обстоятельств, доведение Законопроекта МСУ-2021 до стадии реализации было приостановлено. Однако само его внесение в повестку дня, а также правовой и политический контекст, в котором он разрабатывался, позволяет утверждать, что в будущем Россию ожидает реформа местного самоуправления, и проходить она будет во многом в соответствии с предложенным законопроектом.

¹ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. — URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719> (Дата обращения: 15.06.2023)

Во-первых, законопроект МСУ-2021 «подготовлен в развитие положений Конституции Российской Федерации о единой системе публичной власти»². В нем достаточно последовательно раскрываются положения обновленной Конституции РФ в части местного самоуправления. Во-вторых, разработка законопроекта МСУ-2021 осуществлялась параллельно с разработкой Закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (далее 414-ФЗ), который был принят в декабре 2021 г.³ Закон касается организации власти на уровне федеративных субъектов и предусматривает унификацию органов власти во всех субъектах Федерации, расширяет основания для увольнения глав регионов и отменяет запрет занимать пост главы региона более двух раз. Таким образом, речь идет о крупных изменениях в системе политической власти в стране, в рамках которой реформа местного самоуправления выступает лишь одной из составляющих частей. Для института местного самоуправления предполагаемая реформа будет означать наступление нового этапа в его развитии. Сама перспектива его развития приобретает дополнительную качественную сложность. Это делает актуальным исследование изменений в концепции местного самоуправления.

Целью данной работы является выявление траектории развития концепции местного самоуправления в постсоветской России в условиях трансформационных процессов. При этом наше внимание будет сконцентрировано на том, как изменялось концептуальное понимание местного самоуправления в современной России на разных этапах его развития.

Этапы, выделяемые в развитии местного самоуправления, вполне правомерно связываются исследователями с принятием федеральных законов, регламентирующих правила его институциональной организации [Ross, 2006]. Таким образом, непосредственным объектом анализа оказываются прежде всего официальные документы: Конституция РФ и федеральные законы, составляющие правовую основу местного самоуправления. Именно в них отражаются одновременно «дух и буква» местного самоуправления.

Проблемы развития местного самоуправления были проанализированы целым рядом отечественных и западных исследователей [Лексин, 2016; Нечаев, 2006; Ross, 2006, Campbell, 2006]. В качестве исследований, определивших наше видение проблематики развития местного самоуправления, отметим прежде всего работы В. Нечаева и В. Гельмана, написанные в рамках неоинституционалистской методологии. Самоуправление в данном случае представляет собой институт, который действует, с одной стороны, на основе комплекса правил, укорененных на уровне глубинных паттернов поведения и социокультурных архетипов [Нечаев, 2011], а с другой – в результате решений, принимаемых участниками политического процесса, в качестве которых выступают политические элиты и, в частности, законодатели [Гельман, 2021]. Также отметим работы правоведческого характера,

² Пояснительная записка к проекту федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. URL: <http://sozd.duma.gov.ru/download/6E13A1A9-6E8B-4F98-9B52-4A9427FBF667> (Дата обращения: 15.06.2023)

³ Федеральный закон от 21.12.2021 № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Росс. газ. № 294 (8645). 27.12.2021.

посвященные анализу формулировок, связанных с местным самоуправлением, в тексте обновленной Конституции РФ [Иванова, 2021; Степанов, 2021; Чертков, 2020]. Работ, посвященных современному этапу развития самоуправления, связанному с обсуждением Законопроекта МСУ-2021, пока немного, и все они носят в основном обзорный характер [Зикеев, 2022; Бухвальд и др., 2022; Упоров, 2022].

Новизна данного исследования определяется тем, что внимание будет сфокусировано на выявлении концепции местного самоуправления, формулируемой в официальных документах, и ее поэтапном изменении. Концепция в данном случае может быть определена как наиболее общий способ понимания института, определяющий его соотношение с другими элементами политической системы и, шире, – место в картине мира. Очевидно, что такой ракурс является лишь одним из многих возможных аспектов исследования. Фокусирование на нем позволяет, на наш взгляд, выявить логику развития института местного самоуправления в длительной перспективе, а также показать, в какой степени трактовки основных принципов местного самоуправления и их изменения репрезентируют общую направленность трансформационных процессов в постсоветской России.

Местное самоуправление в Конституции и Федеральных законах

Рассмотрим, какие определения и принципы относятся к сфере местного самоуправления в Федеральных Законах и Конституции РФ. Текст основного закона, принятого в 1993 г., содержал отдельную главу, посвященную местному самоуправлению⁴. Отмечался самостоятельный характер местного самоуправления, возможность выбора населением структуры органов местного самоуправления, закреплялись права и гарантии данного института, указывался поселенческий принцип как основа его территориальной организации. Таким образом, самоуправление фактически понималось как одна из неотъемлемых основ конституционного строя и трактовалось достаточно широко, в духе общественной теории.

Духу Конституции в полной мере следовал Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее 154-ФЗ), который фактически представлял собой первый закон федерального уровня, регламентирующий принципы институциональной организации местного самоуправления⁵. Он определял самоуправление как «признаваемую и гарантируемую Конституцией Российской Федерации самостоятельную и под свою ответственность деятельность населения по решению непосредственно или через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения, его исторических и иных местных традиций» (ст. 2). Отдельные статьи прямо указывали на то, что органы местного самоуправления не входят в систему органов государственной власти, осуществление местного самоуправления органами государственной власти

⁴ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Законодательная база Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 15.06.2023)

⁵ Федеральный закон от 28.08.1995 № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Росс. газ. № 170. 01.09.1995.

и государственными должностными лицами не допускается (ст. 14, ч. 5), а также не допускается назначение должностных лиц местного самоуправления органами государственной власти (ст. 17, ч. 3).

Вопросы организации местного самоуправления относились к компетенции субъектов РФ, то есть решались непосредственно на уровне каждого региона. Это привело к расширению возможностей региональных властей и сделало процесс формирования институциональной организации местного самоуправления независимой от федерального центра, но зависимой от региональных элит. Результатом стало формирование большого количества разнообразных моделей местного самоуправления: одноуровневых, двухуровневых и даже трехуровневых [Пашенцев, 1999]. Наличие различных моделей коррелировало с видовым разнообразием муниципальных образований, среди которого были не только муниципальные районы или городские округа, но и сельские округа, уезды, волости и пр.

Таким образом, в 154-ФЗ была реализована трактовка самоуправления в духе общественной концепции, причем делалось это максимально широко и последовательно. Однако не произошло складывания системы местного самоуправления как единого целого (в плане институционального дизайна). Более того, уже на этом этапе обозначилась тенденция к зависимости института местного самоуправления не столько от гражданского общества и культуры демократического участия, сколько от власти определенного уровня (на данном этапе не федерального, а регионального).

Закон о самоуправлении 131-ФЗ, принятый в 2003 г. и действующий на данный момент, определяет самоуправление как «форму осуществления народом своей власти, обеспечивающую в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации, федеральными законами..., законами субъектов Российской Федерации, самостоятельное и под свою ответственность решение населением непосредственно и (или) через органы местного самоуправления вопросов местного значения, исходя из интересов населения с учетом исторических и иных местных традиций» (ст. 1)⁶. Данный закон по-прежнему выделяет органы местного самоуправления из системы органов государственной власти, но предполагает уже более широкие возможности государственного вмешательства в их деятельность.

Новый закон содержал ряд новаций, которые подразумевали унификацию системы местного самоуправления в масштабах всей страны. Вопросы территориальной организации местного самоуправления были отнесены к ведению федерального законодателя; был утвержден закрытый перечень допустимых видов муниципальных образований; введена двухуровневая система самоуправления, обязательная для всех регионов. Территориально поселения теперь входили в состав муниципальных районов, но не находились у них в прямом административном подчинении, то есть два уровня самоуправления были независимы в пределах собственных полномочий. Также закон установил критерии отнесения муниципалитетов к тому или иному виду муниципальных образований на основе численности населения и территориальных характеристик.

⁶ Федеральный закон от 06.10.2003 № 131-ФЗ (ред. от 30.12.2021) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/ (Дата обращения: 15.06.2023)

Несмотря на то что принятие 131-ФЗ не сопровождалось изменением конституционных основ системы самоуправления, именно этот закон внес существенные коррективы в ее концепцию. Характеризуя развитие местного самоуправления в период действия 131-ФЗ, исследователи считают правомерным говорить о начале принципиально нового этапа в его развитии, который во многом оказался противоположен предыдущему, используя достаточно емкие метафоры: «муниципальная революция» [Митрохин, 1999] или «муниципальная контрреволюция», соответственно [Реформа... 2008, 12].

Поворотным моментом в развитии правовых основ местного самоуправления можно считать внесение поправок в Конституцию РФ, состоявшееся в 2020 г. Произошедшие изменения коснулись прежде всего сферы взаимоотношений с государственной властью. Вводится понятие «единой системы публичной власти» (ст. 80, ч. 2; ст. 83, п. «е5»), самоуправление провозглашается одним из ее элементов, наряду с государственной властью⁷. Часть 3 ст. 132 прямо указывает: «Органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Указывается, что органы государственной власти могут участвовать в формировании органов местного самоуправления, назначении на должность и освобождении от нее должностных лиц местного самоуправления в порядке и случаях, установленных федеральным законом (ст. 131, ч. 1.1). Отсутствует упоминание поселенческого принципа как основы территориальной организации самоуправления. Таким образом, обновленные положения Конституции трактуют местное самоуправление не как самостоятельный институт, а как элемент единой системы публичной власти. Именно на выстраивание единой системы публичной власти, объединяющей органы государственной власти и органы местного самоуправления, делается упор в тексте обновленной Конституции, а также в федеральных законах, принятых или готовящихся к принятию, в качестве реализации конституционных положений.

Одним из них является существующий пока в виде проекта Закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», само название которого акцентирует момент встраивания местного самоуправления в более общую систему. Несмотря на то что законопроект находится на стадии обсуждения и внесения поправок, основные концептуальные моменты вряд ли претерпят изменения. Таким образом, контуры новой системы самоуправления вырисовываются достаточно отчетливо. Самоуправление определяется как «форма самоорганизации граждан в целях осуществления народом своей власти для самостоятельного решения вопросов непосредственного обеспечения жизнедеятельности населения (вопросов местного значения) в пределах полномочий, предусмотренных в соответствии с Конституцией Российской Федерации, настоящим Федеральным законом, другими федеральными закона-

⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) [Электронный ресурс] // Законодательная база Российской Федерации. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (Дата обращения: 15.06.2023)

ми, а в случаях, установленных федеральными законами, – законами субъектов Российской Федерации» (ст. 1)⁸. Таким образом, законодатель подчеркивает двойственный, одновременно самостоятельный, самоорганизующийся и в то же время властный (?) характер самоуправления. При этом эти два момента связаны, поскольку самоуправление трактуется как форма самоорганизации с целью осуществления публичной власти.

Грядущая реформа предполагает значительные изменения в территориальной организации. Предполагается отмена двухуровневой системы местного самоуправления и введение одноуровневой. При этом полностью упраздняется нижний уровень самоуправления в виде городских и сельских поселений. Значительно сокращается видовое разнообразие муниципальных образований. Из восьми видов, закрепленных в 131-ФЗ, останется три: городской округ, муниципальный округ, внутригородская территория города федерального значения (ст. 9 п. 2)⁹. В то же время часть принципов наследует положениям 131-ФЗ: сохраняется отношение вопросов организации местного самоуправления к ведению федерального законодателя и закрытый перечень видов муниципальных образований, равно как и критерии их отнесения к тому или иному виду. В качестве таковых выступают действующие в настоящее время требования к доле населения, проживающего в городах и (или) иных городских населенных пунктах, площади городского округа и плотности населения на данной территории (ст. 9; 13, п. 5). Моменты, в которых новый законопроект в значительной степени наследует 131-ФЗ, касаются также способов формирования органов самоуправления, системы распределения полномочий, возможностей выбора между моделями самоуправления в рамках границ, обозначенных федеральным законом, вопросов формирования различных видов муниципальных образований. Таким образом, Законопроект МСУ-2021, несмотря на значительные нововведения, сохраняет и даже усиливает тренд на регламентацию местного самоуправления со стороны федерального законодателя.

При этом отметим, что в обновленной Конституции и последующих Федеральных законах речь идет не просто об изменении формулировок принципов местного самоуправления, но об изменении принципов видения системы политической власти в стране в целом. Готовящиеся изменения в организации местного самоуправления оказываются частью глобальной беспрецедентной реформы по выстраиванию единой системы публичной власти. В частности, параллельно с подготовкой к реформе местного самоуправления осуществляется реформа регионального уровня власти. В ее рамках в конце 2021 г. был принят закон «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», который предусматривает унификацию органов власти во всех субъектах

⁸ Поправки к проекту федерального закона № 40361-8 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти», часть 1 [Электронный ресурс] // Официальный сайт Комитета Государственной думы по государственному строительству и законодательству. URL: http://komitet2-10.km.duma.gov.ru/Novosti_Komiteta/item/28484356/ (Дата обращения: 15.06.2023)

⁹ Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти. Проект [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/626BB5D1-C7D8-4ED3-8AD7-51DA08BF6719> (Дата обращения: 15.06.2023)

Федерации и регламентирует отношения региональных органов власти с федеральными органами с одной стороны и муниципальными – с другой. По многим вопросам положения двух указанных законопроектов синхронизированы между собой. Это показывает, что в ходе реформы местного самоуправления происходит унификация не только системы местного самоуправления, но всех уровней публичной власти в рамках выстраиваемой единой системы.

Развитие концепции местного самоуправления в РФ: от институциональной автономии к включению в единую систему публичной власти

Все описанные выше особенности правовых основ местного самоуправления на каждом этапе его развития иллюстрируют характер изменений, происходящих с этим институтом: изменения касаются трактовки природы местного самоуправления и его статуса в качестве независимого института. В результате мы можем выделить общую траекторию развития концепции местного самоуправления в постсоветской России.

Оценивая разницу между трактовками 1995 и 2003 гг., исследователи правомерно отмечают сдвиг от определения местного самоуправления как деятельности, процесса, к его классификации в качестве политической властной структуры, подчеркивая, что подобное изменение свидетельствует «о целенаправленном сдвиге концептуальной позиции федерального законодателя» [Нечаев, 2006]. Это сдвиг от общественной к государственной концепции самоуправления. В рамках общественной концепции самоуправление трактуется как самостоятельная активность населения, которая осуществляется в рамках естественной территориальной общности и вне рамок государственной организации. Такой подход проявился в целом ряде моментов, начиная от формулировок Конституции, выводящей самоуправление за пределы государственной власти, и заканчивая отказом законодателя от централизованного определения моделей местного самоуправления, складывающихся в регионах. Определение самоуправления как формы осуществления власти, используемое в 131-ФЗ, соответствует движению в сторону политической и государственной концепции самоуправления. Данный подход проявляется в усилении позиции федерального законодателя и росте влияния региональных и федеральных властей на формирование органов местного самоуправления (назначение глав, изменение избирательного законодательства, степень участия политических партий в формировании органов самоуправления).

В то же время мы в полной мере разделяем точку зрения британского исследователя Э. Кэмпбелла, который, анализируя закон 2003 г., отмечал, что он предполагал одновременно усиление централистских тенденций государственной власти и отсутствие прямого вмешательства государства в дела местных сообществ. Таким образом, усиление подотчётности местного самоуправления не должно было приводить к потере им институциональной самостоятельности, а сам закон представлял собой определенный компромисс между государственной и общественной традициями самоуправления [Campbell, 2006].

На наш взгляд, подобная точка зрения вполне правомерна, если мы говорим о начале действия 131-ФЗ (работа Кэмпбелла опубликована в 2006 г.): данный закон действительно может рассматриваться как попытка совмещения двух концептуально различных точек зрения, общественной и государственной. Однако обращает на себя внимание количество изменений, внесенных в закон 131-ФЗ за годы его действия: если в 154-ФЗ было внесено всего 8 изменений, то в 131-ФЗ было внесено более 180 изменений. Такое количество изменений не просто делают 131-ФЗ лидером по этому параметру, но позволяют характеризовать время действия этого закона как период непрекращающихся институциональных трансформаций.

При этом анализ изменений показывает, что большая их часть связана с усилением зависимости местного самоуправления от органов государственной власти. К такому выводу приходят практически все исследователи, указывая, что основным содержанием поправок, вносимых в 131-ФЗ, стало укрепление вертикали власти путем включения в нее органов местного самоуправления, а также усиление контроля за расходованием выделенных им государственных средств [Степанов, 2020, с. 38]. К наиболее ярким примерам подобной тенденции относятся изменения в способе формирования института глав и территориальной структуры путем введения новых видов муниципальных образований, распространение системы делегирования в качестве способа формирования представительных органов муниципальных образований. Многие из этих изменений подготовили почву для дальнейшего внесения поправок в Конституцию РФ в части, касающейся местного самоуправления, а затем были перенесены в законопроект МСУ-2021. Таким образом, весь период действия 131-ФЗ можно рассматривать как период изменения соотношения элементов, соответствующих общественному и государственному пониманию этого института в направлении уменьшения удельного веса первых и увеличения вторых и, соответственно, как период последовательной концептуальной трансформации.

Новая трактовка принципов местного самоуправления в обновленной Конституции и затем в Законопроекте МСУ-2021 означает окончательный отход от общественной концепции самоуправления и его толкования в рамках устоявшихся международных стандартов в пользу концепции построения единой системы публичной власти, в которой самоуправление оказывается не просто в определенной степени зависимым от государства, а начинает рассматриваться в качестве одного из элементов единой системы политической власти в стране, фактически звена властной вертикали.

Одну из наиболее емких характеристик нового понимания самоуправления дал В. Зикеев: «Такой подход к построению государственной системы было бы справедливо назвать квазикорпоративным. Переосмысление местного самоуправления... характеризуется переходом от публично-правовой концепции к управленческой, а само местное самоуправление в ближайшее время трансформируется из демократического института в институт технократический [Зикеев, 2022, с. 77].

По нашему мнению, усиление тенденции к огосударствлению, отраженное в положениях Конституции и в новом Законопроекте, соответствует дальнейше-

му сдвигу в концептуальной трактовке местного самоуправления, которую можно охарактеризовать как гипергосударственную. С такой точки зрения развитие концептуального понимания местного самоуправления в постсоветской России происходит по траектории от общественной концепции (местное самоуправление как самостоятельная деятельность) к государственной (местное самоуправление как форма осуществления власти) и к гипергосударственной (местное самоуправление как звено в единой системе осуществления власти).

Очевидно, что основной сдвиг происходит по оси институциональная независимость / институциональная зависимость местного самоуправления от органов государственной власти. Институциональная зависимость достигается за счет включения местного самоуправления в общую структуру политической власти, где самоуправление формально оказывается одним из составных элементов. Это предполагает, что институциональная организация местного самоуправления (система правил, по которой оно устроено) оказывается подчиненной более широкой системе правил. Двухуровневая система самоуправления, закрепленная в рамках 131-ФЗ, предусматривала широкие возможности для взаимодействия уровней местной власти между собой и сохраняла при этом независимость, пусть даже формальную, от государства. Новая концепция предусматривает широкие возможности для участия государства в делах самоуправления. Таким образом, если раньше развитие самоуправления определялось процессами в своем «внутреннем» институциональном пространстве, то сейчас он оказывается зависимым от институционального пространства, «внешнего» по отношению к нему. Этому соответствует и новая институциональная архитектура, в которой на смену уровням самоуправления приходят уровни публичной власти: федеральный, региональный, муниципальный.

Решение вопросов местного значения сегодня приобретает более системный характер, а местное самоуправление рассматривается лишь как один из элементов системы. Новый принцип единства публичной власти оказывается структурообразующим для всей системы местного самоуправления. Но это подразумевает изменение роли местного самоуправления и его превращение в один из уровней публичной власти.

Заключение

Проведенное исследование траектории развития концепции местного самоуправления в современной России позволяет сделать следующие выводы.

1. Происходит поэтапное изменение правовых основ местного самоуправления на уровне федерального и конституционного законодательства: принятие федеральных законов о местном самоуправлении в 1995 и 2003 гг., внесение нового проекта закона о местном самоуправлении в 2021, принятие Конституции РФ в 1993 и внесение в нее поправок в 2020. Двум законам из трех – 154-ФЗ и новому Законопроекту МСУ-2021 – предшествует изменение конституционного законодательства. Отсутствие конституционных изменений, предшествующих принятию 131-ФЗ, компенсируется тем, что часть нововведений, внесенных в него на

чая с 2014 г., фактически узаконила последующие изменения в Конституции РФ и была воспроизведена в положениях Законопроекта МСУ-2021.

2. Развитие концептуального понимания местного самоуправления в постсоветской России происходит по траектории от общественной концепции (местное самоуправление как самостоятельная деятельность) к государственной (местное самоуправление как форма осуществления власти) и к гипергосударственной (местное самоуправление как звено в единой системе осуществления власти). Тенденция к усилению влияния государства во всех сферах жизни, отраженная в положениях обновленной Конституции и в законопроекте МСУ-2021, усиливает сложившиеся ранее тенденции к огосударствлению местного самоуправления и централизации власти, знаменуя окончательный отход от общественной концепции местного самоуправления.

3. Основной сдвиг в концептуальном понимании местного самоуправления происходит по оси институциональная независимость / институциональная зависимость местного самоуправления от органов государственной власти. На современном этапе усиление институциональной зависимости местного самоуправления происходит путем его включения в единую систему публичной власти в ходе осуществления комплексной реформы политической власти, когда реформа местного самоуправления оказывается лишь одним из составных элементов.

Список литературы

- Бухвальд Е. М., Кожевников О.А., Ворошилов Н. В.** Местное самоуправление: реформировать, но не уничтожать // Самоуправление. 2022. № 1(129). С. 12–15. DOI 10.55488/22218173_2022_1_12
- Гельман В. Я.** Возвращение акторов: динамика политических режимов и их интерпретаций // Демонтаж коммунизма. Тридцать лет спустя. М.: Нов. лит. обозр., 2021. С. 116–150.
- Зикеев В. А.** Технократизация местного самоуправления // Вопр. местного самоуправления: стратегия и практика муниципального развития. 2022. № 1 (97). С. 74–77.
- Иванова М. А.** Поправки-2020 как основа для усиления экспансии государства над органами местного самоуправления // Вестн. Росс. правовой акад. 2021. № 3. С. 20–25. DOI 10.33874/2072-9936-2021-0-3-20-25
- Лексин В. Н.** Что происходит с местным самоуправлением в России? // Федерализм. 2016. № 1(81). С. 65–76.
- Митрохин С.** Особенности реализации муниципального проекта в России: некоторые аспекты федеральной политики // Реформа местного самоуправления в региональном измерении. По материалам из 21 региона Российской Федерации / Под ред. С. Рыженкова, Н. Винника. М.: МОНФ, 1999. С. 29–30.
- Нечаев В. Д.** Основные тенденции в институциональной организации местного самоуправления в современной России // Политика: Анализ. Хроника. Прогноз (Журн. полит. философии и социологии политики). 2006. № 4. С. 22–44.

- Нечаев В. Д.** «Институциональная организация» как концептуальный инструмент институционального анализа в политологии // Вестн. Моск. гос. гуманит. ун-та им. М.А. Шолохова. История и политология. 2011. № 1. С. 97–105.
- Пашенцев В.** Организация местного самоуправления в российских регионах: цифры и типы // Реформа местного самоуправления в региональном измерении. М., 1999. С. 44–57.
- Реформа местной власти в городах России, 1991–2006: моногр. / под ред. А. О. Брезмана. СПб.: Норма, 2008. 367 с.
- Степанов М. М.** Местное самоуправление в контексте конституционной реформы 2020 года // Актуальные проблемы российского права. 2021. Т. 16. № 5. С. 35–41. DOI: 10.17803/1994-1471.2021.126.5.035-041.
- Упоров И. В.** Местное самоуправление в России на пороге перемен: к законопроекту есть вопросы / И. В. Упоров, Е. В. Гришай, М. Ю. Попов // Гуманит., соц.-экон. и обществ. науки. 2022. № 1. С. 123–127. — DOI 10.23672/19839-9944-7312-d.
- Чертков А. Н.** Публичная власть: состав, единство и сущность взаимодействия // Конституционное и муниципальное право. 2020. № 10. С. 19–23. DOI 10.18572/1812-3767-2020-10-19-23
- Campbell A.** State versus society? Local government and the reconstruction of the Russian state // Local government studies. L.: Routledge, Taylor and Francis group. 2006. Vol. 32. No. 5. November. P. 659–676.
- Ross C.** The tortuous path of local government reform in the Russian federation // Local government studies. L.: Routledge, Taylor and Francis group. 2006. Vol. 32. No. 5. November. P. 639–658.

References

- Buxval'd E. M., Kozhevnikov O.A., Voroshilov N. V.** Local self-government: reform, but not destroy // Samoupravlenie. 2022. No. 1(129). P. 12–15. (In Russian). DOI 10.55488/22218173_2022_1_12
- Campbell A.** State versus society? Local government and the reconstruction of the Russian state // Local government studies. L.: Routledge, Taylor and Francis group. 2006. Vol. 32. No. 5. November. P. 659–676.
- Chertkov A. N.** The public government: the composition, unity and interaction essence // Konstitucionnoe i municipal'noe pravo. 2020. No. 10. P. 19–23. (In Russian) DOI 10.18572/1812-3767-2020-10-19-23
- Gelman V.** The Return of Actors: The Dynamics of Political Regimes and Its Interpretation // Dismantling of Communism. Thirty years later. M.: Nov. lit. obozr., 2021. P. 116–150. (In Russian)
- Ivanova M. A.** Amendments-2020 as a basis for strengthening the expansion of the state over local self-government bodies // Vestn. Ross. pravovoj akad. 2021. No 3. P. 20–25. (In Russian) DOI 10.33874/2072-9936-2021-0-3-20-25
- Leksin V. N.** What is going on with the local self-government in Russia? // Federalizm. 2016. No. 1(81). P. 65–76. (In Russian)

- Mitrokhin S.** Features of the implementation of a municipal project in Russia: some aspects of federal policy // Reforma mestnogo samoupravleniya v regional'nom izmerenii. M.: MONF, 1999. P. 29–30. (In Russian)
- Nechaev V. D.** “Institutional organization” as the conceptual tool of the institutional analysis in political science // Vestn. Mosk. gos. gumanit. un-ta im. M. A. Sholohova. Istoriya i politologiya. 2011. No. 1. P. 97–105. (In Russian)
- Nechaev V. D.** The main trends in the institutional organization of local self-government in modern Russia // Politiya: Analiz. Xronika. Prognoz (Zhurn. polit. filosofii i sociologii politiki). 2006. No. 4. P. 22–44. (In Russian)
- Pashencev V.** Organization of local self-government in Russian regions: datas and types // Reform of local self-government in the regional dimension. M., 1999. P. 44–57. (In Russian)
- Reform of local government in Russian cities, 1991–2006 / A. O. Brezman (Ed.). SPb.: Norma, 2008. (In Russian)
- Ross C.** The tortuous path of local government reform in the Russian federation // Local government studies. L.: Routledge, Taylor and Francis group, 2006. Vol. 32. No 5. November. P. 639–658.
- Stepanov M. M.** Local self-government in the context of the 2020 constitutional reform // Aktual'ny'e problemy' rossijskogo prava. 2021. Vol. 16. No. 5. P. 35–41. (In Russian)
- Uporov I. V.** Local government in Russia on the threshold of change: there are questions to the draft law // Gumanitarny'e, social'no-e'konomicheskie i obshchestvenny'e nauki. 2022. No. 1. P. 123–127. (In Russian)
- Zikeev V.** Technocratization of local self-government // Vopr. mestnogo samoupravleniya: strategiya i praktika municipal'nogo razvitiya. 2022. No. 1 (97). P. 74–77. (In Russian)

Информация об авторе

Мария Рудольфовна Зазулина, кандидат философских наук,
старший научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Information about the Author

Mariia R. Zazulina, Candidate of Science (Philosophy),
Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

*Статья поступила в редколлегию 28.04.2023;
одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 30.05.2023
The article was submitted 28.04.2023;
approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication 30.05.2023*

Научная статья

УДК 101.1:304.2+316.77

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-71-80

Трансформация «нарратива» в социально-гуманитарном познании

Эвелина Владимировна Барбашина

Новосибирский государственный университет,
Новосибирск, Россия

Новосибирский государственный медицинский университет
Новосибирск, Россия

linaba@mail.ru

Аннотация

В статье содержится анализ поэтапного развития нарратива и изменения его основных признаков. Изначально нарратив рассматривался как аутентичное воспроизведение опыта прошлого, который значим для рассказчика. В дальнейшем начинается определение и изучение таких признаков нарратива, как последовательность, сюжет, ценностное отношение рассказчика, время. Современные исследования сосредоточены темпоральности, причинности, контексте формирования нарратива, определенности (неопределенности) сценариев нарратива, нарративном контроле. Произошел отказ от рассмотрения нарратива как готового продукта в пользу понимания его как процесса смыслопорождения из настоящего рассказчика. Формирование нарратива укоренено в социальном или лично-значимом контексте.

Ключевые слова

признаки нарратива, развитие нарратива, «нарративный поворот», В. Пропп, В. Лабов, Дж. Валецкий

Для цитирования

Барбашина Э. В. Трансформация «нарратива» в социально-гуманитарном познании // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 71–80. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-71-80

Transformation of «Narrative» in Socio-Humanitarian Cognition

Evelina Barbashina

Novosibirsk State Medical University,
Novosibirsk, Russia

Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russia

linaba@mail.ru

© Барбашина Э. В., 2023

Abstract

The article analyses the gradual development of the narrative and the change in its main features. Initially, the narrative was considered as an authentic reproduction of past experience that is meaningful for the narrator. Later, the definition and study of such attributes of the narrative as sequence, plot, the narrator's value attitude, and time began. Contemporary research focuses on temporality, causality, the context of narrative formation, certainty (uncertainty) of narrative scenarios, and narrative control. There has been a shift away from viewing the narrative as a finished product towards understanding it as a process of meaning-making from the narrator's present. Narrative formation is rooted in social or personally meaningful context.

Keywords

signs of the narrative, development of the narrative, "narrative turn", V. Propp, V. Labov, J. Waletzky

For citation

Barbashina E.V. Transformation of «Narrative» in Socio-Humanitarian Cognition. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 71–80. (In Russ.) DOI

Одно из значимых изменений в области социально-гуманитарного познания связано с распространением нарратива и нарративного подхода. Начиная с 80-х годов прошлого века территория нарративных исследований постоянно расширяется, захватывая новые, порой достаточно неожиданные области. Результаты «нарративного поворота» представлены не только в многочисленных теоретических исследованиях по данной теме, они активно применяются в практико-ориентированной деятельности, присутствуют как фоновое знание современного человека.

Нарратив в широком смысле, понимаемый как письменный или устный рассказ от первого лица, представлен в культуре человечества, начиная с первых рассказов пациентов и исторических свидетельств. Нарратив в более строгом смысле начинает активно применяться с конца XIX века в рамках антропологии как автобиографический метод и в психологии как разные виды тематических и автобиографических интервью.

В развитии нарратива традиционно выделяют «нарративный поворот», начавшийся в 1980-е годы. Если проанализировать функции, которые он выполняет, то получится список, который включает практически все социально и личностно значимые варианты. Нарратив формирует групповую (этническую, религиозную, семейную, профессиональную) и личностную идентичность (В. А. Ачкасов, К. С. Кутковая, P. Alasuutari, J. Bruner, D. P. McAdams). Нарратив показывает различные аспекты и формы культуры (G. M. Kenyon, W. L. Randall). Он раскрывает ценностные ориентации группы и внутренний мир личности (С. В. Ковыршина, Е. Е. Чурилова, G. M. Kenyon, W. L. Randall). Нарратив выступает определяющим условием социальной и личностной коммуникации (К. J. Gergen, M. M. Gergen) в целом и оптимизирует частные варианты коммуникации, например, взаимоотношения медицинского работника и пациента (В. Лехциер, R. Charon, J. Chapiro, С. К. Riessman). В последние десятилетия появились работы о «театральном нарративе», «нарративе в живописи» и даже о нарративе в криминологии. Так, R. J. Sampson и J. H. Laub изучали нарративы людей, преступивших черту закона для того, чтобы выявить личностно значимые закономерности их повторных

преступлений и предпринять шаги для минимизации рецидива (R. L. Sampson, J. H. Laub).

Наряду с теоретическим осмыслением нарратива увеличивается его практическое применение в социальной работе, психотерапии, медиации конфликтов, журналистике, медицине. Более того, в некоторых областях теоретическое осмысление нарратива идет вслед за его практическим применением.

В последней трети XX века широкое распространение получили нарративы в области медицины, что было обусловлено стремлением уйти от биомедицинской модели здоровья и от патерналистских взаимоотношений врач – пациент [Барбашина, 2020, с. 156–157]. Их теоретическое осмысление и первые варианты концептуализации появились позже в работах Р. Шэрон, А. Франка. А активная институализация медицинского нарратива начинается с середины 80-х годов в рамках международного движения «медицина и литература», одним из основателей которого является Р. Шэрон [Лехциер, 2012, с. 112].

Благодаря развитию нарратива смогли зазвучать «молчаливые голоса» пациентов, представителей этнических и религиозных меньшинств, людей с ограниченными возможностями, голоса тех, кто долго находился в зоне тишины под давлением «больших нарративов».

Теоретические исследования и практическое применение нарратива в различных профессиональных областях сопровождаются его распространением в околонаучном дискурсе. Популярным стал тезис о том, что каждый человек, профессиональный коллектив, этническая или религиозная общность должны выстроить свой нарратив. Не иметь нарратив уже стало неприличным. И, как справедливо замечает M. L. Ryan, нарративы расы, гендера, класса стали своеобразной мантрой современности и современных исследований [Ryan, 2007, p. 22].

Несмотря на активное применение нарратива и развитие нарративных исследований, остаются нерешенными вопросы о том, каким признакам должен соответствовать нарратив, какие виды повествования не относятся к нарративу, какова его познавательная роль в разных областях социально-гуманитарного познания, и многие другие. Ответ на эти вопросы можно получить, если рассмотреть развитие нарратива в XX веке по этапам и выделить те новые характеристики и области применения нарратива, которые появились после 80-х годов XX века. Они, с одной стороны, отличают понимание нарратива от предшествующих вариантов, а с другой специфицируют его собственное содержание.

Итак, в XX веке нарратив проходит три основных периода. Первый начинается с выхода в свет известной работы У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке». Нарратив понимается как отражение опыта прошлого, как аутентичное воспроизведение того, что было. Следующим шагом становится рассмотрение нарратива через соответствие определенным критериям, причем содержание и количество этих критериев – предмет дискуссий и критики, не прекращающихся до настоящего времени. И, наконец, третий этап, начавшийся в 80-х годов прошлого века, продолжается до настоящего времени.

Первый период в развитии нарратива. Начало нарративных исследований традиционно возводят к пятитомной работе У. Томаса и Ф. Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке» (1918–1920 гг.), точнее к одному из томов, со-

держание которого представлено автобиографическими материалами польского иммигранта В. Висневского. Следует отметить, что авторы рассматривали их как объективное и достаточное отражение существующего положения дел. А основной задачей «социологических исследований социальной жизни» считали анализ «взаимодействия, интерпретации, саморефлексии».

Работа У. Томаса и Ф. Знанецкого была направлена против биологического и психологического редукционизма, против абсолютизации «объективных условий и факторов, определяющих жизнь каждого человека». Исследование, проведенное Томасом и Знанецким, вдохновило представителей Чикагской школы социологии на исследование биографических документов в течение 1920–1930-х гг. Однако, несмотря на фундаментальность, новизну и некоторую скандальность, связанную с взаимоотношениями авторов, она тем не менее не оказала принципиального влияния на развитие нарратива. Исследование стало начальной точкой гораздо более позднего взлета нарратива и нарративных исследований.

Второй период в развитии нарратива. Следующий важный шаг к современному распространению нарратива был сделан В. Проппом, а точнее его работой «Морфология (волшебной) сказки»¹. Если бы исследовательские работы имели собственный голос и опыт переживания значимых событий, то история создания, публикация, перевод, возрождение интереса к «Морфологии сказки» – все это само по себе составило бы сюжет нарратива.

На основе анализа 100 русских сказок В. Пропп выделяет «повторные, постоянные величины сказки – функции (действия), которые обладают поразительной повторяемостью [Пропп, 1928, с. 29]. Способ реализации той или иной функции может меняться, при этом сама функция остается постоянной. Например «баба-яга и Морозко, и медведь, и леший и кобылячья голова испытывают падчерицу и награждают по-разному», но, по сути, они делают одно и то же действие. Функции фигурируют как самостоятельные смысловые единицы и не соотносятся с персонажем-исполнителем.

Привлекательность данного подхода заключалась в «сжатии» бесконечно разнообразного материала (способы исполнения функций, действующих лиц, их характеристик, способы связывания функций, языковой стиль и др.) до ограниченного количества функций и их последовательностей. Работы В. Проппа задали вектор дальнейших исследований в области нарратива, причем в двух вариантах. Первый – оптимизация, во всяком случае с точки зрения авторов, структурных элементов, разработанных В. Проппом (R. Franzosi, T. A. Van Dijk). Второй – развитие общей идеи о выделении базовых, константных элементов.

¹ «Морфология сказки» опубликована в 1928 г., изначально В. Пропп предполагал дать другое название: «Морфология волшебной сказки» или «Морфология русской волшебной сказки». Эти варианты в большей степени соотносятся с содержанием анализируемых сказок из сборника «Народные русские сказки А. Н. Афанасьева» (Народные русские сказки А.Н. Афанасьева: В 3 т. / Подготовка текста, предисл. и прим. В. Я. Проппа. М.: Гослитиздат [Ленингр. отд-ние], 1957–58).

Предположение автора, что его исследование относится не только к волшебным русским сказкам, а охватывает более широкий круг текстов, оказалось правильным. Начиная с 1930-х годов рецензии на «Морфологию сказки» появляются на разных языках, первый перевод осуществляется в 1958 г., впоследствии работа многократно переиздается.

Наиболее значимой работой после выхода и перевода «Волшебной сказки» В. Проппа стала работа В. Лабова и Дж. Валецкого². Авторы предлагали рассматривать нарратив как повторение опыта прошлого, выраженного «путем словесной последовательности» [Labov, Waletzky, 1997, p. 12]. В дополнении к этому были разработаны критерии нарратива, которые, во-первых, определяли, что является нарративом, а что нет. Во-вторых, они задавали алгоритм анализа нарратива.

Критерии были сформулированы на основе подробного анализа 14 примеров из 600 полученных у «представителей белых и черных сообществ, которые проживали в городской или сельской местности». Возраст опрашиваемых колебался от 10 до 72 лет. Авторы отмечали, что никто из респондентов не заканчивал старшее звено школы, то есть не осваивал навыки литературного или академического письма [Labov, Waletzky, 1997, p. 5].

Итак, элементами нарратива являются:

- аннотация, то есть краткое предварительное изложение того, о чем будет рассказано;
- направленность, то есть конкретизация обстоятельств, времени происшедшего, характеристика действующих лиц, общее описание ситуации;
- кульминация, то есть добавление «осложняющего действия»;
- оценка, то есть степень значимости происшедшего для рассказчика, причем акцент именно на «осложняющем действии», чтобы слушатель понимал его значимость и понимал, какой тип ответа предполагается [Ibid., p. 30];
- результат, то есть то, чем описываемый сюжет закончился [Ibid., p. 35];
- кода, то есть итог, которые формулируется из настоящего [Ibid., p. 35–36].

В своей работе авторы соединили понимание нарратива как аутентичное воспроизведение опыта прошлого (У. Томас, Ф. Знанецкий) и наличие постоянных переменных (В. Пропп), то есть структурных элементов нарратива. Модель, разработанная В. Лабовым и Дж. Валецким, приобрела популярность благодаря тому, что, во-первых, позволила однозначно определять, что является нарративом, а что нет, и, во-вторых, предоставила четкие критерии-путеводители для анализа нарратива.

Начиная с работ В. Проппа и продолжая исследованиями В. Лабова, Дж. Валецкого, нарратив сам по себе становится предметом исследования и «начинается институциональное изучение нарратива ради самого нарратива». До этого он был интересен исключительно как способ раскрытия прошлого опыта, причем способ, который достаточно активно критиковали не только позитивисты, но и представители французской школы Анналов.

Несмотря на широкое применение модели, разработанной Лабовым и Валецким, с 1970-х годов начинается ее критическое осмысление, которое, в конечном итоге, и приводит к новому пониманию нарратива. Наибольшие возражения

² Впервые работа W. Labov, J. Waletzky «Narrative analysis: oral versions of personal experience» (Helm, J., Ed., *Essays on the Verbal and the Visual Arts*, University of Washington Press, Seattle and London, P. 12–44) была опубликована в 1967 г. Она была переиздана через 30 лет в специальном выпуске журнала *Special issue of Journal of Narrative and Life History*, № 7. P. 1–4, 1997. Выпуск был посвящен осмыслению результатов данной публикации, в нем приняли участие такие авторы, как G. Prince, J. Bruner, E. Mishler, E. Schegloff, чьи взгляды рассматриваются в статье. Цитирование осуществляется по переизданию 1997 г.

были связаны с тем, что нарратив рассматривается как «уже и навсегда» готовый результат, который «только и ждет своей отправки» [Schegloff, 1997, p. 100], то есть вербализации. Соответственно не учитывается смысловой контекст формирования нарратива, процесс его непосредственного производства [Mishler, 1997, p. 72], реакция слушателя и его влияние на рассказчика [Schegloff, 1997, p. 100–101].

Критике подверглось требование «последовательного изложения событий». В устных нарративах изначально оно, как правило, отсутствует и появляется после уточняющих, наводящих вопросов. Если же согласиться с критерием последовательности, тогда многие виды нарратива, ставшие уже классическими, следует исключить из рассмотрения. К таковым относятся нарративы развода, нарративы пациентов, нарративы людей с ограниченными возможностями и многие другие.

Дискуссионным также был вопрос о приоритете того или иного компонента (последовательность, оценка) и о способах выражения этих компонентов. Вслед за Лабовым и Валецким наиболее значимым элементом многие авторы считали оценку, которая идет после усложняющего события, определяет весь смысл нарратива и информирует слушателя, как он должен понимать нарратив и реагировать на него. Аргументами против такой позиции были многочисленные примеры, когда оценка содержится имплицитно или формируется в процессе нарратива. Более того, она далеко не всегда находится между усложняющим действием и развязкой и создает тем самым смысловое напряжение, как считали Лабов и Валецкий.

Активная критика модели Лабова, Валецкого свидетельствует о трансформации понимания нарратива. Начинается переход от изучения нарратива как отдельного, самодостаточного феномена к исследованию нарратива в личностно-значимом и социальном контекстах, от нарратива как результата к нарративным практикам. И главным становится процесс осмысления, а не конечный продукт, в котором свободные концы связаны вместе в одну сюжетную линию (Ochs, Capps 2001, p. 15).

Как уже было отмечено в начале статьи, на первом этапе нарратив рассматривался как фактологический ресурс, как иллюстрация, переводная картинка прошлого опыта. На втором этапе интерес исследователей был сосредоточен преимущественно на определенных видах нарратива и их критериях. С 80-х годов прошлого века начинается содержательное, формальное расширение нарратива и усиливается его методологический статус. Это не исключает присутствие нарратива в тех вариантах, которые были заданы работами В. Проппа, В. Лабова, Дж. Валецкого.

Несмотря на разнообразие характеристик современного понимания нарратива, можно выделить те, которые являются принципиально важными и отличают его понимание от предыдущих вариантов. К ним относятся:

- укорененность нарратива в настоящем;
- принципиальная незавершенность нарратива;
- взаимосвязь с контекстами.

Эти отличия по-разному конкретизируются в зависимости от конструктивистских или герменевтико-феноменологических оснований. В первом случае контекстом выступает коллективное, социальное поле смыслов, в котором производятся нарративы по определенным сценариям. Они выполняют роль несущих

конструкций, а пространство между ними заполняется личными смыслами. Нарратив формируется как присоединение или опровержение по отношению к существующим сценариям. Во втором случае речь идет о конституировании личностно-значимых смыслов в ориентации на допредикативные структуры сознания.

Наличие контекстов частично ограничивает свободу рассказчика наиболее известными и близкими для него сценариями, «возрастом, полом, этнической принадлежностью и др. Это приводит к тому, что в отличие от предыдущих вариантов, нарратив демонстрирует креативность, сложность и изменчивость личностных (или групповых) конструкций себя и реальности, а также силу влияния исторического, социального, культурного, организационного, интерактивного контекстов» [Chase, 2005].

Вопрос о контекстах и их влиянии на нарратив связан с более общими вопросами социально-гуманитарных дисциплин: возможно ли и как пересекаются личные нарративы с учетом существующих социальных сценариев, каковы последствия популярности или популяризации того или иного нарратива, каковы механизмы контроля, поддержки либо отрицания. Например, в известной работе А. Франка «Раненый рассказчик» представлен основной нарратив болезни – «нарратив реституции» (нарратив выздоровления) – который активно поддерживается медицинскими сообществом, СМИ, рекламой медицинских товаров и т.д. [Frank, 1997, p. 78–79].

Следующее отличие современного понимания нарратива вытекает из предыдущих. Оно касается характера связи между нарративом и опытом прошлого. Изначально и достаточно долго нарратив рассматривался как способ «добиться», «проникнуть», «понять» уже существующий опыт прошлого. В отличие от этого новое понимание нарратива предполагает, что опыт прошлого формируется в процессе нарратива, то есть он не существует изначально, а создается во взаимодействии и формируется в процессе. В нарративе мы придаем смысл миру, себе, обществу. Посредством историй, которые являются общими для групп, к которым мы принадлежим, мы формируем семейную, этническую, религиозную, профессиональную идентичность. Такой подход существенно усложняет взаимосвязь между фактическими событиями, хроникой жизни отдельного человека, семьи, сообщества и нарративом, и, соответственно изучение данной взаимосвязи. Нарратив теперь проявляется не только как отношение между словами, текстами, опытом прошлого, но и как взаимосвязь между ним и социальной реальностью [Franzoi, 1998, p. 547].

Наряду с вышерассмотренными особенностями понимания нарратива еще одно изменение касается времени, его видов и роли. Безусловно, в любом нарративе время присутствует, так как предполагается отбор событий и выстраивание их в определенный порядок. В моделях, выстроенных по типу модели Лабова, Валецкого, время линейно, а сюжет нарратива имеет начало, середину и конец.

Современное понимание времени, опираясь на герменевтико-феноменологический фундамент, существенно усложнилось. Как минимум учитывается двойственность времени: время рассказанного прошлого и время рассказывания. Другими словами, различается время последовательности событий прошлого, представленных в нарративе, и время в рассказываемом, причем последнее

не всегда линейно. Один из ранних вариантов усложнения времени в нарративе разработан Ж. Женеттом, который определяет три основных варианта. Первый связан с порядком событий, второй касается длительности события, третий – повторяемости, то есть того, как часто воспроизводится событие. «Порядок», «длительность», «частота» проявляются по-разному. Например, порядок может быть нарушен воспоминаниями, а длительность усилена, чтобы показать значимость события [Женетт, 1998, с. 72].

Понимание нарратива в течение XX века прошло несколько этапов. На первом, преимущественно в социологических исследованиях, нарратив рассматривался как аутентичное отражение событий и применялся как способ «проникнуть», «понять» опыт прошлого. На следующем этапе понимание нарратива усложняется, разрабатываются критерии и алгоритмы анализа. Нарратив начинает активно применяться в антропологических, этнографических, исторических, психологических исследованиях как один из методов или как основной метод качественного анализа. В конце XX века начинает развиваться герменевтико-феноменологический подход к нарративу. В рамках данного подхода нарратив создает и формирует смыслы прошлого. Объективная реальность прошлого, представленная в структуралистских нарративах, заменяется на личностно-значимое происходящее в прошлом. Она формируется настоящим и одновременно формирует настоящее.

Список литературы

- Барбашина Э. В.** Проблемы медицинского нарратива // Идеи и идеалы. 2020. Т. 12. № 3 (1). С. 152–163.
- Женетт Ж.** Работы по поэтике. Фигуры / Пер. с фр. Е. Васильевой, Е. Гальцовой, Е. Гречаной, и др. М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1998. Т. 2.
- Лехциер В. Л.** Нарративная медицина: светлая утопия доктора Риты Шэрон? // Общество ремиссии: на пути к нарративной медицине / Под ред. В.Л. Лехциера. Самара: Изд-во Самар. гос. ун-та, 2012. С. 110–123.
- Пропп В. Я.** Морфология сказки (1928). Л.: Academia, 1969.
- Chase S. E.** Narrative Inquiry: Multiple lenses, approaches, voices // Handbook of qualitative research / Ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage, 2005. P. 651–679.
- Franzosi R.** Narrative analysis – Or why (and how) sociologists should be interested in narrative // Annual Review of Sociology. 1998. № 24. P. 517–554.
- Labov W., Waletzky J.** Narrative analysis: Oral versions of personal experience // Journal of Narrative and Life History. 1997. № 7. P. 3–38.
- Mishler E. G.** A matter of time: when, since, after Labov and Waletzky // Journal of Narrative and Life History. 1997. № 7. P. 61–68.
- Ochs E., Capps L.** Living Narrative. Creating Lives in Everyday Storytelling. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.
- Rayn M-L.** Toward a Definition of Narrative // The Cambridge Companion to Narrative / Ed. by D. Herman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 22–36.

- Schegloff E. A.** “Narrative Analysis” thirty years later // *Journal of Narrative and Life History*. 1997. № 7. P. 97–106.
- Stanley L.** To the letter: Thomas and Znaniecki’s The Polish Peasant and writing a life, sociologically // *Life Writing*. 2010. №7 (2). P. 139–151.

References

- Barbashina E. V.** Problemy medicinskogo narrativa // *Idei i Idealy*. 2020. Vol. 12. № 3 (1). P. 152–163. (in Russian)
- Chase S. E.** Narrative Inquiry: Multiple lenses, approaches, voices // *Handbook of qualitative research* / Ed. by N. K. Denzin, Y. S. Lincoln. Thousand Oaks, CA: Sage. 2005. P. 651–679.
- Franzosi R.** Narrative analysis – Or why (and how) sociologists should be interested in narrative // *Annual Review of Sociology*. 1998. № 24. P. 517–554.
- Labov W. , Waletzky J.** Narrative analysis: Oral versions of personal experience // *Journal of Narrative and Life History*. 1997. № 7. P. 3–38.
- Lekhcier V. L.** Narrativnaya medicina: svetlaya utopiya doktora Rity SHeron? // *Obshchestvo remissii: na puti k narrativnoj medicine* / Pod red. V.L. Lekhciera. Samara: Izd-vo Samar. gos. un-ta. 2012. P. 110–123. (in Russian)
- Mishler E. G.** A matter of time: when, since, after Labov and Waletzky // *Journal of Narrative and Life History*. 1997. № 7. P. 61–68.
- Ochs E., Capps L.** *Living Narrative. Creating Lives in Everyday Storytelling*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.
- Propp V. Ya.** *Morfologiya skazki* (1928). L.: Academia, 1969. (in Russian)
- Rayn M.-L.** Toward a Definition of Narrative // *The Cambridge Companion to Narrative* / Ed. by D. Herman. Cambridge: Cambridge University Press, 2007. P. 22–36.
- Schegloff E. A.** “Narrative Analysis” thirty years later // *Journal of Narrative and Life History*. 1997. № 7. P. 97–106.
- Stanley L.** To the letter: Thomas and Znaniecki’s The Polish Peasant and writing a life, sociologically // *Life Writing*. 2010. №7 (2). P. 139–151. DOI: 10.1080/14484520903445271
- Zhenett Z. H.** Raboty po poetike. Figury / Per. s fr. E. Vasil’evoj, E. Gal’covoi, E. Grechanoj, I. Itkina, S. Zenkina, N. Percova, I. Staf, G. SHumilovoj. Vol. 2. M.: Izd-vo im. Sabashnikovyh, 1998. (in Russian)

Сведение об авторе

Эвелина Владимировна Барбашина, доктор философских наук
заведующий кафедрой философии, Новосибирский государственный медицинский университет;
профессор кафедры философии, Новосибирский государственный университет

Information about the Author**Evelina V. Barbashina**, Doctor of Sciences (Philosophy)

Head of the Department of Philosophy, Novosibirsk State Medical University

Professor, Department of Philosophy, Novosibirsk State University

*Статья поступила в редколлегию 19.06.2023;
одобрена после рецензирования 29.06.2023; принята к публикации 29.06.2023*

*The article was submitted 19.06.2023;
approved after reviewing 29.06.2023; accepted for publication 29.06.2023*

Научная статья

УДК 141.3:616-01:573.01

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-81-92

Категории здоровья и болезни в философии медицины: биомедицинская и гуманистическая модели

Ольга Сергеевна Гилязова

Уральский федеральный университет
Екатеринбург, Россия

olga_gilyazova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6978-1162>

Аннотация

Осмысляются категории здоровья и болезни в проблемном поле философских теорий, вызревших в рамках биомедицинской и гуманистической моделей медицины. Вскрываются философские противоречия, которые, подпитывая дебаты между натурализмом и нормативизмом, препятствуют выработке биомедициной единого удовлетворительного понимания данных категорий. Анализируются теоретические и практические последствия таких особенностей биомедицинской модели, как патоцентризм, отождествление здоровья с полным благополучием, дихотомическое противопоставление здоровья и болезни при отсутствии четкого критерия для их разграничения. Исследуется роль гуманистических подходов в регуманизации медицины. Подчеркивается их заслуга в продвижении более сбалансированного взгляда на здоровье и болезнь, внимательного к принципиальной хрупкости и уязвимости человеческой природы.

Ключевые слова

биомедицина, болезнь, здоровье, нарративная медицина, натурализм, норма и патология, нормативизм, философия медицины, философия науки, феноменология медицины

Для цитирования

Гилязова О. С. Категории здоровья и болезни в философии медицины: биомедицинская и гуманистическая модели // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 81–92. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-81-92

Categories of health and disease/illness in the philosophy of medicine: biomedical and humanistic models

Olga S. Gilyazova

Ural Federal University,
Yekaterinburg, Russian Federation

olga_gilyazova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6978-1162>

© Гилязова О. С., 2023

Abstract

The categories of health and disease/illness are conceptualized from the perspective of the philosophy of medicine. Philosophical contradictions are revealed, which, fueling the debate between naturalism and normativism, prevent biomedicine from developing a single satisfactory understanding of these categories. The theoretical and practical consequences of such biomedicine features as pathocentrism, identification of health with complete well-being, dichotomy of health and disease in the absence of a clear criterion for their differentiation are analyzed. The role of humanistic approaches to the medicine rehumanization is investigated with a focus on their balanced view of health and disease/illness, attentive to the fundamental vulnerability of human nature.

Keywords

biomedicine, disease, illness, health, narrative medicine, naturalism, norm and pathology, normativism, philosophy of medicine, philosophy of science, phenomenology of medicine

For citation

Gilyazova O.S. Categories of health and disease/illness in the philosophy of medicine: biomedical and humanistic models. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 81–92. (In Russ.) DOI

В современной философии медицины сложились две основные модели, в рамках которых разворачиваются размышления о сущности здоровья и болезни: биомедицинская и гуманистическая. Выкристаллизовавшаяся во второй половине XIX – начале XX в. в качестве научно-исследовательского предприятия, культурно-символического феномена и глобального социального института [Вагонов, 2008, р. 236], биомедицинская (естественнонаучная) модель пришла на смену мистической, религиозной и натурфилософской моделям медицины и господствует до сих пор.

Однако даже в рамках этой модели не сложилось единого представления о сути болезни и здоровья. Дебаты по этому вопросу разделяют оппонентов на два лагеря [Лаврентьев, 2022, с. 170; Серебренникова, 2022, с. 40]. Натуралисты как реалисты, стремящиеся максимально полно соответствовать духу биомедицины с ее культом ценностно нейтрального, научно объективного знания, отстаивают объективное существование здоровья и болезней. Нормативисты, будучи антиреалистами, считают, что в основе этих категорий лежат не объективные биологические критерии, а культурно обусловленные ценностные суждения.

Остановимся подробнее на биостатистической теории (БСТ) Кристофера Бурса, которая как наиболее релевантная философским и методологическим основаниям биомедицины¹, является, по мнению ведущих философов медицины, самой авторитетной натуралистической теорией. Согласно ей, категория «болезнь» определяется в терминах статистически аномального функционирования определенного признака по сравнению со средним функционированием признаков того же типа у особей конкретного референтного класса (представителей одного биологического вида, пола и возраста). Таким образом, болезнь (позднее – патологическое состояние) – «это тип внутреннего состояния, которое ухудшает здоровье, т.е. снижает одну или несколько функциональных способностей ниже

¹ См.: Valles S. Philosophy of Biomedicine // E.N. Zalta (ed.) The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2020. URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/biomedicine/>> (дата обращения 20.02.2023).

типичной эффективности» [Boorse, 1977, p. 562]. Здоровье же – это просто отсутствие болезни, т.е. статистическая нормальность.

Понятие болезни Бурса имеет скорее философский, нежели медицинский смысл. Дефицит функции не является достаточным условием для определения сущности болезни, так как он зачастую характеризует не столько саму болезнь в медицинском значении этого слова, сколько ее симптоматику [Hucklenbroich, 2014, p. 610–611]. Притом БСТ подходит скорее острым заболеваниям, чем хроническим, хотя именно последние приобретают огромный удельный вес, заменяя инфекции в качестве основной причины смерти в развитых странах (что знаменует т.н. «эпидемиологический переход» по А.Р. Омрану) [Giroux, 2015, p. 178–179].

Ценностная нейтральность, которую натуралисты провозглашают главным достоинством своих теорий, подвергается сомнению. Например, Элселейн Кингма, главный критик Кристофера Бурса, доказывает, что его выбор референтных классов и целей организма был сделан под воздействием произвольно проникших в его теорию ценностных суждений [Kingma, 2014, p. 601–602].

Однако Дэвид Б. Хершенов считает ее обвинения неосновательными. Такие критерии выделения референтных классов, как возраст и пол, носят более объективный характер, чем предлагаемые ею произвольные критерии слепоты, пневмонии, синдрома Дауна, депрессии, гомосексуализма или склонности к употреблению алкоголя. Критерии Бурса, будучи универсальными детерминантами, свойственны всем организмам (кроме пола у бесполок существ), влияют на дизайн (строение) тела и состояние психики и вносят вклад в биологические цели – выживания и размножения, и, в конечном счете, в эволюцию вида. Что касается предлагаемых ею альтернативных целей (таких как противодействие изменению климата, стремление к гедонизму, достижение благополучия, эвдемонии, мудрости и/или добродетели), то они, в отличие от биологических целей Кристофера Бурса, и сами по себе не являются универсальными для всех царств живой природы, и неудачи в их достижении не становятся фатальными для организма. Даже вероятность конфликта между целями выживания и размножения (как, например, у лососей) знаменует лишь наличие функциональной иерархии в выполнении обеих целей, а не подрывает их объективную необходимость. В этом смысле, по мнению Дэвида Б. Хершенова, теория Бурса лучше, чем теория его оппонентки, отвечает таким критериям научной теории, как плодотворность, полнота и простота, и, в отличие от нормативистских теорий, не локализована лишь видом *Homo sapiens* [Hershenov, 2020, p. 86–96].

Впрочем, никакие натуралистические доводы не действуют на нормативистов, относящихся скептически к самой возможности существования ненормативной концепции здоровья и болезни. Ценностная нейтральность объявляется принципиально нереализуемой, а претензия на нее – несостоятельной.

В целом дебаты натуралистов и нормативистов насчет объективного/субъективного статуса категорий здоровья и болезни отражают философские разногласия между, соответственно, реализмом и антиреализмом (преимущественно конструктивизмом), суждениями о фактах и суждениями о ценностях.

Для согласования их позиций Джером Уэйкфилд выстраивает гибридную трактовку болезни (в его терминологии – расстройства) как вредной дисфунк-

ции (означающей неспособность производить заложенный эволюцией эффект) [Wakefield, 2017, p. 65]. Только в единстве натуралистический научный критерий «дисфункция» и нормативистский аксиологический критерий «вред» могут, по мнению Уэйкфилда, служить необходимым и достаточным условием болезни.

Проблема в том, что данные критерии (хоть в совокупности, хоть по отдельности) эффективны далеко не во всех случаях². Впрочем, возникает вопрос, так ли необходимо строгое разграничение здоровья и болезни.

Есть два варианта рассмотрения соотношения здоровья и болезни: с позиции дихотомии, по которой они являются двумя противоположными состояниями (здоровье – это отсутствие болезней), и с т.н. градуалистской позиции, по которой данные состояния составляют континуум, допускающий постепенные или ступенчатые различия [Hucklenbroich, 2014, p. 627]. Согласно второму варианту, человек может находиться далеко от оптимума здоровья, но оставаться здоровым (концепция «широты здоровья», которую разрабатывал еще Гален [Nordenfelt, 2017, p. 31]). Состояние болезни тоже может варьироваться от легкого до крайне тяжелого.

Если биомедицина отстаивает первый вариант, то гуманистическая модель медицины поддерживает второй.

Однако понятие (фактора) риска бросает вызов биомедицинскому бинарному взгляду на здоровье и болезнь как на исчерпывающие и взаимоисключающие состояния [Giroux, 2015, p. 182]. Для защиты этого взгляда есть два решения: инкорпорировать понятие фактора риска в категорию здоровья (как делает Бурс, дифференцируя разные типы здоровья – инструментальное и внутреннее [Boorse, 1977, p. 553]) или в категорию болезни (как делает Томас Ройл Добер). Второе решение приводит к оценке здоровья как состояния, идеального не только в настоящий момент времени, но и в будущем. Здоровый человек – это человек, у которого нет не только болезни, но и риска заболеть в будущем [Dawber, 1980, p. 223].

Схожей идеалистической позиции придерживается и Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), давая самое известное позитивное определение здоровья как состояния «полного физического, душевного и социального благополучия, а не только отсутствия болезней и физических дефектов»³. Таким образом, биомедицина (в лице ВОЗ) отходит от своего собственного биомедицинского принципа («биошовинизма»), по которому она «должна фокусироваться на болезнях и (только) на их биологических, химических и физических аспектах»⁴. Присущий натурализму биологический редукционизм заменяется холизмом, а универсализм – антропоцентризмом, что отчасти сближает данное понимание здоровья с гуманистическим.

² См. перечисляемые Питером Хакленбройхом, вслед за Хансом Мюллером-Экхардом, примеры факультативной патологии (или рискованного варианта нормальности); парадоксальной патологии; амбивалентности, а также нейтральности в отношении здоровья и болезни и т.п. [Hucklenbroich, 2014, p. 622].

³ <https://www.who.int/ru/about/governance/constitution> (дата обращения 20.02.2023).

⁴ Valles S. Philosophy of Biomedicine // E.N. Zalta (ed.) The Stanford Encyclopedia of Philosophy, 2020. URL = <<https://plato.stanford.edu/archives/sum2020/entries/biomedicine/>> (дата обращения 20.02.2023).

Основная претензия к формуле ВОЗ относится к слову «полное», исключающее большинство, если не всех людей. Главным показателем здоровья человека объявляется его настоящее и будущее благополучие. Как следствие – недостаточно благополучные или успешные люди не могут считаться здоровыми. Чтобы уйти от этого довольно абсурдного заключения, предлагается отделить категорию здоровья от благополучия, зависящего от внешних (а не внутренних!) факторов [Nordenfelt, 2017, p. 34–35]. По сути, эта формула описывает то, что должно быть, а не то, что на самом деле есть. Происходит подмена фактического суждения нормативным. Можно заметить, что если на болезнь биомедицина смотрит натуралистически, то на здоровье – во многом нормативистски.

Сложность выработки удовлетворительной дефиниции здоровья обусловлена тем, что в его отношении медицина располагает значительно меньшим опытом, чем в деле борьбы с болезнями. Здоровье воспринимается как общефоновое состояние организма: оно не замечается, пока не нарушается. Здоровье как дорефлексивное состояние бытия сопротивляется выражению в научных (в том числе биомедицинских) терминах.

Хотя натуралистический подход защищает дихотомическую трактовку здоровья (нормы) и болезни (патологии), но своей неспособностью установить критерий, который позволил бы провести четкую демаркационную границу между ними (т.н. «проблема рисования линий», в терминологии Питера Шварца [Schwartz, 2007, p. 364]), обнаруживает свое самое слабое место. Более того, БСТ в попытке вывести этот критерий из статистики сводит типичность (качественное суждение) к статистической норме (количественное суждение), пренебрегая различием между тремя пересекающимися, но все же не совпадающими значениями понятия «нормальность»: как «нормальное распределение», как «наиболее репрезентативное в своем классе» и как «наиболее подходящее для биологической приспособленности».

Сама идея объективной, устанавливаемой с опорой на статистику, демаркационной границы между нормальным и патологическим функционированием ставится под вопрос. Показательна т.н. проблема «общей» (в терминологии Питера Шварца) или «универсальной» (в терминологии Кристофера Бурса) болезни, т.е. болезни, охватывающей статически значимую часть возрастной когорты населения. В ответ на это замечание Бурса делает оговорку насчет возрастной относительности физиологических норм и «нормальной» окружающей среды, не провоцирующей возникновение патологий [Boorse, 1977, p. 566–567].

Так как в БСТ идентификация здоровья и болезни прямо зависит от их распределения в референтном классе, то возможна следующая ситуация (или, в терминологии Дж. Дэвида Герреро, проблема ‘Cambridge change’⁵): то, что вчера было нормальным, завтра станет патологическим, а животное (в том числе человек), не успевшее за этими изменениями, будет считаться больным [Guerrero, 2010, p. 173–177]. Конечно, эта ситуация маловероятна – с точки зрения крайне медлен-

⁵ Cambridge change – это «свойство, которое индивид может приобрести или потерять не в зависимости от изменений во “внутренних” свойствах самого индивида, а в зависимости от изменений в других индивидах» [Guerrero, 2010, p. 174].

ной естественной эволюции, но вполне реалистична – с точки зрения трансгуманизма.

Для нормативистов эта «проблема рисования линий» не столь актуальна: они снимают ее признанием релятивности (социально-культурной обусловленности) самого критерия. Что мешает перерисовать границу между здоровым и патологическим в угоду новым стандартам? И заодно обратить категории здоровья и болезни в инструменты социального контроля [Исаев, 2022, р. 151–154], содействуя процессу медикализации.

Таким образом, данная проблема имеет не только чисто теоретическое (философское или медицинское) значение, но и социально-политическое. В конечном счете в основе интереса к нормальности на самом деле лежит более животрепещущий интерес к выявлению ненормальности, которая может восприниматься двояко: как отставание от нормы (сфера внимания «терапии», медицины) и как превышение нормы (сфера внимания «улучшения», трансгуманизма).

Если «терапия» нацелена на восстановление биологического функционирования до нормального уровня, то «улучшение» – на выход за пределы биологических норм. «Улучшение» не ограничивается, в отличие от «терапии», узкими рамками медицинских показаний и биоэтических принципов (прежде всего, основополагающего для медицины – «Не навреди!»), а, руководствуясь стремлением исправить хорошее ради лучшего, максимизирует слоган «Мое тело – мое дело» и стимулирует развитие косметологии, биохакинга, трансгуманизма и даже постгуманизма.

Проблема в том, что задаваемые биомедициной границы между «терапией» и «улучшением», а также между «улучшением» и ухудшением могут, как справедливо замечают нормативисты, подрываться психологическими и социальными соображениями. Отсюда исторические примеры готовности подвергаться кастрации ради социальных предпочтений, или – в современное время – хирургическому (и/или гормональному) изменению пола ради психологического комфорта, или (в пределе) – замене здоровых конечностей бионическими ради спортивных достижений.

Впрочем, по мере продвижения к персонализированной медицине концепция нормальности потеряет свою продуктивность. Успешность этого продвижения во многом зависит от развития гуманистической модели медицины с ее вниманием к уникальности каждого пациента и от дальнейшего прогрессирования биомедицинских технологий, которые позволят превратить биомедицину в т.н. точную (прецизионную) медицину.

Можно констатировать: если биомедицина строится на бинарном взгляде на соотношение здоровья и болезни, нормы и патологии, терапии и улучшения, то гуманистическая модель снимает экстремизм этой оппозиции (или/или) через введение континуума, допускающего «серую зону» принципиально не идентифицируемых случаев как поля открытых вопросов без окончательных ответов.

Философские рамки биомедицины, при всей ее сосредоточенности на болезни (патоцентризм как прямое следствие нормоцентризма), не охватывают болезнь в ее непосредственности и значимости для пациента. Как следствие – за болез-

нию не видят самого больного и пренебрегают трансформирующим потенциалом вызываемых ею страданий. Гуманистическая модель призвана исправить этот серьезный пробел. С этой целью она призывает медицину перефокусировать внимание с болезни на больного, взяв на вооружение неогиппократовскую установку «заботиться о человеке в целом, а не лечить болезнь».

Данная модель медицины объединяет те подходы, которые подчеркивают важную роль в клинической практике субъективных переживаний пациента (феноменология медицины) и «эмоционального, ментального, экзистенциального контекста взаимоотношений врач-пациент» [Синюкова, 2018, с. 150] (нарративная медицина).

Гуманистические подходы самообосновываются тем фактом, что категории здоровья и болезни выходят за рамки чисто медицинского дискурса [Аверкина, 2014, с. 103; Шуталева, 2011, с. 131–132]. Для больного болезнь – это не просто физические и психические неполадки (или, словами натурализма, биологическая дисфункция), это глобальная онтологическая и экзистенциальная угроза привычным, само собой разумеющимся отношениям между телом, Я и миром [Toombs, 2019, p. 219].

Болезнь раскалывает синтетическое здоровое единство живого тела и тела как объекта (Leib и Köpfer, в терминах Эдмунда Гуссерля) и, нарушая естественную феноменологическую установку, навязывает необходимость интенсивного вынужденного сосредоточения на теле как объекте.

Согласно Фредрику Свенеусу, радикальная и ужасающая инаковость серьезных болезней делает их главной угрозой здоровому, домашнему бытию-в-мире [Svenaeus, 2011, p. 335–338]. В работах других ведущих феноменологов медицины – Дрю Ледера, Ричарда Зейнера, С. Кей Тумбс и Хави Ханны Карел – инаковость болезни обрисовывается как чуждость, «невидимость» (самовольность) тела пациента по отношению к нему самому. Болезнь превращает тело во врага и предателя. Этим она опаснее других несчастий, других форм бездомного бытия-в-мире: от тела не спрячешься, от него не убежишь.

С. Кей Тумбс, философ, страдающая рассеянным склерозом, приводит список существенных (или «эйдетических») характеристик переживания болезни: ощущение утраты целостности, утрата уверенности, потеря контроля, потеря свободы действий и потеря знакомого мира [Toombs, 1987, p. 229]. Самой большой потерей является потеря свободы, в том числе в ее темпоральном измерении: с прогрессированием болезни постепенно, но неумолимо закрываются ранее открытые возможности. Повседневность теряет свою привычность, доступность, бездумность и становится трудоемким проектом. В то время как здоровые люди воспринимают мир в качестве арены для самовыражения, больные – в качестве набора угроз⁶. Не только тело, но и мир становится врагом.

Феноменология медицины сопряжена с нарративной медициной, так как подразумевает не просто описание личного бытия-в-мире, а разъяснение смысловых структур, общих для человеческого бытия-в-мире в целом.

⁶ Murphy D. Concepts of Disease and Health // E.N. Zalta (ed.) The Stanford Encyclopedia of Philosophy. Spring Edition, 2021. URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2021/entries/health-disease/>. (дата обращения 20.02.2023).

Нарративная медицина видит свое назначение в нейтрализации технологически и бюрократически отчужденного характера работы биомедиков. Как выражается Симус О'Махони, пациенты стали «проблемой, которую нужно решать на больничном конвейере; неудивительно, что они часто чувствуют, что никто, по-видимому, не отвечает и не заботится о них как о личностях» [O'Mahony, 2019, p. 330]. Врач же истолковывается как «анонимный локус определенного набора компетенций» [Blythe & Curlin, 2018, p. 442]. Обезличенность контактов (и как следствие – отсутствие предвзятости, пристрастности) как идеал веберовской бюрократии, будучи уместной в присутственных местах, не применима в отношениях между врачом и пациентом.

Нарратив – лучшая форма выражения самобытности каждого пациента (его убеждений, предпочтений, ценностей, формирующих его уникальный опыт). Нарратив формируется во время клинической встречи врача и пациента и уточняется с помощью их герменевтического диалога, а также «чтения» врачом тела пациента как текста [Аверкина, 2014, p. 105–106].

Нарратив ситуативен, конкретен, незавершен, открыт для сравнения, детализации и переинтерпретации. Он берет во внимание случайности, прецеденты, неполноту, мультикативные причины, оставляя место для непредвиденных обстоятельств и открытого исхода. Это важно для презентации опыта болезни, которая становится разломом, вынуждающим к переопределению прошлого и будущего в попытке снять или хотя бы смягчить их отчуждающий характер.

Собственный опыт серьезной болезни (рассеянный склероз, онкология) заставил таких идейных вдохновителей гуманистической модели, как С. Кей Тумбс, Хави Ханна Карел, Артур Франк, акцентировать внимание на суженном горизонте возможностей человека (в том числе в результате болезни, инвалидности, старения) и задуматься о выработке более взвешенного подхода к здоровью и болезни, чем тот, что продвигается западной культурой с ее пиететом перед молодостью, внешней привлекательностью, социальной востребованностью, успешностью, счастьем. От человека требуется всегда «твердо стоять на ногах» (в буквальном и переносном смысле) [Toombs, 2019, p. 221]. Этот императив отчасти прослеживается и в отождествлении биомедициной человеческого здоровья с благополучием и процветанием.

Однако даже несерьезные болезни, не говоря уже об инвалидизирующих, разоблачают иллюзию личной неуязвимости, автономии, целостности, независимости, несокрушимости. Они как ничто другое демонстрируют, что способности, возможности, свобода, гармоничность и самодостаточность человека, т.е. то, с чем принято соотносить здоровье при попытках дать его позитивное определение, – являются хрупкими, ничем не гарантированными и крайне уязвимыми дарами жизни. «Мы более ограничены, чем нам хотелось бы думать», – утверждает Ханс-Георг Гадамер (цит. по [Kerdeman, 2015, p. 735]).

Такой взгляд на природу человека (без крайностей христианского умаления и светской (в духе позитивной психологии) самонадеянности⁷) прокладывает путь

⁷ Недаром критике данного самоуверенного (само)отношения (взятого на вооружение позитивной психологией), поощряющего глорификацию борцов с болезнью и виктимизацию «лузеров», не справившихся с нею, посвящены два издания книги Барбары Эренрайх, которая на себе испытала его негативные последствия: 'Bright-Sided: How the Relentless Promotion of Positive Thinking has

к более сбалансированному пониманию болезни – и как одного из главных зол жизни, серии потерь, запретов, ограничений, и как вызова и приглашения к пересмотру ценностных ориентиров и жизненных приоритетов. Здоровье же трактуется не в абсолютистском духе как полная антитеза болезни и полное благополучие, а в диалектической связи с болезнью, допускающей возможность «здоровья в болезни».

Таким образом, можно сделать вывод, что если биомедицина выражает профессиональный взгляд (врача, ученого) на болезнь (заболевание), дает ей объективную оценку и вскрывает ее сущность как объективного биологического явления, то для гуманистической модели важнее личный взгляд пациента на болезнь, ее субъективная оценка, а ее главным атрибутом считается страдание. Две модели медицины исследуют болезнь с двух разных ракурсов: с точки зрения третьего лица и с точки зрения первого лица. В англоязычной литературе это различие, позволяющее отделять болезнь как патологическое явление от ее воздействия на человека (и ее восприятие человеком) в целом, выражено терминологически – в дихотомии *disease / illness*. Что касается категории здоровья, то биомедицина и гуманистическая модель исследуют ее соотносительно с категорией болезни: отстаивая, соответственно, дихотомическую и градуалистскую позиции. Впрочем, холистический и антропоцентрический подход к категории здоровья сближает обе модели медицины.

Список литературы

- Аверкина Е. И.** Гуманитарное пространство медицинского дискурса // Философские науки. 2014. № 12. С. 103–110.
- Исаев А. В.** Ценность «естественного здоровья» и критика концепции нормализации здоровья // *НОМОТНЕТИКА: Философия. Социология. Право*. 2022. № 47(1). С. 150–154. <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-1-150-154>.
- Лаврентьев А. В.** Философско-медицинский и теологический ракурсы осмысления феномена болезни // *Христианское чтение*. 2022. № 4. С. 167–179. https://doi.org/0.47132/1814-5574_2022_4_167.
- Серебренникова А. В.** Философия медицины: современные аспекты // Национальная ассоциация ученых (НАУ). 2022. № 79. С. 40–43. <https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2022.179.596>.
- Синюкова Н. А.** Субъективизация опыта болезни как гуманистическая парадигма современной медицины // *Сиб. филос. журн.* 2018. Т. 16. № 4. С. 147–158. <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2018-16-4-147-158>.
- Шуталева А. В.** Интегральный подход и проблема холистического мировосприятия в медицине // *Вестн. Челяб. гос. ун-та*. 2011. № 18(233). С. 131–133.
- Varonov D.** Biomedicine: An ontological dissection // *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2008. № 29. P. 235–254. <https://doi.org/10.1007/s11017-008-9070-4>.
- Blythe J. A., Curlin F. A.** “Just do your job”: Technology, bureaucracy, and the eclipse of conscience in contemporary medicine // *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2018. № 39. P. 431–452. <https://doi.org/10.1007/s11017-018-9474-8>.

Undermined America’ (американское издание, 2009) и ‘Smile or Die: How Positive Thinking Fooled America and the World’ (британское издание, 2010).

- Boorse C.** Health as a theoretical concept // *Philosophy of Science*. 1977. № 44(4). P. 542–573. <https://doi.org/10.1086/288768>.
- Dawber T. R.** *The Framingham Study: The epidemiology of atherosclerotic disease*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
- Giroux É.** Epidemiology and the bio-statistical theory of disease: A challenging perspective // *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2015. № 36. P. 175–195. <https://doi.org/10.1007/s11017-015-9327-7>.
- Guerrero J. D.** On a naturalist theory of health: A critique // *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. 2010. № 41. P. 272–278. <https://doi.org/10.1016/j.shpsc.2009.12.008>.
- Hershenov D. B.** A naturalist response to Kingma's critique of naturalist accounts of disease // *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2020. № 41. P. 83–97. <https://doi.org/10.1007/s11017-020-09526-9>.
- Hucklenbroich P.** "Disease Entity" as the Key Theoretical Concept of Medicine // *The Journal of Medicine and Philosophy*. 2014. vol. 39. is. 6. P. 609–633. <https://doi.org/10.1093/jmp/jhu040>.
- Kerdeman D.** Preparing Educational Researchers: The Role of Self-Doubt // *Educational Theory*. 2015. vol. 65. no. 6. p. 719–738. <https://doi.org/10.1111/edth.12144>.
- Kingma E.** Naturalism about health and disease: Adding nuance for progress // *Journal of Medicine and Philosophy*. 2014. № 39. P. 590–608. <https://doi.org/10.1093/jmp/jhu037>.
- Nordenfelt L.** On Concepts of Positive Health // T. Schramme, S. Edwards (eds). *Handbook of the Philosophy of Medicine*. Dordrecht: Springer, 2017. p. 29–44. https://doi.org/10.1007/978-94-017-8688-1_2.
- O'Mahony S.** After the golden age: What is medicine for? // *Lancet*. 2019. № 393(10183). p. 1798–1799. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(19\)30901-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(19)30901-8).
- Schwartz P. H.** Defining dysfunction: Natural selection, design, and drawing a line // *Philosophy of Science*. 2007. № 74. P. 364–385. <https://doi.org/10.1086/521970>.
- Svenaesus F.** Illness as unhomelike being-in-the-world: Heidegger and the phenomenology of medicine // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2011. № 14. P. 333–343. <https://doi.org/10.1007/s11019-010-9301-0>.
- Toombs S. K.** The healing relationship: Edmund Pellegrino's philosophy of the physician – patient encounter // *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2019. № 40. P. 217–229. <https://doi.org/10.1007/s11017-019-09490-z>.
- Toombs S. K.** The meaning of illness: A phenomenological approach to the patient–physician relationship // *Journal of Medicine and Philosophy*. 1987. № 12. P. 219–240.
- Wakefield J. C.** Mental Disorders as Genuine Medical Conditions // T. Schramme, S. Edwards (eds). *Handbook of the Philosophy of Medicine*. Dordrecht: Springer, 2017. p. 65–82. https://doi.org/10.1007/978-94-017-8688-1_1.

References

- Averkina E.** Humanitarian Space of Medical Discourse // *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2014. № 12. p. 103–110. (In Russian)
- Baronov D.** Biomedicine: An ontological dissection // *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2008. № 29. P. 235–254. <https://doi.org/10.1007/s11017-008-9070-4>.

- Blythe J. A., Curlin F. A.** “Just do your job”: Technology, bureaucracy, and the eclipse of conscience in contemporary medicine // *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2018. № 39. p. 431–452. <https://doi.org/10.1007/s11017-018-9474-8>
- Boorse C.** Health as a theoretical concept // *Philosophy of Science*. 1977. № 44(4). P. 542–573. <https://doi.org/10.1086/288768>
- Dawber T. R.** *The Framingham Study: The epidemiology of atherosclerotic disease*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
- Giroux É.** Epidemiology and the bio-statistical theory of disease: A challenging perspective // *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2015. № 36. P. 175–195. <https://doi.org/10.1007/s11017-015-9327-7>
- Guerrero J. D.** On a naturalist theory of health: A critique // *Studies in History and Philosophy of Biological and Biomedical Sciences*. 2010. № 41. P. 272–278. <https://doi.org/10.1016/j.shpsc.2009.12.008>
- Hershenov D. B.** A naturalist response to Kingma’s critique of naturalist accounts of disease // *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2020. № 41. p. 83–97. <https://doi.org/10.1007/s11017-020-09526-9>
- Hucklenbroich P.** “Disease Entity” as the Key Theoretical Concept of Medicine // *The Journal of Medicine and Philosophy*. 2014. vol. 39. is. 6. p. 609–633. <https://doi.org/10.1093/jmp/jhu040>
- Isaev A. V.** The Value of “Natural Health” and Criticism of the Concept of Normalization of Health // *NOMOTHETIKA: Philosophy. Sociology. Law*. 2022. № 47(1). p. 150–154. (in Russian). <https://doi.org/10.52575/2712-746X-2022-47-1-150-154>.
- Kerdeman D.** Preparing Educational Researchers: The Role of Self-Doubt // *Educational Theory*. 2015. vol. 65. no. 6. p. 719–738. <https://doi.org/10.1111/edth.12144>.
- Kingma E.** Naturalism about health and disease: Adding nuance for progress // *Journal of Medicine and Philosophy*. 2014. № 39. p. 590–608. <https://doi.org/10.1093/jmp/jhu037>.
- Lavrentiev A. V.** Philosophical-Medical and Theological Perspectives of Understanding the Phenomenon of Disease // *Khristianskoye Chteniye*. 2022. № 4. p. 167–179. (in Russian). https://doi.org/10.47132/1814-5574_2022_4_167.
- Nordenfelt L.** On Concepts of Positive Health // T. Schramme, S. Edwards (eds). *Handbook of the Philosophy of Medicine*. Dordrecht: Springer, 2017. p. 29–44. https://doi.org/10.1007/978-94-017-8688-1_2.
- O’Mahony S.** After the golden age: What is medicine for? // *Lancet*. 2019. № 393(10183). P. 1798–1799. [https://doi.org/10.1016/S0140-6736\(19\)30901-8](https://doi.org/10.1016/S0140-6736(19)30901-8).
- Schwartz P. H.** Defining dysfunction: Natural selection, design, and drawing a line // *Philosophy of Science*. 2007. № 74. p. 364–385. <https://doi.org/10.1086/521970>.
- Serebrennikova A. V.** Philosophy of medicine: Modern aspects // *Natsional’naya assotsiatsiya uchenykh*. 2022. № 79(1). P. 40–43. (in Russian). <https://doi.org/10.31618/nas.2413-5291.2022.1.79.596>.
- Shutaleva A. V.** Integral approach and the problem of a holistic world view in medicine // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2011. № 18(233). P. 131–133. (in Russian).

- Sinyukova N. A.** Subjectivization of the illness experience as a humanistic paradigm of modern medicine // *The Siberian Journal of Philosophy*. 2018. vol. 16. no. 4. P. 147–158. (In Russian). <https://doi.org/10.25205/2541-7517-2018-16-4-147-158>.
- Svenaеus F.** Illness as unhomelike being-in-the-world: Heidegger and the phenomenology of medicine // *Medicine, Health Care and Philosophy*. 2011. № 14. P. 333–343. <https://doi.org/10.1007/s11019-010-9301-0>
- Toombs S. K.** The healing relationship: Edmund Pellegrino’s philosophy of the physician–patient encounter // *Theoretical Medicine and Bioethics*. 2019. № 40. P. 217–229. <https://doi.org/10.1007/s11017-019-09490-z>
- Toombs S. K.** The meaning of illness: A phenomenological approach to the patient–physician relationship // *Journal of Medicine and Philosophy*. 1987. № 12. P. 219–240.
- Wakefield J. C.** Mental Disorders as Genuine Medical Conditions // T. Schramme, S. Edwards (eds). *Handbook of the Philosophy of Medicine*. Dordrecht: Springer, 2017. P. 65–82. https://doi.org/10.1007/978-94-017-8688-1_1.

Сведения об авторе

Гилязова Ольга Сергеевна, кандидат философских наук,
доцент, центр развития универсальных компетенций, Уральский федеральный университет (Екатеринбург, Россия)

Information about the Author

Olga S. Gilyazova, PhD in Philosophy,
Associate Professor, Center for the Development of Universal Competences, Ural Federal University (Yekaterinburg, Russia)

*Статья поступила в редколлегию 20.02.2023;
одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 27.04.2023*
*The article was submitted 20.02.2023;
approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 27.04.2023*

Научная статья

УДК 130.2

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-93-103

К вопросу о причинах и стратегиях деконструкции советского в парафразах прецедентных культурных знаков

Валентина Михайловна Липицкая

Казанское высшее танковое командное ордена Жукова Краснознамённое училище,
Казань, Республика Татарстан, Россия

vmnasrtdinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5070-0799>

Аннотация

Деконструкция советского в парафразах прецедентных культурных знаков, ранее неоднократно привлекавшая внимание филологов, впервые рассмотрена с социально-философских позиций: проанализированы социокультурные и социально-психологические причины указанного явления, теоретизировано его влияние на рецепцию советской темы современным общественным сознанием. Установлено, что тенденция ироничного перефразирования советских прецедентов обусловлена, с одной стороны, морфологией советской культуры, а с другой – предзадана факторами, сопряжёнными со свойствами общественной психологии. Рассматривая последствия профанирования советского в парафразах ПКЗ, автор указывает, что такие парафразы способны создавать альтернативный тезаурус советской культуры и истории, транслировать специфические ценности, нарушать общепринятые алгоритмы присвоения гуманитарной культуры.

Ключевые слова

советское, прецедентные культурные знаки, советская культура, общественное сознание, деконструкция, смеховая культура, медийный дискурс, рецепция

Для цитирования

Липицкая В. М. К вопросу о причинах и стратегиях деконструкции советского в парафразах прецедентных культурных знаков // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 93–103. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-93-103

On the reasons and strategies of deconstruction of the Soviet in the paraphrases of cultural signs

Valentine M. Lipitskaya

Kazan Higher Tank School
Kazan, Republic of Tatarstan, Russian Federation

vmnasrtdinova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5070-0799>

© Липицкая В. М., 2023

Abstract

Deconstruction of the Soviet in paraphrases of precedent cultural signs is for the first time considered from a socio-philosophical position: the socio-cultural and socio-psychological reasons for this phenomenon are analyzed, and its influence on the reception of the Soviet theme by modern public consciousness is theorized. It has been established that the tendency of ironic paraphrasing of Soviet precedents is predetermined by the morphology of Soviet culture and by a number of factors associated with the properties of social psychology as well. The author points out that paraphrases are capable of creating an alternative thesaurus of Soviet culture and broadcasting specific values.

Keywords

the Soviet, precedent cultural signs, Soviet culture, public consciousness, deconstruction, laughter culture, media discourse, reception

For citation

Lipitskaya V. M. On the reasons and strategies of deconstruction of the Soviet in the paraphrases of cultural signs. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 93–103. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-93-103

Бытование советских прецедентных текстов в постсоветское время обширно: к ним охотно прибегают политический, медийный, рекламный и бытовой дискурсы; прецеденты становятся важной компонентой смеховой культуры эпохи.

В отечественном академическом знании звучание прецедентов-советизмов в нововременных контекстах (и соответствующих им текстах) довольно подробно изучено в ракурсе социолингвистики – например, в работах Т. А. Гридиной [2011; 2014], Ю. Ф. Айдановой [2008], Ю. Б. Пикуневой [2009]. Вместе с тем, на наш взгляд, обнаруживается известная лакунарность в области социально-философского осмысления современного употребления советских культурных знаков, являющихся прецедентными; их способности «полномочно представлять» советскую культуру в изменившемся мире, равно как и обновлённого их *озвучивания* и рецепции в общественном сознании.

В рамках настоящей работы мы задаёмся целью установить причины, преимущественно экстралингвистические – (социокультурные, социально-психологические), задающие референции к советским прецедентным культурным знакам (далее ПКЗ), а также выявить концептуальные, мировоззренческие и аксиологические основания, такие референции оформляющие. Кроме того, мы считаем необходимым проанализировать влияние *постперестроечной транслитерации* советских прецедентов на коллективные представления о советском в широком смысле слова – советское как космос, система ценностей и установок; масштабный *авантэкст*.

Автор настоящей работы солидарен с представлением ряда отечественных исследователей [Гридина, 2011; 2014], [Айданова, 2008] о том, что при размещении советских ПКЗ в постсоветских дискурсах происходит деконструкция и вышучивание советского, однако основной задачей данной работы является не академическое протоколирование определённого феномена, но поиск релевантной экспланационной модели, способной обеспечить понимание того, почему, процессуруя языковые клише советской эпохи, обыденное сознание современного российского общества вновь и вновь приходит к (пост)ироничному знаменателю. В качестве материала для анализа нами выбраны т. н. «приколы “Русского Ра-

дио”», также известные как шутки Николая Фоменко, в которых профанирование советского явлено чрезвычайно выпукло, предельно, порой эпатажно.

В рамках настоящей работы термины «*деконструкция*», «*травестирование*», «*профанирование*», «*высмеивание*», «*вышучивание*» ситуативно синонимизируются, так как методологически близкими авторской позиции оказывается понимание *деконструкции*, сформулированное В. Савчуком: «Деконструкция – это разгадка тайны, девальвация искренности, разочарование в общем проекте...» [Савчук, 1999, с. 125], а также Л. Немченко: «Деконструкция объекта исследования – это всегда позиция сомнения и подозрительности к общеизвестному и общезначимому» [Немченко, 2016, с. 109]. Любые манипуляции с т. н. ПКЗ мы рассматриваем как находящиеся в контуре деконструкции в той мере, в которой они не только «снимают» миф советского, но и задают альтернативное его прочтение.

Разумеется, «приколы» не являются единственным локусом едкого перефразирования советских ПКЗ, однако именно они обладают всероссийской узнаваемостью, в отличие, например, от заголовков статей в федеральных и региональных изданиях. В открытых источниках можно обнаружить более пятисот «приколов», в разное время озвученных радиоведущим. Большинство из них организованы в виде травестирования определённой *донорской коллокации*, высказывания-прецедента, каковым могут выступать пословицы и поговорки (например, «*Лучше синица в руках, чем утка под кроватью*»), «*Язык до киллера доведёт*»), или афоризмы, цитаты из произведений классиков литературы и крылатые фразы (например, «*Пришёл, увидел, побелил*», «*И дым копчёностей нам сладок и приятен*», «*Унылая пора*»).

Мы, однако, сосредоточимся на тех из них, которые апеллируют к советской теме – содержательно, в плане «месседжа» высказывания, и/или формально-стилистически (т. е. эксплуатируют узнаваемый речевой образец). Среди общего числа «советских» шуток мы предлагаем выделить несколько подтипов: а) осмеяние популярных лозунгов («*Земли – крестьянам, заводы – рабочим, пиво – мне*», «*Папуас папуасу – друг, товарищ и корм*»), «*Серп и молот – коси и забивай*», «*Кузькина мать зовёт*», «*Всё лишнее – детям*», «*Пионерка – всем ребятам примерка*»), б) пародирование общеизвестных речевых клише («*Говорит Москва, все остальные работают*»), «*Любите газету – неиссякаемый источник кульков для семечек*», «*Мойте руки, перед и зад*», «*Не стой под струёй*»), «*Лети с приветом, вернись умным*», «*Рабочий день сокращает жизнь на восемь часов*», «*Уходя, гасите всех*»), в) карикатурные вариации на тему литературных и песенных цитат («*Я достаю из широких штанин, и все возмущённо кричат: “Гражданин!”*»), «*Первым делом мы испортим самолёты, ну а девушек – а девушек потом*»), «*Бороться и искать, найти и перепрятать*»), «*Главное, ребята, перцем не стареть*»), «*Плачет девочка в банке*»), «*По полу тапки грохотали*»), г) «троллинг» советского новояза («*Меняю проигрыватель на выигрыватель*»), «*Где совок, там и мусор*»), «*Я не отличница, я удовлетворительница*»), д) искажение прецедентных имён («*Место клизмы изменить нельзя*»), «*А зомби здесь тихие*»), е) вышучивание реалий советской жизни («*Эх, Аврора, где же был твой айсберг*»), «*Митя идёт на митинг, а Петя идёт на петтинг*»), «*Готов постоять за других – ездил в автобусе*»), «*Сбылась мечта патриота*»), «*Мальчики по вызову – телефон 02, круглосуточно*»).

Приведённая выше типология не является попыткой теоретизирования в области изучения ПКЗ, но частной моделью-линзой, инструментальной для текущего исследования, позволяющей выявить те речевые жанры, которые оказались наиболее уязвимыми и подверженными постироничной деконструкции, что, в свою очередь, приближает нас к пониманию причин таковой.

В качестве одной из ведущих причин нам видится *морфология* советской культуры в целом; ряд примордиальных её свойств, нашедших отражение в языке. Будучи, по своему определению, культурой неэлитарной, *делающей ставку* на массовость, всеобщую доступность и доходчивость, советская культура обращается к таким языковым средствам, которые это обеспечивают. В стихотворении «Птичка божия» (1929) у Владимира Маяковского находим предельное выражение этого тезиса: «*Уберите этот торт! Стих даёшь – хлебов подвозу. В наши дни писатель тот, кто напишет марш и лозунг*» [Маяковский, 1955, с. 449]. Адресованная (по крайней мере, изначально, в годы первых революционных завоеваний) тем слоям населения, которые не всегда обладают достаточным образованием (отсюда последующие уникальные советские практики *ликбзов, рабфаков, вечерних школ*), советская культура изъясняется конкретными, недвусмысленными, запоминающимися вербальными паттернами («*Религия – опиум для народа!*», «*Болтун – находка для шпиона*», «*Победа коммунизма неизбежна!*» и др.). В связи с этим маршевость, лозунговость, плакатность, формульность (порой, увы, мутирующая в формальность), экскламационность, идиоматичность, известная *мемность* становятся маркерами советской культуры. Однако теневой стороной тяготения к «чеканенным», «якорным» фразам-формулам становится их жанровая и эйдетическая амбивалентность: чрезвычайно серьёзные на первый взгляд, они чреватые пограничностью с жанром шутки, *мема*, прикола, обладая рядом схожих свойств: лаконичностью, яркостью, эпатажностью, парадоксальностью. Наиболее ранние реализации шуточного, изнаночного потенциала лозунга обнаруживаем ещё внутри советской культуры, задолго до реалий постперестроечного времени – например, у И. Ильфа и Е. Петрова читаем: «*Остан наклонился к замочной скважине, приставил ко рту ладонь трубой и внятно сказал: – Почём опиум для народа?*» [Ильф, Петров, 1961, с. 119], а также «*А в Арбатове вам терять нечего, кроме запасных цепей*» [Ильф, Петров, 1973, с. 43].

Другим важным свойством советской культуры, стремящейся воспитать нового человека, строителя коммунизма, является высокая степень её дидактичности, наставительности, что воплощается во множестве нормативных и нормализующих высказываний, звучащих в публичном дискурсе, принимающих формы партикулярного, не терпящего возражений императива («*Стыди тунеядца!*», «*Мойте руки перед едой!*», «*Уходя, гаси свет!*», «*Не стой под стрелой!*»). Анализируя функционирование фрейма бытового совета в советской лингвокультуре, Е. Ю. Щемелева отмечает: «Пропагандистскую директивность советской культуре придавало то обстоятельство, что обычные речевые жанры сдвигались в сторону жанров дидактических, учительных» [Щемелева, 2014, с. 217], а Л. Г. Фишман предлагает и более глобальную скобку: «...большевистский проект был обречён с самого начала стать проектом воспитательным, моральным, в широком смысле – культурным» [Фишман, 2022, с. 31].

Оценки того, насколько данные социальные инструкции и предписания видятся гражданину персонализированными и воспринимались им на свой счёт, разнятся: если героиню своей повести «Гадюка» (1928) А. Толстой наделяет высокой степенью гражданской эмпатии и слияния с тканью социального: «*Листочки декретов звали восстанавливать и творить. Чьими руками? Своими же, вот этими – всё ещё скрюченными, как лапа хищной птицы*» [Толстой, 1958, с. 210], «*Она рассматривала лица, каких не бывает, развевающиеся знамёна, стоэтажные дома, трубы, дымы, восходящие к пляшущим буквам: “индустриализация”*» [Там же, с. 211], то журналист Д. Бутрин полагает, что «безадресные и бессубъектные сообщения, главная цель которых – коллективно информировать метафизическую пустоту о том, что мы решили объявить истиной, возможно, и есть главная особенность советского строя». Думается всё-таки, что степень детерминированности «отдельно взятой жизни» институциональными «нотациями» зависела от индивидуальных психоэмоциональных особенностей личности, однако не замечать их «взрослую», родительскую интонацию не представлялось возможным в силу их всеприсутствия. Позднейшее «передразнивание» наставительных ПКЗ, таким образом, происходит из отведённой гражданину «детской» позиции как реакция на избыточные социальные ЦЭУ.

Кроме того, пространство для возникновения комического эффекта и потенциальности пародирования создают уже упомянутые выше всеобщность и, как следствие – репетитивность таких речевых образцов, как лозунги и предписания. Транслируемое ими *нуминозное* (в советском его прочтении, т. е. *авторизованное* государством), не будучи зарезервированным в качестве эксклюзивного языка (например, только для высоких трибун и партийных собраний), неизбежно сталкивается с повседневным профанным – с курьёзами и каверзами бытовой жизни, с её *площадными* компонентами, от которых никуда не деться; с её *динамикой*, которой плакатно-лозунговой *статике* порой нечего противопоставить. Обозначенный зазор между «циркулярами и жизнью» с удовольствием эксплуатируют кинематографисты: «*Двое в комнате. Я и Ленин*», произносит в т/с «Дело гастронома №1» (2011, реж. С. Ашкенази) жена майора КГБ Маша Скачко (Юлия Пересильд), не дождавшись мужа к накрытому столу и решаясь на адюльтер; а в т/с «Операция Валькирия» (2018, реж. Д. Петрунь) сцену, где музыкальный руководитель Елена Измайлова (Марина Александрова) обнаруживает поредевшие ряды детского хора (дети «врагов народа» вывезены из Артека перед приездом высоких гостей) и обрамляет эмблематичный транспарант с лозунгом «Спасибо товарищу Сталину за наше счастливое детство!».

Что же касается «ядовитых» перепевов заглавных советских песен, то, во-первых, и они не есть «изобретение» постсоветского периода – ранее мы уже упоминали пародию на легендарную песню Юрия Кукина, по версии которой «*за туманом едут только дураки*» [Насртдинова, 2018, с. 84]; в конце шестидесятых годов художник Вагрич Бахчанян восклицает: «*Мы рождены, чтоб Кафку сделать былью!*», а во всё ещё советской «Интердевочке» П. Тодоровского (1989) юная работница секс-индустрии смеётся в лицо сотруднику милиции, упоминая отца, профессора-африкановеда: «*И поэтому, знаю, со мной ничего не случится*». Вышучивание советской песни, на наш взгляд, в большинстве случаев является

всё-таки не умышленным и циничным отрицанием воспеваемых в них ценностей, но, скорее, реакцией на герметичность культурного кода; предсказуемость и инвариантность сетки советского теле- и радиовещания – во-первых, преимущественно русскоязычного (за исключением небольшого процента «Мелодий и ритмов...»), а во-вторых, очень *форматного*, репертуарно-выдержанного, отсекающего инакомыслие.

При анализе социально-психологических причин усердного разоблачения советского при помощи советских же ПКЗ, с одной стороны, небезосновательной видится точка зрения Сьюзан Гал и Гейл Клигман, приведённая в работе «Это было навсегда, пока не кончилось» А. Юрчаком: «каждый гражданин социалистического общества “был в некоторой степени соучастником системы покровительства, лжи, воровства, подкупа и двуличия, благодаря которым система функционировала”» [Юрчак, 2014, с. 44]. С другой стороны, не приходится игнорировать и мнение С. Кара-Мурзы, указавшего, что «с конца 1980-х годов в России ведётся большая и хорошо разработанная программа по релятивизации, а потом и снятию нравственных норм и запретов и внедрению ценностей радикально аморальных» [Кара-Мурза, 2005, с. 546]. На наш взгляд, справедливо усмотреть в этой тенденции определённый социально-психологический фьюжн: разумеется, сложно отрицать факты реализации технологий по работе с общественным сознанием (взять хотя бы хрестоматийное «Да-да-нет-да», «завернутое» в неприязательную песенку, исполненную А. Пугачёвой перед апрельским референдумом 1993 г.). Да и такой циничный «прикол» того же Русского Радио, как «*Гагарин был первым проходивцем в космосе*», ранее уже рассмотренный Т. Гридиной [Гридина, 2014, с. 37], выглядит скорее вероломной «инъекцией» в общественное сознание, нежели высказыванием «из народа» – так, по версии журнала Forbes, Юрий Гагарин возглавил рейтинг «Самые влиятельные россияне столетия», получив 52 % голов респондентов.

В то же время в деконструкции советских ПКЗ считается и известная степень размещения гражданской «мести», использующей, наконец, долгожданную возможность говорить прямо и без опасений, и неотделимых от неё попыток «терапевтировать <...> масштабную социальную травму неискренности, выраженную, например, в необходимости изображать веру в скорое наступление “светлого будущего”, получая при этом товары первой необходимости по талонам» [Липицкая, 2022, с. 68].

Далее обратимся к рассмотрению возможных последствий профанирования советского в парафразах ПКЗ и его влияния на рецепцию советской темы современным общественным сознанием. Во-первых, в силу значительной своей хлесткости, броскости и *незабываемости*, парафразы ПКЗ-советизмов входят в постперестроечный коллоквиальный дискурс, поглощаются и присваиваются обыденным сознанием, тем самым создавая альтернативный тезаурус советской истории и культуры, или их *краткий пересказ*, весьма непривлекательный и ходульный – советское, по его версии, выглядит *невеликим*, скучным, местами потешным, местами абсурдным, а иногда и вовсе – концептуально *недееспособным*. Анализируя вышучивание штампов авторитарного дискурса в телепроекте «Старые песни о главном» на частном примере фраз-подводок к выступлению Жанны

Агузаровой, Д. Журкова отмечает, что «такой стиль общения — это даже не пародия на то, как на советском телевидении подавалась зарубежная эстрада, <...> это сознательное «придумывание» прошлого, в котором идеологические штампы советского времени перемежаются фразеологическими штампами на иностранном языке, выливаясь в фантасмагорическую картину» [Журкова, 2021, с. 42]. Аналогичное «параллельное конструирование прошлого» выполняют и рассмотренные нами «приколы», настойчиво предлагая общественному сознанию собственную модель советского.

Во-вторых, неукоснительно следуя принципу «отвергаешь – предлагай», парафразы советских ПКЗ выступают лаконичными манифестами своеобразной системы ценностей, согласно которой труд есть новый атавизм («*Матушка-Лень зовёт*», «*Ударим крепким сном по мукам совести*», «*Вам песня строить, нам – жить помогает*»), пагубные пристрастия заслуживают снисхождения (если не умиления: «*С наступающим Вас опьянением*», «*Пиво с утра не только вредно, но и полезно*», «*Чем больше выпьет комсомолец, тем меньше выпьет хулиган*»), представления об интимной жизни примитивно-вульгарны («*Как много девушек хороших, но тянет что-то на плохих*», «*Скажи-ка тётя, ты не даром*», «*В женский монастырь со своим усталым не ходят*», «*На позиции – девушка, а с позиции – мать*»), а деньги становятся мерой всех вещей («*Мы придём к Вам на выручку, если есть выручка*», «*Таможня берёт добро*», «*Не суй взнос не в своё дело*», «*Обналичим Нобелевскую премию*») и т. д. Кроме того, при ближайшем рассмотрении некоторые «приколы» обнаруживают трансляцию и вовсе асоциальных, девиантных ценностей. При рассмотрении имплицатуры фразы «*Серп и молот – коси и забивай*» Т. Гридина указывает на грубально-буквалистское её прочтение и, как следствие, возникновение «коннотаций, отсылающих к ситуации политических репрессий («выкашивания» и «подавления» так называемых врагов народа)» [Гридина, 2011, с. 49]. Добавим, однако, что описанная имплицатура может не являться единственной; многозначность использованных сленговых лексических единиц (глаголов *косить* и *забивать*) открывает как минимум ещё два варианта прочтения этого «прикола». Во-первых, согласно определению *Словаря русского арго*, *косить* (также *откосить*) – значит уклоняться от службы в армии или иной ответственности, а *забить* (*забивать*) – значит «не обращать внимания, игнорировать, относиться равнодушно» или «сменить тему, забыть». Таким образом, считывается нигилистический призыв к избеганию установленных социальных практик, постулируется «легкое» к ним отношение, предлагается возможность оспаривания их всеобщей и обязательной природы. Во-вторых, лексема *косить* и *забивать* потенциальны референциями к социолекту наркозависимых лиц: в этом случае подразумеваются, но замалчиваются существительные, входящие в состав устойчивых глагольных фраз: «*косить траву (травку)*» – т. е. собирать или приобретать запрещённые вещества, запастись ими, и «*забить косяк*» – т. е. приготовить сигарету с наркотическим веществом соответственно. Мотивирующая семантика этого высказывания, таким образом, фактически осуществляет движение окна дискурса, призывая приобщиться к соответствующей субкультуре – сколь деструктивной, столь и противозаконной.

В-третьих, что особенно актуально для представителей молодого поколения, парафразы советских ПКЗ способны задавать модель искажённой очередности присвоения артефактов культуры: знакомство с ехидной репликой, которая всегда «перчёнее», пикантнее пародируемого образца, может предшествовать знакомству с оригиналом, в силу чего именно реплика начинает восприниматься *аутентичнее, первичнее и убедительнее*, а оригинал *смотрится* выцветшей копией. В качестве примера приведём текст сингла «Аккорды» (Rakhim&Konfuz, 2022): *«Твои глаза меня манят назад / Но к тебе не вернусь, слышишь, прости, прощай (Прощай) / Кто любил, уж тот любить не сможет / Кто сгорел, того не подожжешь»*. Рассчитанная на молодёжную аудиторию (сингл, например, находится в ротации «первого танцевального радио» – Record Dance radio. – В. М.), композиция прибегает к приёму постмодерной полицитатности, заимствуя легендарные есенинские строки, однако вопрос об осведомлённости потенциальных реципиентов о первоисточнике остаётся открытым; и в том случае, если слушатели не знакомы с творчеством поэта, то строки утрачивают ассоциированность с высокой культурой, оказываясь в одном ряду с предшествующим текстом сингла, относящегося к совершенно иному регистру: *«Я сменяю аккорды все на минор / На тебе сейчас Барберри и Диор / Но без меня тебе это не идёт / Все говорили, поболит и пройдёт...»* («Аккорды»; Rakhim&Konfuz, 2022).

Итак, на основании проделанного анализа нам удалось установить, что причины деконструкции советского, наблюдавшейся в постсоветском медийном дискурсе, обусловлены, с одной стороны, собственными морфологическими свойствами советской культуры, а именно присущими ей избыточной лозунговостью и идиоматичностью, дидактическими интонациями, столкновением торжественных речевых клише с «низкими» жанрами повседневности, герметичностью культурного кода. С другой стороны, заметно и влияние социально-психологических факторов – от работы с общественным сознанием до эффекта «разжавшейся пружины», упоения гласностью и свободой слова.

Кроме того, мы пришли к выводу, что профанирование советского посредством искажения ПКЗ имеет социокультурные последствия, значительно выходящие за рамки смеховой культуры и языковой игры: парафразы прецедентов способны создавать альтернативную «кавер-версию» прошлого, иначе расставлять смысловые акценты, транслировать специфические ценности, «встраиваться» в алгоритмы освоения гуманитарной культуры. Вышучивание советского в парафразах ПКЗ, таким образом, становится ещё одним сюжетом, приближающим исследователя к пониманию модели рецепции советского современным общественным сознанием.

Список литературы

- Айданова Ю. Ф. Деконструкция советского мифа в постмодернистском тексте // Актуальные вопросы современной науки. 2008. № 2. С. 220–226.
- Гридина Т. А. Приколы «Русского радио»: новые жанры медиадискурса в свете традиционной смеховой культуры // Политическая лингвистика. 2014. № 2 (48). С. 34–38.

- Гридина Т. А. Языковая игра в жанре политического прикола // Политическая лингвистика. 2011. № 4 (38). С. 47–51.
- Журкова Д. А. Телепроект «Старые песни о главном». Особенности интерпретации лейтмотивов советской культуры // Вестн. слав. культур. 2021. Т. 59. С. 33–47.
- Ильф И. А., Петров Е. П. Золотой телёнок. Роман. Сыктывкар: Коми книж. изд-во, 1973.
- Ильф И., Петров Е. Собрание сочинений: в 5 т. М.: Гослитиздат, 1961. Т. 1. Двенадцать стульев. Светлая личность. 1001 день, или новая Шахерезада.
- Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. М.: Эксмо, 2005.
- Липицкая В. М. «Время даёт горестный бал»: репрезентации социального контекста в российской популярной песне 1990-х г. // Гуманит. исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2022. № 3 (61). С. 64–73.
- Маяковский В. В. Избранные произведения. В 2 т. М.: Худож. лит., 1955. Т. 1. Стихотворения. Моё открытие Америки.
- Насрtdинова В. М. Транскрибирование контекстов современности в семантическом поле новогодней открытки // Гуманит. исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 2(44). С. 77–88.
- Немченко Л. М. Стратегии работы с ностальгией по советскому в современном российском кинематографе // Филологический класс. 2016. №1 (43). С. 108–112.
- Пикулева Ю. Б. О степени прецедентности советских культурных знаков в современной рекламе // Советское прошлое и культура настоящего: монография: в 2 т. Т. 2 / Отв. ред. Н.А. Купина, О.А. Михайлова. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2009. С. 148–161.
- Савчук В. В. Чистая критика Вальтера Беньямина // Герменевтика и деконструкция / Под. ред. В. Штегмайер, Х. Франка, Б.В. Маркова. СПб.: СПбГУ, 1999. С. 105–135.
- Толстой А. Н. Собрание сочинений: в 10 т. М.: Гослитиздат, 1958. Т. 4. Повести и рассказы 1925 – 1928. Гиперболоид инженера Гарина.
- Фишман Л. Г. Эпоха добродетелей: после советской морали. М.: Нов. лит. обзор., 2022.
- Щемелева Е. Ю. Фрейм бытового совета в советской лингвокультуре // Филос. науки. Вопр. теории и практики. 2014. № 5 (2). С. 216–219.
- Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Нов. лит. обзор., 2014.

References

- Ajdanova Yu. F. Deconstruction of the Soviet myth in a postmodern text // Relevant Issues of Modern Science. 2008. No. 2. P. 220–226. (in Russian)
- Fishman L. G. The era of virtues: after Soviet morality. Moscow: Nov. lit. obozr., 2022 (in Russian)

- Gridina T. A.** Jokes of “Russkoye radio”: new genres of media discourse in the light of traditional humorous culture // *Political Linguistics*. 2014. No. (48). P. 34–38. (in Russian)
- Gridina T. A.** Word game in the genre of political joke // *Political Linguistics*. 2011. No. 4 (38). P. 47–51. (in Russian)
- Ильф И., Петров Е.** The golden calf. Novel. Syktyvkar: Komi knish. izd-vo, 1973 (in Russian)
- Ильф И., Петров Е.** Collected works: In 5 volumes. M.: Goslitizdat, 1961. Vol. 1. The twelve Chairs. Bright personality. 1001 days, or the new Scheherazade. (in Russian)
- Kara-Murza S. G.** Manipulation of consciousness. M.: Eksmo, 2005 (in Russian)
- Lipitskaya V. M.** “Sorrowful ball of the epoch”: representations of social context in the Russian popular music of the 1990s // *Humanities Research in the Russian Far East*. 2022. No. 3 (61). P. 64–73. (in Russian)
- Mayakovskij V. V.** Selected works: In 2 vol. M.: hudozh. lit., 1955. Vol. 1. Poems. My discovery of America. (in Russian)
- Nasrtdinova V. M.** Transcription of contemporaneity contexts within the semantic field of new Year postcard // *Humanities Research in the Russian Far East*. 2018. No. 2 (44). P. 77–88. (in Russian)
- Nemchenko L. M.** Strategies of work with nostalgia for the Soviet in contemporary Russian cinema // *Philological Class*. 2016. No. 1(43). P. 108–112. (in Russian)
- Pikuleva Yu. B.** With respect to the degree of precedence of Soviet cultural signs in modern advertising // *Soviet past and culture of the present: In 2 vol. / Ed. by N.A. Kupina, O.A. Mihajlova. Ekaterinburg: Izd-vo Ural. gos. un-ta, 2009. Vol. 2. P. 148–161. (in Russian)*
- Savchuk V. V.** Pure criticism of Walter Benjami // *Hermeneutics and deconstruction*. Ed. by V. Shtegmayer, H. Frank, B.V. Markova. SPb.: Izd-vo Sankt-Petersburg gos. un-ta, 1999. P. 105–135 (in Russian).
- Shchemeleva E. Yu.** The frame of household advice in the Soviet linguoculture // *Philological Sciences. Issues of theory and practice*. 2014. No. 5. Vol. 2. P. 216–219 (in Russian)
- Tolstoj A. N.** Collected works: In 10 volumes. M.: Goslitizdat, 1958. Vol. 4. Novels and stories 1925–1928. Hyperboloid of engineer Garin. (in Russian)
- Yurchak A.** Everything Was Forever, Until It Was No More: The last Soviet generation. M.: Nov. lit. obozr., 2014 (in Russian)
- Zhurkova D. A.** “Old songs about the main things” TV project. Interpretation of the Soviet culture’s leitmotifs // *Bulletin of Slavic Cultures*. 2021. Vol. 59. P. 33–47. (in Russian)

Информация об авторе

Валентина Михайловна Липицкая, кандидат философских наук, доцент
доцент кафедры иностранных языков, Казанское высшее танковое командное ордена Жукова Краснознамённое училище

Information about the author

Valentine M. Lipitskaya, Candidate of Sciences (Philosophy), Docent,
Associate professor of Foreign Languages Department, Kazan Higher Tank
Command Order of Zhukov Red Banner School

*Статья поступила в редколлегию 13.02.2023;
одобрена после рецензирования 26.05.2023; принята к публикации 30.05.2023*

*The article was submitted 13.02.2023;
approved after reviewing 26.05.2023; accepted for publication 30.05.2023*

Научная статья

УДК 1 (091)

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-104-112

Анаксимандр и его «апейрон»

Евгений Анатольевич Игнатенко

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

Ignatenko.ewgen@yandex.ru

Аннотация

Произведена реконструкция учения Анаксимандра о первоначале мира на основе анализа его практических попыток смоделировать некоторые природные явления и изобрести устройства или научные приборы, объясняющие и предсказывающие некоторые метеорологические события. Согласно Анаксимандру, Земля покоится в равновесии не только по причине ее нахождения в центре Вселенной, но и потому, что ее «поддерживает» «оболочка» из «ἀήρ». При этом в процессе образования мира вследствие вечного кругового движения из смеси горячего и холодного, составляющей противоречивую сущность «апейрона», выделились «ἀήρ» и «αἰθήρ». Пары противоположностей: горячее и холодное; влажное и сухое – то, что можно было бы назвать энергетической составляющей материального начала. Благодаря вечному необратимому циклическому процессу взаимодействия указанных пар противоположностей происходит постоянное обновление в природе. «Апейрон», в соответствии с имманентно ему присущему свойству законосообразности мировых процессов, в нем происходящих, безличной силе и неизбежной неотвратимости за ее нарушение, обеспечивает справедливый баланс сил во Вселенной в целом.

Ключевые слова

Анаксимандр, первоначало, практика, изобретения, метеорология, Земля, «ἀήρ», «αἰθήρ», вечность, движение, горячее, холодное, влажное, сухое.

Для цитирования

Игнатенко Е. А. Анаксимандр и его «апейрон» // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 104–112. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-104-112

Anaximander and his «Apeiron»

Evgeny A. Ignatenko

Institute of Philosophy and Law, SB RAS
Novosibirsk, Russia

Ignatenko.ewgen@yandex.ru

© Игнатенко Е. А., 2023

Abstract

The reconstruction of the teachings of Anaximander about the origin of the world is based on the analysis of his practical attempts to simulate some natural phenomena and invent devices or scientific instruments that explain and predict some meteorological events. The Earth rests in equilibrium not only because of its location in the center of the Universe, but also because it is «supported» by the «shell» of «ἀήρ». In the formation of the world, due to the eternal circular motion, from a mixture of hot and cold stood out «ἀήρ» and «αἰθήρ», constituting the contradictory essence of «apeiron». Pairs of opposites: hot and cold; wet and dry – the energy component of the material principle. Due to the eternal irreversible fatal cyclic process of interaction of these pairs of opposites there is a constant renewal in nature. «Apeiron» in accordance with the immanently inherent property of purposive authority of the law of global processes taking place in it, a fatal impersonal force and unavoidable response for its violation, provides a just balance of forces in the Universe as a whole.

Keywords

Anaximander, initial, practice, inventions, meteorology, Earth, «ἀήρ», «αἰθήρ», eternity, movement, hot, cold, wet, dry

For citation

Ignatenko E.A. Anaximander and his «Apeiron». *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 104–112. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-104-112

С именем Анаксимандра исследователи античной философии в основном связывают его понятие «апейрона», или «беспредельного» («бесконечного»). По нашему мнению, основная суть понимания роли «беспредельного» в учении Анаксимандра состоит в ответе на два вопроса: 1) из чего все вещи и тела мира состоят; 2) из каких элементов (первоэлемента) эти самые вещи и тела выделились или произошли, организовав и упорядочив землю, небеса и весь космос. Для античного мыслителя космос представлялся в образе прекрасно обустроенного и гармонично функционирующего механизма или организма. А механизм или организм состоит из множества устройств или органов. Поэтому важно именно такое уточненное формулирование проблемы понимания и интерпретации «апейрона»: каковы были причины, по мнению Анаксимандра, возникновения множества вещей, объединенных единым мироустройством и миропорядком?

В данном исследовании для наших целей достаточно будет напомнить читателям, что критикой интерпретации тех или иных сохранившихся отрывков из учения Анаксимандра неоднократно занимались и филологи, и философы, и историки. Самый большой объем указанного критического материала относительно доксографии Анаксимандра, по нашему мнению, содержится в работе Чарльза Кана «Анаксимандр и основания греческой космологии» [Kahn, 1960]. В дальнейшем мы будем опираться наряду с известными собраниями фрагментов досократиков также и на эту работу.

Исследователи творчества Анаксимандра, рассматривая фрагменты доксографов, относящиеся к его философии, обращали внимание на метеорологическую и астрономическую составляющие изысканий ученика Фалеса. С этими составляющими, по нашему мнению, связана направленность усилий Анаксимандра на выявление и космологических причин образования мира, и причин, вызывающих в нем атмосферные явления. Данные усилия великого милетца, безусловно, свидетельствуют о том, что его внимание было обращено на поиск при-

чин и анализ явлений и катаклизмов, происходящих в природе (например, града, дождя, молнии, грома, землетрясения и т.д.), событий, регулярно повторяющихся в мире, окружающем грека, и за его пределами, в небесной сфере (например, смены времен года, лунных циклов и т.д.).

Для того чтобы рассмотреть всесторонне поставленные в начале статьи вопросы, необходимо остановиться еще на одной проблеме, касающейся космологической составляющей учения милетца. Это – проблема нахождения Земли в центре Вселенной, согласно учению Анаксимандра. Современные исследователи, ориентируясь на рациональную интерпретацию древнегреческих учений, выявили в учении Анаксимандра истоки теории, обозначенной Аристотелем. Эти истоки указанные ученые обозначили через так называемый «принцип достаточного обоснования» [Algra, 2006, p. 55; Kahn, 1960, p. 77; McKirahan, 2010, p. 47; Shofield, 1997, p. 46; Hankinson, 1998, p. 14; Barnes, 2005, p. 18]. Земля остается в равновесном состоянии, потому что у нее нет достаточной причины двигаться в ту или другую сторону. Нам представляется, что Аристотель сформулировал проблему равновесного состояния Земли в учении Анаксимандра, исходя из собственных научных задач. Так, он пишет: «есть и такие, кто полагает, что Земля покоится вследствие “равновесия”... как, например, среди старинных [философов] Анаксимандр. По их мнению, тому, что помещено в центре и равно удалено от всех крайних точек, ничуть не более надлежит двигаться вверх, нежели вниз, или же в боковые стороны. Но одновременно двигаться в противоположных направлениях невозможно, поэтому оно по необходимости должно покоиться» [Аристотель, 1981, с. 334]. По нашему мнению, Аристотель, не исследовав все причины равновесного состояния Земли в концепции ученика Фалеса, заменил их попыткой оценить это самое равновесное состояние только с позиции самого тела, покоящегося вследствие «разумного логичного» предположения о невозможности двигаться одновременно в разных направлениях. Так, и М. Шофилд полагает, что у Аристотеля «ничего не сказано о том, какого класса причина может быть принята в расчет как достаточная причина» [Shofield, 1997, p. 48]. И тем не менее, Аристотель указал существенную в миропонимании Анаксимандра причину неподвижности Земли. В другой части своей «Физики», исследуя пребывание тела в покое, Аристотель отмечает собственное представление о причине неподвижности Земли и нахождения ее в центре: «Земля не перемещается... и не потому она пребывает в центре, что нет другого места, куда она могла бы переместиться, а потому, что она такова по своей природе. И однако позволительно сказать также, что она поддерживает сама себя» [Аристотель, 1981, с. 116]. Таким образом, данное воззрение самого Аристотеля относительно равновесного состояния Земли весьма близко к позиции Анаксимандра о ее положении во Вселенной.

Ч. Каном охарактеризована постановка проблемы равновесного состояния Земли как наиболее важная часть сведений, достигнутых «развитием научной мысли Милета в 6 столетии до н.э.» [Kahn, 1960, p. 76]. Нам представляется, что в данной концепции Анаксимандра имеется налицо связь между взглядами последнего и воззрениями Фалеса о земле, покоящейся на воде. Но если элемент «вода» – основной компонент всего имеющегося в мире: и живых существ, и кругооборота веществ в природе, и к тому же поддерживает саму землю, то почему

бы ей не стать «основным материалом» «апейрона», учитывая ее безграничность, которую постулировал в своей основополагающей доктрине Фалес, наставник Анаксимандра? И вытекающий из постановки указанной проблематики вопрос состоит в следующем: не обусловлен ли поиск им начал всех вещей решением сугубо практических задач по предсказанию, к примеру, землетрясений или определением формы Земли?

Александр Афродисийский считал, что Анаксимандр «полагал началом природы, среднюю между воздухом и огнем или между воздухом и водой» [Лебедев, 1989, с. 120]. Такое же мнение о природе «апейрона» в учении Анаксимандра высказывали Фемистий, Асклепий, Тидеман, Буле, Круг, Марбах, Гайм, Керн, Лютце, А. Галич, М. Каринский, С. Трубецкой, Нойгойзер и другие. Дж. Бэрнетом более адекватным при решении проблемы возникновения мира в учении Анаксимандра представляется указание места «беспредельного» – «средним между элементами» [Burnet, 2005, p. 58]. В связи с этим данный автор отвергает понимание «апейрона» как «пространственно неопределенного» или «качественно неопределенного», которого придерживались Феофраст, Цицерон, Гален, Секст Эмпирик, Диоген Лаэртский, Порфирий, Евсевий, Феодорит, Бруккер, Виндельбанд, Форлендер, Целлер, А. Маковельский, Г. Кирк и Дж. Райвен [Kirk, Raven, 1957, p. 109] и другие. Р. Маккирахан считал, что «апейрон» – «неопределенный вид материала» [McKirahan, 2010, p. 34]. У. Гатри полагал, что в теории Анаксимандра о возникновении космоса «апейрон» представляет смесь всех потенциальных веществ, из которой и происходят, и состоят тела. Так, в частности, У. Гатри писал о сути первоначальной субстанции Анаксимандра следующее: «она должна содержать в себе... свойства всех будущих противоположностей, которые должны были в свое время “выделиться” из нее» [Гатри, 2015, с. 197]. Такая же точка зрения на природу «беспредельного» у Анаксимандра присутствовала в комментариях Августина, Ириния, Риттера, Бюнгена, Тейхмюллера, Ор, Новицкого, С. Гогоцкого и других.

В целях поддержки и дополнения аргументации позиций Дж. Бэрнета и Р. Маккирахана о «среднем между элементами» (либо о неопределенного вида материале), нам представляется значимым выдвинуть следующее предположение: в концепции Анаксимандра об «ἀρχή» наличествуют характеристики конкретного материального субстрата, составляющего это самое «ἀρχή» или «ἄπειρον». И это обусловлено усилиями Анаксимандра по изучению окружающей его действительности: природы, общества, да и самого человека. Ведь первые философы-фюзиологи¹ были не просто учеными, но и крупными общественными деятелями в современном понимании этого словосочетания. Примером этому служит сообщение Элиана: «Анаксимандр предводительствовал апойкией [колониальной экспедицией] из Милета в Аполлонию» [Лебедев, 1989, с. 116]. И ему не были чужды запросы общества относительно улучшения жизни и благоустройства полиса. Таким запросом со стороны общества могла быть нужда в предсказании землетрясений. Каким образом Анаксимандр изучал данное природное явление, нам неизвестно (возможно, научившись у вавилонян или халдеев), но, согласно Цицерону, он «предостерег лакедемонян... так как надвигалось землетрясение – то самое, когда весь город обратился в развалины» [Там же].

¹ От слова «φύσις» – природа.

По нашему мнению, все эти факты свидетельствуют об одной важной вещи. Анаксимандр, как и его предшественник Фалес, начал рассуждать о природе, опираясь на тот опыт естествоиспытателя, который им был уже накоплен. Так, Симпликий, ссылаясь на слова Аристотеля о Фалесе и его единомышленниках, пишет: «они полагали, что начало – вода, причем на это их навело чувственное восприятие» [Лебедев, 1989, с. 110]. И это чувственное восприятие сподвигло Анаксимандра в качестве первоначала всего признать то самое «бесконечное и беспредельное». Суть же в том, что это «беспредельное», или «апейрон», невозможно воспринять и познать в целом. А вот отдельные проявления этого «апейрона» доступны постижению. И эти проявления «апейрона» в космологии Анаксимандра, по нашему мнению, проясняют ситуацию вокруг того, что же обусловило возникновение космоса. Так, Псевдо-Плутарх полагал, что в учении Анаксимандра «при возникновении космоса из вечного [?] выделилось нечто чреватое (γόνιμον) горячим и холодным, а затем сфера пламени обросла вокруг окружающего Землю аэра [холодного тумана]» [Там же, с. 118]. Так что же такое «ἀήρ»? Одно из значений данного слова – «низший слой воздуха» [Вейсман, 1991, с. 24]. Если слой «низший», то, следовательно, можно будет предположить, что «ἀήρ» будет переходным состоянием от того элемента, который взаимодействует с «воздухом» как первоэлементом: либо от «воды», либо от «огня».

Невозможно утверждать конкретно, каков «аэр» в своем обычном состоянии. Но то, что «аэр» обволакивает Землю и тем самым «поддерживает» ее в обычном состоянии, нам представляется очень важным в выдвижении гипотезы о том, что Земля не только покоится вследствие того, что ей нет смысла двигаться в ту сторону более, чем в эту, но и потому, что ее просто «удерживает» «аэр», как «вода» Фалеса «поддерживает» Землю. Так, М. Шофилд приводит следующую выдержку из сочинений Александра Афродисийского: «Но Анаксимандр придерживался мнения о положении земли вследствие воздуха, что поддерживает ее, и вследствие равновесного состояния» [Shofield, 1997, p. 49]. Ч. Кан считает, что «Αήρ... газообразная субстанция определенной консистенции, подобная дыму или пару» [Kahn, 1960, p. 101]. Кроме того, указанный автор находит в процессах выпадения осадков, в виде дождя, и образования ветров, как противоположных продуктов «аэра», в некоей виртуальной форме «теорию однородной атмосферы как ἀήρ» неясно, что чему подчиняется [Там же]. Этот же автор полагает, что «концепция ««ἀήρ» как элемента метеорологического процесса выведена... из наблюдаемых фактов испарения» [Там же, p. 153]. Аристотель же, определяя суть «апейрона», писал о том, что «противоположности... выделяются из него, как говорит Анаксимандр» [Лебедев, 1989, с. 121]. Аристотелем это было обосновано тем, что в природе, помимо известных элементов (воздуха, воды, огня и земли) никакого другого чувственного тела не наблюдается и поэтому «апейрон» не тело: «Такого тела существовать не может... потому что помимо так называемых элементов никакого другого подобного чувственного тела нет» [Там же, с. 122]. Но это – позиция Аристотеля. Симпликий же воспринимал «апейрон» Анаксимандра как «τὸ ἄπειρον σῶμα... τὸ παρά τὰ στοιχεῖα» 2 [Kranz, 2004, p. 15]. Симпликий также при-

² Почти бесконечное элементное тело.

водил следующее мнение Порфирия о первоначале: «Анаксимандр полагает субстратное... тело бесконечным [ἄπειρον]». [Лебедев, 1989, с. 121].

В целях обоснования равновесного положения Земли в космологии Анаксимандра нами выдвигается следующая реконструкция рассматриваемой составляющей его учения. Земля находится в центре Вселенной, в том числе и вследствие того, что ее (как и Солнце, и Луну, при возникновении) опоясывает и «поддерживает» «φλοῖος»³...мирового зародыша» [Лебедев, 1989, с. 128]. Так вот, эта «оболочка» состоит из так называемых «свалывшихся» частиц «аэра», то есть низшего слоя воздуха. Эти частицы вследствие вихревого вечного движения (Д. Ферли объясняет это движение на основе «теории центрофокусного движения» [Furley, 1987, p. 25]) при возникновении космоса обволокли и планеты, и звезды, состоящие из небесного огня. Указанная «оболочка» и закрывает от нас и Луну, и Солнце во время затмений. Одним из аргументов в пользу того, что Земля находится в состоянии равновесия из-за воздействия «аэра», являются слова Ахилла: «Земля... испытывая толчки воздуха со всех сторон, пребывает неподвижно в состоянии равновесия в центре [космоса]» [Там же]. Данный «аэр» постоянно движется. Вот слова Сенеки о состоянии «аэра»: «Колебательное движение аэра... который то растягивается, то [снова] собирается в кучу» [Там же, с. 125]. Когда «аэр» собирается в кучу, то он напоминает, по мнению Аэция, «κύκλον... παραπλήσιον... ἀψίδα ἔχοντα κοίλην (круг... подобный... имеющему выпуклый обод, дугу, свод) [Kranz, 2004, p. 16]. Вот этот свод из «аэра» и «удерживает» Землю. А «аэр», или «субстанция небосвода», впервые выделился «из смеси горячего и холодного» [Лебедев, 1989, с. 124]. Все эти воззрения Анаксимандра, по нашему мнению, основываются на эмпирических данных, добытых и проанализированных милетцем из наблюдений небесного свода и движения планет и звезд: «Анаксимандр: [светила] движимы кругами и сферами, к которым каждое [светило] прикреплено» [Там же, с. 124]. И показателем того, что свои рассуждения о положении Земли среди других планет Анаксимандр начал с обобщения собранных опытных данных, является то, что он, по мнению Диогена Лаэртского, «соорудил небесный глобус» [Диоген Лаэртский, 2010, с. 93] и, кроме того, согласно Плинию, он «наклонение зодиака первым постиг» [Лебедев, 1989, с. 116]. Л.Я. Жмудь отмечает в этой связи, что «греческие астрономы, начиная с Анаксимандра, были в первую очередь озабочены созданием геометрической модели, которая отражала бы истинную структуру космоса и объясняла видимое движение небесных тел» [Жмудь, 1990, с. 110].

Так какова же природа «аэра»? По нашему мнению, те противоположности, которые наличествуют в «апейроне», обладают определенной силой каждая, позволяющей им воздействовать друг на друга, взаимно уравновешивая их влияние. Сравнивая процесс обволакивания вещества «аэра» вокруг планет с опоясыванием коры вокруг сердцевины дерева, М. Шофилд считает, что эту теорию следует воспринимать «в терминах взаимодействия элементарных физических сил» [Shofield, 1997, p. 50]. Даже можно признать, что эти самые пары противоположностей холодное – горячее, влажное – сухое и есть полярные элементы «беспредельного», или «апейрона» (начала, из которых «вещам рождение, в те же самые к чему

³ Оболочка.

относится? и гибель совершается по роковой задолженности, ибо они выплачивают друг другу правозаконное возмещение неправды [= ущерба] в назначенный срок времени» [Лебедев, 1989, с. 127]). Ч. Кан полагает, что в теории Анаксимандра «не только горячее и холодное, но и другие крупные пары противоположностей должны еще фигурировать среди них, объединяясь в видимые тела натурального мира» [Kahn, 1960, p. 163]. Для демонстрации взаимного влияния друг на друга противоположных сил, имеющихся в «апейроне», представляется интересным сравнить сущности «ἀήρ» и «αἰθήρ». Если «ἀήρ» составляет нижние слои воздуха, то «αἰθήρ» – верхние. Если «ἀήρ» можно ассоциировать с темным мраком, то «αἰθήρ» с сияющим светом. Характеризуя «ἀήρ», Ч. Кан пишет: «Это слово... означало изначально не место или специфическую субстанцию, но силу или состояние» [Там же, p. 143]. То же самое можно сказать и об «αἰθήρ». Что бы мы ни предполагали относительно сущности ««ἀήρ», «αἰθήρ» и «апейрона», безусловно, их сущность материальная и сложная. Так, и Аристотель считает, что «именно это [потенциально сущее, актуально не-сущее] означает «смесь»... Анаксимандра... Так, что они, пожалуй, толковали о материи» [Лебедев, 1989, с. 116].

Подводя итоги можно констатировать следующее.

1. Для Анаксимандра важными являются процессы наблюдения и моделирования, выразившиеся в изобретении гномона, часов, небесного глобуса. Это направило его мысль на обобщение результатов собственных научных поисков и на рациональные рассуждения о положении Земли во Вселенной не как обусловленного волей богов, а исключительно заданного природой вечных космологических процессов.

2. Равновесное положение Земли, по Анаксимандру, определено и естественным состоянием ее в центре Вселенной, и природой особых космологических процессов, обуславливающих возникновение и, возможно, гибель планет, звезд и самой Земли, но в рамках вечного движения противоборствующих сил и стихий.

3. Сущностью «архэ» или «апейрона», согласно реконструированной нами космогонической части учения Анаксимандра, является вечное движение и борьба противоположных качественных сил внутри «апейрона», а также выделение из него парных конструкций – противоположных по своим качественным характеристикам субстратов.

4. «Апейрон» материален, неоднороден и состоит из начал, которые, согласно вечному закону природы, собственным постоянным циклическим кругооборотом и взаимодействием обеспечивают справедливый и разумный характер мировых процессов во Вселенной, ибо и гибель миров происходит в те же начала, из которых и образовалась Вселенная в целом.

Список литературы

- Algra K.** The Beginnings of Cosmology // The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy. Ed. by A.A. Long. Cambridge University Press, 2006. P. 45–65.
Barnes J. The Presocratic Philosophers. Taylor & Francis Group, 2005.
Burnet J. Early Greek Philosophy. London: Adamant, 2005.

- Furley D.** The Greek Cosmologists. Cambridge University Press, 1987. Vol. 1. The Formation of the Atomic Theory and Its Earliest Critics.
- Hankinson R.** Cause and Explanation in Ancient Greek Thought. Clarendon Press, 1998.
- Kahn C.** Anaximander and the Origins of Greek Cosmology. Columbia University Press, 1960.
- Kirk G., Raven J.** The Presocratic Philosophers. Cambridge University Press, 1957.
- Kranz W.** (Ed.). The Fragments of the Pre-Socratics by Hermann Diels. Hildesheim: Weidmann, 2004.
- McKirahan R.** Philosophy Before Socrates. Cambridge: Hackett Publishing Company, 2010.
- Shofield M.** From the Beginning to Plato // Routledge History of Philosophy. Vol. 1. Ed. by C. Taylor. Taylor & Francis Group, 1997. P. 42–79.
- Аристотель.** Сочинения: в 4 т. М.: Мысль, 1981. Т. 3.
- Вейсман А. Д.** (Ред.). Греческо-русский словарь. М.: Наука, 1991.
- Гатри У.** История греческой философии. СПб.: Владимир Даль, 2015. Т. 1. Ранние досократики и пифагорейцы.
- Диоген Лаэртский.** О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М.: Астрель, 2010.
- Жмудь Л. Я.** Пифагор и его школа. Л.: Наука, 1990.
- Лебедев А. В.** (Ред.). Фрагменты ранних греческих философов. М.: Наука, 1989. Ч. 1. От эпических космогоний до возникновения атомистики.

References

- Algra K.** The Beginnings of Cosmology. // The Cambridge Companion to Early Greek Philosophy. Ed. by A.A. Long. Cambridge University Press, 2006. P. 45–65.
- Aristotle.** Works: in 4 vols. М.: Mysl', 1981. V. 3. (in Russian)
- Barnes J.** The Presocratic Philosophers. Taylor & Francis Group, 2005.
- Burnet J.** Early Greek Philosophy. London: Adamant, 2005.
- Diogenes Laertes.** Lives, Doctrines and Sayings of the Famous Philosophers. М.: Astrel', 2010. (in Russian)
- Furley D.** The Greek Cosmologists. Cambridge University Press, 1987. Vol. 1. The Formation of the Atomic Theory and Its Earliest Critics.
- Gatri W.** History of Greek Philosophy. SPb: Vladimir Dal', 2015. Vol. 1. Presocratics and Pythagorians. (in Russian)
- Hankinson R.** Cause and Explanation in Ancient Greek Thought. Clarendon Press, 1998.
- Kahn C.** Anaximander and the Origins of Greek Cosmology. Columbia University Press, 1960.
- Kirk G., Raven J.** The Presocratic Philosophers. Cambridge University Press, 1957.
- Kranz W.** (Ed.). The Fragments of the Pre-Socratics by Hermann Diels. Hildesheim: Weidmann, 2004.
- Lebedev A. V.** (Ed.). Fragments of Early Greek Philosophers. М.: Nauka, 1989. P. 1. From Epic Cosmogonies to the Emergence of Atomism. (in Russian)

McKirahan R. Philosophy Before Socrates. Cambridge: Hackett Publishing Company, 2010.

Shofield M. From the Beginning to Plato // Routledge History of Philosophy. Ed. by C. Taylor. Taylor & Francis Group, 1997. Vol. 1. P. 42–79.

Weismann A. D. (Ed.). Early Greek – Russian Dictionary. M.: Nauka, 1991. (in Russian)

Zhmud L. Ya. Pythagoras and His School. Leningrad: Nauka, 1990. (in Russian)

Сведения об авторе

Евгений Анатольевич Игнатенко, аспирант Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Information about the Author

Evgeny A. Ignatenko, PhD Student Institute of Philosophy and Law Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

*Статья поступила в редколлегию 11.10.2022;
одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 30.05.2023*

*The article was submitted 11.10.2022;
approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 30.05.2023*

Научная статья

УДК 1(091):130.3+141.22+141.32

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-113-132

Философия Ж. Валя как самостоятельное явление и как интерпретация философии Гегеля

Олег Александрович Лунев-Коробский

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

sickrrett@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7685-020X>

Аннотация

Статья посвящена осмыслению восприятия философии Ж. Валя в России. В центре внимания – понятие «несчастное сознание» «Феноменологии духа» Г. В. Ф. Гегеля и интерпретация данного понятия в философии Ж. Валя. Анализ русскоязычных исследований философии Ж. Валя позволяет выделить два основных направления работы с ней: в контексте «французского неогегельянства» и в контексте экзистенциализма. Показана необходимость пересмотра данных, закрепившихся представлений о его философии. В пользу этого сформулировано два аргумента: понятийный исодержательный. Согласно первому, ограничение философии Ж. Валя двумя вышеназванными контекстами сужает действительные горизонты его исследований. Согласно второму, в философии Ж. Валя «несчастное сознание» помимо трагически-религиозной интерпретации идей Гегеля содержит плюралистическую критику «монизма» Гегеля в составе собственного философского проекта «метафизического эмпиризма» Ж. Валя. Утверждается, что обращение ко всему корпусу работ Ж. Валя позволит создать более полное представление об истории французской философии XX века, в частности «французского неогегельянства» и франко-германских дискуссий касательно феноменологии и экзистенциализма.

Ключевые слова

Гегель, Жан Валь, «несчастное сознание», «Феноменология духа», «французское неогегельянство», экзистенциализм, «метафизический эмпиризм»

Для цитирования

Лунев-Коробский О. А. «Несчастье» философии Жана Валя // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 113–132. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-113-132

Philosophy of J. Wahl as an independent phenomenon and as an interpretation of Hegel's philosophy

Oleg A. Lunev-Korobskii

© Лунев-Коробский О. А., 2023

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
Novosibirsk, Russia

sickrett@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7685-020X>

Abstract

The article is aimed at comprehending the perception of J. Wahl's philosophy in Russia. The central role is assigned to the notion of "unhappy consciousness" in Hegel's "The Phenomenology of Spirit" and to the interpretation of this notion in J. Wahl's philosophy. The analysis of Russian-language studies dealing with his philosophy allows to outline two primary strands of engagement with it: within the framework of "French Neo-Hegelianism", and within the framework of existentialism. The need to renounce this established characteristic of his philosophy is shown. Two arguments are stated in favour of this, conceptual and substantial. As for the former, the restriction of J. Wahl's philosophy to the two aforementioned frameworks narrows the real horizons of his research. For the latter, the "unhappy consciousness" in J. Wahl's philosophy besides the tragic-religious interpretation of Hegel's ideas also contains pluralistic criticism of Hegel's "monism" as a part of J. Wahl's own philosophical project of "metaphysical empiricism". It is argued that treating the entire corpus of J. Wahl's writings will allow for a more thorough insight into the history of 20th century French philosophy, in particular "French Neo-Hegelianism" and the Franco-German debates concerning phenomenology and existentialism.

Keywords

Existentialism, French Hegelianism, Hegel, Jean Wahl, "The Phenomenology of Spirit", "unhappy consciousness", "metaphysical empiricism"

For citation

Lunev-Korobskii O. A. The "Unhappiness" of Jean Wahl's philosophy. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 113–132. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-113-132

*«Защитопанный чулок лучше,
чем разорванный»; не так с само-
сознанием¹.*

Жан Валь известен в русскоязычной литературе как автор интерпретации «Феноменологии духа» Гегеля и, соответственно, как один из представителей «французского неогегельянства». Основой понимания его философии выступает работа «Несчастное сознание в философии Гегеля». Она же – единственная из всего философского наследия Валь книга, переведённая на русский язык. Однако исследования последних лет, преимущественно на английском языке, показывают, что философия Валь представляет самостоятельную ценность, которая не ограничивается «французским неогегельянством».

Для определения особенностей восприятия философии Валь в России проведён анализ русскоязычных исследований и выделены два основных направления понимания его философии. В рамках *первого* направления философия Валь помещается в контекст «французского неогегельянства». В рамках *второго* направления его интерпретацию «несчастливого сознания» принято рассматривать в контексте основных тем экзистенциализма. Следует отметить, что большее внимание традиционно уделяется первому подходу: идеи Валь раскрываются через сравнение с другими представителями «французского неогегельянства»: Жаном Ипполитом, Александром Кожевом и Александром Койре.

¹ Гегель Г. В. Ф. Афоризмы // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. М., 1971. Т. 2. С. 548.

Однако обращение к работе Валя о «несчастном сознании» с учётом прочих его работ позволило сформулировать два аргумента, *понятийный* и *содержательный*, в пользу уточнения характеристики его философии. Для формулировки данных аргументов проведена реконструкция основных философских результатов его книги «Несчастное сознание в философии Гегеля» с учётом идей, которые представлены в других сочинениях Валя. В частности, предлагается новая для русскоязычной литературы характеристика восприятия философии Гегеля в работах Валя. В свою очередь, это позволяет пересмотреть место и роль понятия «несчастливого сознания» в философии Валя.

Восприятие философии Жана Валя в русскоязычной литературе

Книга Валя «Несчастное сознание в философии Гегеля» была впервые опубликована в 1929 году и выдержала четыре переиздания на французском языке². Вышедшая книга привлекла внимание, последовали отклики и рецензии³. В частности, на её публикацию отозвался в журнале «Путь» Николай Бердяев⁴. Однако философия Валя надолго остаётся без внимания русскоязычных исследователей. Впервые её содержательный анализ осуществлён полвека спустя, в монографии В. Н. Кузнецова. Второй работой, которая обращается к его философии, стала монография И. С. Куриловича, вышедшая в свет в 2019 г.

В первой работе В. Н. Кузнецов помещает философию Валя в контекст «французского неогегельянства» наряду с идеями Ипполита и Кожева⁵. Валь пред-

² Wahl J. *Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel*. Rieder, 1929; [Wahl, 1951]; Wahl J. *Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel*. Monfort, 1983; Wahl J. *Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel*. Livres Numériques Divers, 2015. На русский язык книга была переведена в 2006 году. «Комментарий к одному отрывку из “Феноменологии духа” Гегеля», который входит во вторую часть книги, переведён на английский язык и вошёл в собрание избранных сочинений Валя (см.: Wahl J. *Commentary on a Passage from Hegel's Phenomenology of Spirit* // Schrifft A. D., Moore I. A. (eds.) *Wahl J. Transcendence and the Concrete: Selected Writings*. Fordham University Press, 2017. P. 54–89). Другие его работы также неоднократно издавались на английском языке (см.: Wahl J. *The Pluralist Philosophies of England & America*. The Open Court Company, 1925; Wahl J. *The Philosopher's Way*. Oxford University Press, 1948; Wahl J. *A Short History of Existentialism*. Philosophical Library, 1949; Wahl J. *Human Existence and Transcendence*. University of Notre Dame Press, 2016 и др.). Также существуют переводы трудов Валя на испанский и итальянский языки (см.: Wahl J. *Tratado de metafísica*. Fondo de Cultura Economica, 1960; Wahl J. *La logica de Hegel como fenomenologia*. Editorial La Pleyade, 1973; Wahl J. *Verlo in concreto: Studi di filosofia contemporanea*. William James, Whitehead, Gabriel Marcel. Mimesis, 2019).

³ См.: Koyré A. *Jean Wahl. Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel* // *Revue Philosophique de la France et de l'Étranger*. 1930. Т. 110. P. 136–143; Loewenberg J. *Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel by Jean Wahl* // *The Philosophical Review*. 1931. Vol. 40. № 5. P. 500–501; Wenke H., Wahl J. *Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel* // *Société Française de Philosophie, Bulletin*. 1931. № 36. P. 341.

⁴ См.: Бердяев Н. А. *Jean Wahl. Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel* // *Путь*. 1929. № 17. С. 104–107.

⁵ В 1982 г. Кузнецов не включает в этот список Койре, потому что он в большей мере известен как философ науки (см.: Длугач Т. Б. Александр Койре и новая историография науки // *Вестник СПбГУ*. 2022. Философия и конфликтология. Т. 38. Вып. 1. С. 4–18; Дроздова Д. Н. Место Александра Койре в историографии науки XX в. // *История философии*. 2015. Т. 20. С. 253–273; Койре А. *Очерки истории философской мысли: О влиянии философских концепций на развитие научных теорий*. М., 1985; Койре А. *От замкнутого мира к бесконечной вселенной*. М., 2001; Койре А. *Этюды о Галилее*. М., 2022;

ставлен участником «влиятельного течения французской буржуазной философии» конца 1920-х – середины 1970-х годов [Кузнецов, 1982, с. 15]. Само течение связывается с «немецким (и, возможно, русским) неогегельянством, кьеркегоровским (а затем и хайдеггеровским) экзистенциализмом и гуссерлевской феноменологией» [Там же, с. 12]. Философия Валя обозначается как «трагическо-религиозная» версия «гегелизма» или «неогегельянства» [Там же, с. 18, 21, 50].

Во второй работе автор, И. С. Курилович, также рассматривает философию Валя как вариант «французского неогегельянства». Он выделяет общие черты философии Валя, Ипполита, Кожева и Койре: повышенный интерес к «Феноменологии духа» и «феноменологической философии Гуссерля и Хайдеггера», «увеличение значимости субъективности», «поиск нерациональных оснований» и «антропологизация» философии Гегеля⁶ [Курилович, 2019, с. 16, 19]. Всё вышечисленное, по мнению автора, свидетельствует о том, что «единство французского неогегельянства и перечисленных выше тенденций состоит в поиске мистико-интуитивных оснований опыта сознания в философии Гегеля» [Там же, с. 19].

На основе материала, изложенного как в первой, так и во второй работе по «французскому неогегельянству», сформировалось два направления понимания философии Валя: *первое* акцентирует его интерпретацию философии Гегеля, а *второе* – роль Валя во французском экзистенциализме.

В соответствии с первым направлением работа Валя «Несчастное сознание в философии Гегеля» определяется как специфическая интерпретация «Феноменологии духа» с акцентом на иррационализме и субъективизме. Её роль во «французском неогегельянстве» признаётся второстепенной: в качестве источника влияния, который привлёк внимание более значимых авторов (Ипполита и Кожева) к «Феноменологии духа» Гегеля. И они разработали уже более зрелые и ценные варианты обработки идей Гегеля⁷.

В рамках *второго* направления книга Валя о «несчастном сознании» рассматривается в контексте становления экзистенциализма во Франции. В связи с этим подчёркивается преемственность, идущая к нему главным образом от Кьеркегора⁸. Указание на эту преемственность с краткими характеристиками философского проекта Валя подразумевает признание его интерпретации вторичной, а его философии – не заслуживающей отдельного внимания⁹.

Кун Т. Структура научных революций. М., 2003. С. 14, 26. Впоследствии работы Руткевича, Куриловича и других продемонстрировали, что без Койре картина трансформаций французских прочтений философии Гегеля была бы не полной (см.: [Курилович, 2019. С. 15–16, 123–125]; Руткевич А. М. Немецкая философия во Франции: Койре о Гегеле // История философии. 2001. № 8. С. 3–28).

⁶ См. также: Быстров В. Ю. Французское неогегельянство и проблемы европейской интеграции // Россия в глобальном мире. 2016. № 8(31). С. 450.

⁷ Согласно общепринятому мнению, наиболее влиятельным «французским неогегельянцем» является Кожев (см., например: Adkins B. Hegel and French post-structuralism // Baur M. (ed.) G. W. F. Hegel: Key Concepts. Routledge, 2015. P. 222–223; [Курилович, 2019. С. 125, 171–173]).

⁸ При этом практически не упоминается роль Валя как популяризатора философии Кьеркегора и автора одного из первых исчерпывающих исследований по этой теме во Франции (см.: [Wahl, 1938]).

⁹ См.: Курилович И. С. Интерпретации «опыта сознания» во французском неогегельянстве. Статья первая. Жан Валь и Александр Койре // Вестник РГГУ. 2014. № 10(132). С. 29–30, 34–35.

В результате русскоязычное восприятие философии Валя определяется следующими характеристиками. *Во-первых*, Валь актуален именно в контексте «французского неогегельянства». Его интерпретация «Феноменологии духа» – это попытка по-новому, в свете идей Гуссерля и Хайдеггера, работать с наследием Гегеля. Иные работы Валя практически не рассматриваются. Содержательная роль Валя как философа, разрабатывающего собственные идеи, не детализируется. *Во-вторых*, интерпретация понятия «несчастливого сознания» позиционируется как ключевой результат философских исканий Валя и рассматривается в качестве вторичной и зависимой от идей других философов¹⁰. Важно обратить внимание на следующее: Валь как интерпретатор «Феноменологии духа» и Валь как представитель экзистенциализма не получают осмысления в качестве единого целого. Как следствие, Валь предстаёт фигурой второго порядка, а его идеи представляют интерес только для узкого круга исследователей «французского неогегельянства». Такая оценка во многом обусловлена отсутствием переводов на русский язык его трудов, с одной стороны. С другой, сложившееся восприятие философии Валя как вторичной и несамостоятельной, приводит к отсутствию интереса к его философии, и, следовательно, стремления переводить его работы.

Несчастное сознание в «Феноменологии духа»

Прежде чем обратиться к идеям Валя о «несчастном сознании» в свете иных его работ, целесообразно охарактеризовать содержание и роль этого понятия в работе Гегеля¹¹.

В «Феноменологии духа» раздел под названием «Несчастное сознание. (Благочестивый субъективизм)» [Das unglückliche Bewußtsein] располагается во втором разделе, «Самосознание» [Selbstbewußtsein], во второй части четвёртой главы, «Истина достоверности себя самого» [Die Wahrheit der Gewißheit seiner selbst], в последнем из трёх пунктов, объединённых заголовком «Свобода самосознания; стоицизм, скептицизм и несчастное сознание» [Freiheit des Selbstbewußtsein; Stoizismus, Skeptizismus, und das unglückliche Bewußtsein]. Этот раздел занимает незначительный объём книги¹², но расположен в важной части труда, структуру которого Гегель тщательно прорабатывал.

По Гегелю, стоицизм – это «свобода самосознания», сознание как свободная и чистая «мыслящая сущность»¹³ [Гегель, 2000, с. 105]. В то же время это – лишь

¹⁰ Акцентуация «несчастливого сознания» в философии Гегеля не является открытием интерпретации Валя, что, конечно же, известно самому Валью (см.: [Валь, 2006, с. 27]).

¹¹ Один из смысловых центров книги Валя посвящён последовательному комментированию фрагментов о «несчастном сознании» из «Феноменологии духа» (см.: [Валь, 2006, с. 188–243]).

¹² 1,8–2,4 % от всего объёма текста «Феноменологии духа» (в зависимости от различных изданий и переводов на английском, немецком, русском и французском языках).

¹³ «Это свобода самосознания [Freiheit des Selbstbewußtsein], когда она выступила в истории духа как сознающее себя явление [Erscheinung in der Geschichte des Geistes], была названа, как известно, *стоицизмом*. Его принцип состоит в том, что сознание есть мыслящая сущность [Bewußtsein denkendes Wesen] <...>» [105(157)]. Здесь и далее в круглых скобках приводится номер страницы «Феноменологии духа» по следующему изданию на языке оригинала: [Hegel, 1989].

абстракция, «понятие свободы, а не сама живая свобода», «мыслящее сознание в том виде, как оно определилось в качестве абстрактной свободы», «чистая форма равенства мышления»¹⁴ [Там же, с. 106–107]. Истина стоицизма заключена в косной разумности, бессодержательной негации.

Скептицизм, следующий за стоицизмом, есть пространство реализации понятия свободы, которое было достигнуто в стоицизме¹⁵. Скептицизм «показывает диалектическое движение, которое есть чувственная достоверность, восприятие и рассудок»¹⁶ [Там же, с. 108]. То есть если стоицизм был «замершим» понятием, то скептицизм представляет собой субъективную атараксию сознания как «абсолютного диалектического непокоя»¹⁷ [Там же, с. 108–109].

Свободное в своей неподвижности понятие сменяется стихийным мышлением, в котором эта свобода обретает иное качество. Скептическое сознание безостановочно мыслит, поскольку мыслимое оно считает несущественным, и тут же сменяет его следующим мыслимым¹⁸. Так в скептицизме сознание узнаёт себя как противоречивое внутри себя самого¹⁹. То есть понятие свободы стоицизма

¹⁴ «Свобода мысли [Freiheit im Gedanken] имеет лишь чистую мысль [reinen Gedanken] в качестве своей истины [Wahrheit], которая лишена жизненного наполнения [Erfüllung des Lebens]; следовательно, эта свобода есть также лишь понятие свободы [Begriff der Freiheit], а не сама живая свобода [lebendige Freiheit selbst] <...>» [106(158)]. «Но это равенство мышления себе самому [Sichselbstgleichheit des Denkens] опять-таки есть только чистая форма [reine Form], в которой ничего не определяется <...>» [107(158–159)]. «Это мыслящее сознание [denkende Bewußtsein] в том виде, как оно определилось в качестве абстрактной свободы [abstrakte Freiheit], есть, следовательно, лишь не доведённая до конца негация инобытия [unvollendete Negation des Andersseins] <...>» [107(159)].

¹⁵ «Скептицизм есть реализация [Realisierung] того, чего стоицизм есть только понятие [Begriff], и действительный опыт [Erfahrung] того, что такое свобода мысли [Freiheit des Gedankens] <...>» [107(159)].

¹⁶ «Скептицизм показывает диалектическое движение [dialektische Bewegung], которое есть чувственная достоверность, восприятие и рассудок [sinnliche Gewißheit, die Wahrnehmung und der Verstand] <...>» [108(160)].

¹⁷ «<...> [O]но есть для себя эта атараксия мышления о самом себе [Ataraxie des Sich-selbstdenkens], неизменная и подлинная достоверность себя самого [unwandelbare und wahrhafte Gewißheit seiner selbst]. <...> [A] само сознание есть абсолютный диалектический непокой [absolute dialektische Unruhe]. <...> [E]сть лишь просто случайный хаос [eine schlechthin zufällige Verwirrung], головокружительное движение [Schwindel] беспрестанно себя порождающего беспорядка [Unordnung]. Оно есть этот хаос для самого себя [E]s ist dies für sich selbst, ибо оно само поддерживает [erhält] и производит [bringt] этот движущийся хаос. Вот почему оно в этом и сознаётся, оно сознаётся, что оно есть совершенно случайное [zufälliges], единичное [einzelnes] сознание, – сознание эмпирическое [empirisch], ориентирующееся на то, что <...> не имеет для него истины [was ihm keine Wahrheit hat]» [108–109(161)].

¹⁸ «Оно предоставляет несущественному содержанию [unwesentlichen Inhalt] исчезать в его мышлении [Denken], но именно этим оно есть сознание несущественного [Bewußtsein eines Unwesentlichen]; оно провозглашает абсолютное исчезновение [absolute Verschwinden], но это провозглашение есть и это сознание есть провозглашённое исчезновение [ausgesprochene Verschwinden]: оно провозглашает ничтожество видения, слышания [Nichtigkeit des Sehens, Hörens] и т. д., а само оно видит, слышит и т. д.; оно провозглашает ничтожество нравственных существностей [Nichtigkeit der sittlichen Wesenheiten] – и в то же время само подчиняет свои поступки их власти. Его действия [Tun] и его слова [Worte] находятся всегда в противоречии друг с другом [widersprechen sich immer] <...>» [109(162)].

¹⁹ «В скептицизме сознание на опыте узнаёт себя поистине как сознание, противоречивое внутри себя самого [ein in sich selbst widersprechendes Bewußtsein]; <...>» [110(163)].

реализуется в скептицизме, но при этом самосознание удваивает себя²⁰. Эта двойственность в одном и есть несчастное сознание²¹ [das unglückliche Bewußtsein].

Вслед за этим Гегель описывает диалектику несчастного сознания и неизменного, то есть абсолютного духа. Сначала, осознавая свою для себя противоположность абстрактному неизменному, несчастное сознание предстаёт как «переменчивое [wandelbar] сознание»²² [Там же, с. 110].

Затем, считая себя формой неизменного, сознание открывает диалектическое движение единичного и неизменного, наличие в неизменном единичного. То есть открывает себя одновременно как неизменное и как единичное, но всё ещё раздвоенное. Это его открытие имеет уже не форму абстракции, но ещё и не форму понятия, а форму опыта сознания²³. Вследствие этого неизменное, став не абстрактным, а внешним как источником соответствующего опыта для сознания, оказывается от него ещё более удалённым. В то же время неизменное считается сознанием, уверившимся в том, что оно есть то же неизменное единичное, приблизившимся к нему. Раздвоенность сознания, которая проявилась в скептицизме, здесь усугубляется, распространяясь и на само неизменное, каким оно дано сознанию²⁴.

И, наконец, сознание как действительное соединяется с неизменным. Движение этого соединения предстаёт как чистое сознание [reines Bewußtsein], как единичная сущность [unwandelbaren Wesen] и как сознание своего для себя бытия [Gestalt der Einzelheit wie es selbst ist].

В качестве чистого сознания оно есть «соприкосновение [Berührung]», «единство чистого мышления и единичности», которое «относится к своему предмету,

²⁰ «В стоицизме самосознание есть простая свобода самого себя [einfache Freiheit seiner selbst]; в скептицизме эта свобода реализуется [realisiert sie sich], уничтожает другую сторону определённого наличного бытия [vernichtet die andere Seite des bestimmten Daseins], но, напротив, удваивает себя [verdoppelt sich], и есть для себя теперь нечто двойное [ein Zweifaches]» [110(163)].

²¹ «<...> [H] несчастное сознание [das unglückliche Bewußtsein] есть сознание себя как двойной, лишь противоречивой сущности [gedoppelten, nur widersprechenden Wesens] <...>. Это несчастное, раздвоенное внутри себя [unglückliche, in sich entzweite] сознание – так как это противоречие [Widerspruch] его сущности есть для себя одно сознание – всегда должно, следовательно, в одном сознании иметь и другое, и, таким образом, тотчас же как только оно возмнит, что оно достигло победы [Siege] и покоя единства [Ruhe der Einheit], оно из каждого сознания должно быть снова изгнано» [110(163)].

²² «<...> [H]а первых порах оно есть только непосредственное единство обоих [unmittelbare Einheit], но оба для него – не одно и то же, а противоположны <...>. Оба для него – чуждые друг другу сущности; само оно, будучи сознанием этого противоречия [Bewußtsein dieses Widerspruchs], становится на сторону переменчивого сознания [Seite des wandelbaren Bewußtseins] и есть для себя несущественное [Unwesentliche]; но как сознание неизменности [Unwandelbarkeit] или простой сущности оно должно в то же время стремиться освободить себя от несущественного, т. е. от себя самого» [110(164)].

²³ «<...> [B] этом движении [Bewegung] сознание испытывает именно выступление единичности на неизменном, а неизменного – на единичности [Hervortreten der Einzelheit am Unwandelbaren, und des Unwandelbaren an der Einzelheit]. Для сознания открывается единичность вообще в неизменной сущности, а вместе с тем открывается и его единичность в нём <...>. То, что здесь выступает как модус и отношение неизменного, оказалось опытом [Erfahrung], который раздвоенное самосознание совершает в своём несчастье [Unglücke]» [111–112(165)].

²⁴ «<...> [C]ознание, наконец, находит себя в нём [daß es sich endlich in ihm findet] <...>, всё же другая сторона [Teil] этого единства [Einheit], как ему кажется, принадлежит неизменному [Unwandelbaren] <...>, а противоположность [Gegensatz] остаётся в самом этом единстве. На деле благодаря тому, что неизменное приобретает внешний облик [Gestaltung] момент потустороннего [Moment des Jenseits] не только остался, но ещё больше укрепился; <...>» [112(166)].

не мысля <...> и есть благоговение [Andacht]»²⁵ [Там же, с. 113–114]. Затем, преобразовав свою разорванность в благоговение, несчастное сознание «находит себя только вожделеющим или работающим», ещё не сознавая, что вожделеет оно самое себя как единичную сущность»²⁶ [Там же, с. 115]. Действование благочестивого сознания снимает разорванную действительность, а неизменное «оставляет свой образ и предоставляет его сознанию для потребления», так что две крайности, действительность и действование, сходятся²⁷ [Там же, с. 115–116]. В результате неизменное «отрекается от своей формы», а действующее благоговейное единичное сознание воздаёт неизменному «благодарность» и тем самым также отрекается от себя в пользу неизменного как подлинного субъекта действия»²⁸ [Там же, с. 116].

Сознание, миновав отношение к неизменному как к понятию сознания, как к настроению, затем, узнав в неизменном самое себя на опыте, открывает для себя, что его реальность для него ничтожна, а значит, ничтожно и его действование»²⁹. Приблизившись к разрешению кризиса, дух обесценивает себя

²⁵ «Оно [несчастное сознание] <...> занимает то среднее место [Mitte], где абстрактное мышление соприкасается с единичностью [Einzelheit] сознания как единичностью. Оно само есть это соприкосновение [Berührung]; оно есть единство чистого мышления и единичности <...> [М]ы рассматриваем его как чистое сознание, оно относится к своему предмету, не мысля, а <...> оно, так сказать, только устремляется к мышлению [nur an das Denken hin] и есть благоговение [Andacht]» [113–114(168)].

²⁶ «Оно есть чистое настроение [reine Gemüt], которое есть для нас или в себе, себя нашло и насыщено внутри себя <...>, в себе это чувство есть чувствование себя [Selbstgefühl] <...>. Но несчастное сознание находит себя только вожделеющим [begehrend] и работающим [arbeitend]; для него ещё не очевидно, что в основе того, что оно находит себя таковым, лежит внутренняя достоверность его [innre Gewißheit seiner selbst zum Grunde liegt] и что его чувство сущности есть это чувствование себя [sein Gefühl des Wesens dies Selbstgefühl ist]» [115(170)].

²⁷ «Действительность [Wirklichkeit], на которую направлены вождение [Begierde] и труд [Arbeit], уже не есть для этого сознания нечто в себе ничтожное [an sich Nichtiges], подлежащее с его стороны лишь снятию [Aufzuhebendes] и поглощению [Verzehrendes], а есть нечто такое, как оно само, – разорванная действительность [entzweigebrochene Wirklichkeit], которая ничтожна в себе лишь с одной стороны, а с другой стороны есть также освящённый мир [geheiligte Welt]; <...>» [115(170–171)]. «<...> [Н]еизменное само оставляет [preisgibt] свой образ и предоставляет его сознанию для потребления [zum Genusse überläßt]. – Сознание, с своей стороны, равным образом [gleichfalls] <...>, разрывается на отношение к действительности [Verhältnis zur Wirklichkeit] или для-себя-бытие [Fürsich-sein] и на в-себе-бытие [An-sich-sein]. Это отношение к действительности есть процесс изменения [Verändern] или действование [Tun], для-себя-бытие, которое принадлежит единичному [einzelnen] сознанию как таковому. Но здесь оно есть также и в себе <...>. В своём действовании [Tun] сознание поэтому прежде всего находится в отношении двух крайностей [zweier Extreme] <...>» [116(171)].

²⁸ «За то, что неизменное сознание отрекается от своей формы и оставляет её [seine Gestalt Verzicht tut und sie preisgibt], а единичное сознание, напротив, воздаёт благодарностью (dankt), т. е. отказывает [versagt] себе в удовлетворении сознания своей самостоятельности [Selbstständigkeit] и, слагая с себя, передаёт сущность действия потустороннему, – благодаря обоим этим моментам взаимного отказа [gegenseitigen Sichß-aufgebens] от себя обеих частей возникает, конечно, тем самым для сознания его единство [Einheit] с неизменным» [116(172)].

²⁹ «В первом отношении оно [сознание] было только понятием [Begriff] действительного сознания или внутренним настроением [innere Gemüt], которое в действовании [Tun] и потреблении [Genusse] ещё не действительно; второе отношение есть это претворение в действительность [Verwirklichung] как внешне выраженное действование и потребление; но возвратившись из этого отношения, оно оказывается таким, которое на опыте [erfahren] узнаёт себя действительным и действующим сознанием, или таким, для которого истинно то, что оно есть в себе и для себя [es wahr ist, an und für sich zu sein]» [117(173)].

как сознание, потому что оно не является неизменным, к которому приблизилось, и обесценивает себя как неизменное, потому что оно открылось себе как единичное сознание³⁰. Отрекаясь от своих поступков, от своего труда, от себя как истины собственной самостоятельности, наконец, от своих наслаждений, оно «умерщвляет» себя из чувства вины. Тем самым, снимая себя, оно снимает и своё несчастье, опосредствует негативное движение уничтожения своей единичности и приходит к умозаключению. Вследствие чего ему открывается абсолютность его собственной реальности в форме представления о разуме³¹.

Несчастное сознание завершает описание диалектики развития самосознания как первого действительно исторического этапа развития духа, как стадии растворения объекта в духе и переход к появлению разума [Vernunft]³². Разум – это ступень развития уже абсолютного субъекта, то есть истинного формообра-

³⁰ «Что касается прежде всего противоположного отношения сознания, в котором его *реальность* для него непосредственно есть «ничтожное» [worin ihm seine Realität unmittelbar das Nichtige ist], то его действительное действие, стало быть, превращается в действие, исходящее от «ничто» [Tun von Nichts], его наслаждение [Genuß] – в чувство его несчастья [Unglücks]. Тем самым действие и наслаждение теряют всякое *всеобщее содержание и значение* [allgemeinen Inhalt und Bedeutung] <...>» [118(173–174)].

³¹ «Но и с тем и с другим – с чувством его несчастья [Unglücks] и со скудостью [Ärmlichkeit] его действия – точно так же связывается сознание его единства с неизменным. Ибо попытки непосредственного уничтожения его действительно бытия *опосредствованы* [vermittelt] мыслью о неизменном и предпринимаются в этом *соотношении* [Beziehung]. *Опосредствованное* [mittelbare] соотношение составляет сущность негативного движения [Bewegung], в котором это сознание направляет против своей единичности, но которое, как *соотношение в себе* [Beziehung an sich], столь же положительно, и произведёт это *единство* сознания для него самого <...>. Это опосредствованное соотношение есть, таким образом, некоторое умозаключение [Schluß] <...>» [118(174)]. «Но на долю несущественного сознания остаётся ещё *предметная* сторона [gegenständliche Seite] поступка, а именно *плод* [Frucht] его труда и *потребление* [Genuß]. Их, стало быть, оно точно так же отталкивает [stößt] от себя и отказывается как от своей воли [Willen], так и от своей *действительности* [Wirklichkeit Verzicht] <...>, от достигнутой истины своей *самостоятельности* [Selbstständigkeit] <...>, от *внешней собственности* [äußerliches Eigentum] <...>, от полученного наслаждения [Genuß], опять-таки полностью лишая себя его в постах [Fasten] и в умерщвлении плоти [Kasteien] <...>. Отказ от себя оно могло подтвердить только этим *действительным* пожертвованием; <...>. Но в действительно совершённом пожертвовании [vollbrachten Aufopferung] его оставило *в себе* и его *несчастье* [Unglück], подобно тому как сознание сняло *действие* [Tun] как своё действие» [119(175–176)]. «Но *для* него самого [сознания] действие и его действительное действие остаётся скудным [ärmliches] действием, его наслаждение – скорбью [Schmerz], а снятость [Aufgehobensein] их в положительном значении [Bedeutung] – чем-то *потусторонним* [Jenseits]. Но в этом предмете [Gegenstände] <...> для него возникло представление *о разуме* [Vorstellung der Vernunft], о достоверности [Gewißheit] сознания, достоверности того, что в своей единичности оно есть абсолютно *в себе* [absolut an sich] или есть вся реальность [alle Realität zu sein]» [120(177)].

³² Несчастное сознание подводит итог первому действительно историческому этапу развития духа, отмечает собой момент растворения всеобщего в единичном, и единичного во всеобщем, объекта в Духе (см.: Kinlaw J., Epistemology // Baur M. (ed.) G. W. F. Hegel: Key Concepts. Routledge, 2015. P. 20, 27; Jenkins S. Self-Consciousness in the Phenomenology // Moyer D. (ed.) The Oxford Handbook of Hegel. Oxford University Press, 2017. P. 82, 100; Speight A. C., Religion, Art, and the Emergence of Absolute Spirit on the Phenomenology // Moyer D. (ed.) The Oxford Handbook of Hegel. Oxford University Press, 2017. P. 158; Moyer D. Absolute Knowledge and the Ethical Conclusion of the Phenomenology // Moyer D. (ed.) The Oxford Handbook of Hegel. Oxford University Press, 2017. P. 174; Singer P. Hegel: A Very Short Introduction. Oxford University Press, 2001. P. 84, 105–108. Collins A. B. The Role of Religion in Hegel's Phenomenological Justification of Philosophical Science // Bykova M. K., Westphal K. R. (eds.) The Palgrave Hegel Handbook. Springer, 2020. P. 94, 105–107).

зования духа как в себе и для себя бытия, за которым следуют ступени духа [Der Geist], религии [Die Religion] и, наконец, абсолютного знания [Das absolute Wissen]. На этом прямое обращение Гегеля к понятию «несчастливого сознания» в рамках «Феноменологии духа» завершается.

Несмотря на то что данный фрагмент текста Гегеля проблематично интерпретировать однозначно, проведенной реконструкции достаточно, чтобы сформулировать важный в контексте настоящего исследования тезис. Согласно логике труда Гегеля, доступ к неизменному и его постижение требуют преодоления разорванности, а также возникновения разума. Поэтому субъекту «Феноменологии духа» несчастное сознание как таковое о неизменном практически ничего не сообщает.

Интерпретация «несчастливого сознания»

Жана Валя

Далее представлена интерпретация диалектики несчастного сознания, реконструкция которой представлена выше, в работе самого Валя. Свои задачи он видит:

- 1) в обосновании глубинного (психологического, мировоззренческого) *трагизма* Гегеля как философа;
- 2) описании важности *противоречия* для характеристики реальности в системе философии Гегеля;
- 3) демонстрации того, как личный трагизм Гегеля трансформировался в «несчастное сознание» *абсолютного духа*.

Следующая реконструкция главных положений книги Валя отражает то, как он решает данные задачи. *Во-первых*, согласно интерпретации Валя, Гегель проникся трагизмом романтиков, испытывал схожие чувства и задавался схожими вопросами³³ [Валь, 2006, с. 5–6, 25, 254, 301]. Анализируя иудаизм, христианство и тексты современников, Гегель обнаруживал всюду черты «несчастливого сознания», проблематика которого стала источником и лейтмотивом его ранних работ³⁴. Гегель в поисках средств для решения проблемы несчастного сознания в философии Канта, Фихте, Шеллинга, Шлейермахера, Якоби приближался к созданию собственной системы³⁵. Вместе с тем, в образе Иисуса он усмотрел

³³ «Отчасти именно рефлексия над христианским мышлением [pensée chrétienne], над представлением [l'idée] о Боге, создавшем человека, приводит Гегеля к концепции конкретного всеобщего [la conception de l'universel concret]. <...> [В] глубине его [Гегеля] философии имеется трагическое, романтическое, религиозное начало [élément tragique, romantique, religieux]. <...> [В] ся его философия имеет соответствующую окраску. У истоков этой доктрины, которая предстаёт как последовательная связь понятий, лежит разновидность мистической интуиции [intuition mystique] и пылкой страсти [chaleur affective]. <...> Гегель отталкивается не столько от интеллектуальных, сколько от моральных и религиозных проблем» [5–6(V)]. «Всякий раз Гегель глубоко переживает каждую из своих философий, истолкователем которых он в своей юности последовательно становится; <...>» [8(VII)]. Здесь и далее в круглых скобках приводится номер страницы «Несчастливого сознания в философии Гегеля» по следующему изданию на языке оригинала: [Wahl, 1951].

³⁴ Частным моментом сходства между философией Гегеля и романтизмом в проводимом Валем сравнении выступает приписывание духу Гегеля «тоски», «томления духа» [Sehnsucht] (см.: [Валь, 2006, с. 24, 89, 95, 103–104, 118, 179, 228, 236]).

³⁵ См.: [Валь, 2006, с. 16–17, 33–39, 109, 147, 155].

наиболее глубокое отображение «несчастливого сознания»³⁶. По мнению Валь, философия «несчастливого сознания» Гегеля – это совмещение философских и религиозных идей в «Феноменологии духа» как результате многолетних мировоззренческих поисков³⁷. «Размышление о несчастном сознании [réflexion sur le malheur de la conscience], порождённом произвольными разделениями и погоней за бесконечностью, позволило увидеть истинную бесконечность [véritable infini]» [Там же, с. 311].

Во-вторых, метод философии Гегеля Валь определяет как сочетание антитезиса и синтеза, а затем переносит смысловую нагрузку этих понятий, описывающих методологию Гегеля, в религиозно-философские концепты субъективности³⁸. Антитезису условно соответствует «несчастное сознание», а тезису – примирение³⁹. «Феноменология духа» оборачивается «мистерией разума» [mystère de la raison], повествованием о поиске примирения для несчастного сознания. Синтетический язык труда Гегеля, по мнению Валь, соединяет проблематику жизни и смерти, Бога и человека, несчастья и примирения в истории, оборачиваясь не только философским трактатом, но и мистическим, религиозным откровением о психологии «несчастливого сознания»⁴⁰. «Пантрагизм» становится способом связать религию, философию и историю⁴¹.

В-третьих, иррационализируя и антропологизируя диалектику Гегеля, Валь отождествляет «несчастное сознание» человека и Бога⁴². В то время как Гегель от-

³⁶ «<...> Иисус представляет собой несчастное сознание, первое несчастное сознание [conscience malheureuse, la première consciemment malheureuse, la plus essentielle], и <...> он несёт самый тяжёлый крест, не являющийся на самом деле его преходящим символом» [60(34)].

³⁷ См.: [Валь, 2006, с. 43, 46, 53, 58].

³⁸ «<...> [Д]ва метода смешиваются в его [Гегеля] уме, смешиваются и дополняют друг друга. С одной стороны, он движется от одной идеи к идее противоположной, от тезиса к антитезису; он мыслит противоположностями [par opposition]; <...>. Но с другой стороны, он движется от одного тезиса к тезису более полному, к синтезу. <...> Как раз благодаря смешению [fusion] этих двух методов [procédés] <...> Гегель и приходит к своей системе» [13–14(3–4)]. «Единство разума с реальностью [avec sa réalité] должно быть разорвано, говорил Гегель. Идеальный принцип должен придать себе форму всеобщности, реальный принцип должен быть установлен как индивидуальность, а природа – остаться распротёртой между ними как бездыханный труп» [72(42)]. «Мышление всегда является состоянием разделения, разрыва [malheur est toujours un état de division, de déchirure]» [75(44)] (см. также: [Валь, 2006, с. 95, 113, 148]).

³⁹ «Теперь понятно значение, которое приобретает идея несчастного сознания [idée de la conscience malheureuse]: с одной стороны, эта идея является подтверждением того факта, что от одного утверждения разум [l'esprit] движется к тому, которое противоречит предшествующему. <...> [С] другой стороны, это стадия, которую вечно должен побеждать разум [l'esprit], чтобы переходить к более счастливому сознанию. Принцип антитезиса необходим для восхождения к синтезу, а синтез и есть счастье; чтобы достичь этого счастья, необходимо пройти через несчастье. Обе идеи в другой форме соединяются в идее негативности» [22(8)].

⁴⁰ «Существует единство Бога-отца и человека-сына» [129(80)] (см. также: [Валь, 2006, с. 20, 24–26, 30–31, 63–64, 112, 159, 165, 170–171]).

⁴¹ «Цель философии – восстановить разорванное единство [rétablir l'unité déchirée]. Разделение [division] – это источник потребности в философии [besoin de philosopher]» [82(49)].

⁴² «На самом деле разум [raison] есть негативность [négativité]» [12(2)]. «<...> [Т]от всеобщий метод [façon], который Гегель рассматривает в *Феноменологии*, относится не к философии, а к способу существования, жизни [vivre]; или, скорее, философия и жизнь не отделяются друг от друга» [20(7)]. «Человек предстаёт как отрицающий сам себя; это движение негативности, которое совершается в нём и в природе, в конце концов, себя осознаёт» [72(42)]. «Момент несчастного сознания

казался от этого отождествления, а после «Феноменологии духа» снабдил свою систему псевдологическим каркасом. Гегель постарался скрыть следы трагического религиозного чувства, которое было ядром его философских поисков⁴³. По мнению Валь, «Феноменология духа» – это вершина философии Гегеля, потому что в ней конечный человеческий субъект следует к абсолютному духу-субъекту и обретает утешение: бесконечное стремление «несчастливого сознания» питается надеждой на полное принятие себя, своего несчастья и примирение с ним⁴⁴.

В результате, согласно интерпретации Валь, до того как стать философом и рационалистом, Гегель был теологом и романтиком⁴⁵. Центральным мотивом «Феноменологии духа» как апофеоза философии Гегеля является движение диалектики, само становление, которое протекает как в сознании человека, так и в сознании абсолюта⁴⁶. Опираясь на христианскую религиозную парадигму, Валь показывает, как Гегель соединил историю, религию и философию вместе с антропологизированным субъектом в центре своей системы⁴⁷. Это позволяет Валью экстраполировать проблематику абсолютной религии в связке с понятием «несчастливого сознания» Гегеля, чтобы на основании последнего создать собственный концепт⁴⁸. Он характеризуется как тотальность несчастья, как мистически-теологический процесс обретения религиозного смирения, без которого невозможно примирение «несчастливого сознания» с самим собой⁴⁹.

[conscience malheureuse] – это момент субъекта как субъекта [sujet comme sujet] <...> [110(67)]. «Субстанция есть субъект [substance est sujet]» [121(75)]. «<...> [Н]егативность – это несчастное сознание Бога [conscience malheureuse de Dieu], так как “чистая негативность” Бога существует, и она не может быть чем-то иным, нежели несчастным сознанием. Это абсолютное беспокойство, неравенство абсолютного духа, творца изменений [l'inquiétude absolue, l'inégalité de l'esprit absolu, créatrice de l'altérité]» [170–171(107)]. «Несчастное сознание – это разум в себе [en soi la raison] <...>» [176(110)].

⁴³ «Человек по имени Гегель разрушил свою систему в тот же самый миг, когда он её объяснил» [9(VII)].

⁴⁴ «По направлению к конкретному» [Vers le concret], название одной из работ Валь, о которой ещё будет сказано далее, на мой взгляд, удачно выражает философский смысл этого следования человеческого субъекта к абсолютному духу за утешением. Одно из ключевых положений философии Гегеля заключается в том, что абстрактное есть наиболее бедное, потому что в нём имеется лишь пустое абстрактное и нет конкретного богатства содержания (см., например: Гегель Г. В. Ф. Кто мыслит абстрактно? // Гегель Г. В. Ф. Работы разных лет: в 2 т. М., 1970. Т. 1. С. 388–394). Поэтому «Феноменологию духа» можно охарактеризовать как описание пути духа от абстрактного к конкретному. Как я постарался продемонстрировать в содержательном аргументе ниже, понимание этой пары категорий у Валь и Гегеля различно и составляет важный аспект понимания специфики философии Валь.

⁴⁵ «За философом мы обнаруживаем теолога, за рационалистом – романтика» [5(V)] (см. также: [Валь, 2006, с. 29]).

⁴⁶ «Мы всегда находимся перед лицом того, что Гегель называет игрой сил [jeu des forces], того, что можно было бы назвать непрестанной иронией [incessante ironie]» [11(1)] (см. также: [Валь, 2006, с. 22, 123, 178]). В философии Кьеркегора ирония также играет важную роль (см., например: Кьеркегор С. Страх и трепет. М., 2022. С. 64, 145–146, 150).

⁴⁷ «На основе идеи опосредствования [médiation] логика и теология соединяются» [148(92)]. «Опосредствование устраняет [remédie] противоречие, которым страдает идея. Итак, несчастное сознание, в сущности, является опосредствованием; <...>. Логическое и теологическое опосредствование объединяются. <...> И теология будет логикой Бога [149(93)].

⁴⁸ «<...> [Н]ачало как философии, так и религии – это не столько удивление [étonnement], сколько неудовлетворённость [non-satisfaction] и разорванное сознание [conscience déchirée]» [21(8)].

⁴⁹ «<...> [Э]то несчастное сознание [conscience malheureuse] оказывается знаком глубинного неравновесия [déséquilibre profond], которое, несмотря на всю свою мимолётность, является не только

Место «несчастливого сознания» в философии Жана Валя

Далее я сформулирую два аргумента в пользу переосмысления философии Жана Валя. Первый аргумент связан с *понятийным* содержанием словосочетания «французское неогегельянство». На мой взгляд, доводов в пользу того, чтобы *не* считать это словосочетание самостоятельным историко-философским понятием, существенно больше, чем в пользу противоположной точки зрения.

Во-первых, введение понятия «французское неогегельянство» в монографии Кузнецова не сопровождалось анализом и аргументацией, а было скорее вспомогательным приёмом упрощения⁵⁰. *Во-вторых*, в зарубежных исследованиях это словосочетание встречается редко и не имеет понятийного статуса. В-третьих, характеристики, которые выделяются в качестве общих для представителей течения «французского неогегельянства», не составляют совокупность свойств и объектов (то есть философов, их идей и трудов), которые обеспечивают ему стабильное содержание (смысл) и объём⁵¹.

К философии Гегеля во Франции, в период между двумя мировыми войнами в особенности, обращались не только «французские неогегельянцы», но и многие

неуравновешенностью философа, не только неуравновешенностью человечества, но также и неравносением всей вселенной, осознающей себя в человечестве, в философе. <...> Так, Гегель поднимает [élève] на уровень исторического описания, а затем на вершину метафизического принципа с одной стороны чувство болезненного разрыва [sentiment de la séparation douloureuse] и рефлексию над антитезисами, а с другой – потребность в гармонии [besoin d'harmonie] и идею понятия. <...> Главным понятием, отмечающим у него [Гегеля] выход апологетической теологии на сцену истории, которая сама является логикой, оказывается понятие несчастного сознания [conscience malheureuse] [7–8(VI)]. <...> [В]опрос о преобразовании несчастья в счастье [transformation du malheur en bonheur] – именно он является общим источником *Философии истории, Философии религии, Эстетики, Логики* [9(VII)]. <...> [В] определённом смысле гегелевская идея соединяется <...> с идеей мистической <...>» (16 [4]) (см. также: [Валь, 2006, с. 30, 75, 82, 125, 151, 171–172, 270–271, 285, 310]).

⁵⁰ В последующей литературе употребление термина «французское неогегельянство» можно охарактеризовать как неуверенное. См. Ванчугов В. В. Кожев // Новая философская энциклопедия. Т. 2. М., 2010. С. 265; Визгин В. П. Бердяев и Марсель в культурном контексте предвоенной Франции // Философские науки. 2018. № 1. С. 64; Вдовина И. С. Ипполит // Философы Франции: словарь. М., 2008. С. 130; Гайденок П. П. Время. Длительность. Вечность. Проблема времени в европейской философии и науке. М., 2006. С. 297; Давыдов Ю. Н. Неогегельянство // Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. 3. С. 56; Курилович И. С. Интерпретации «опыта сознания» во французском неогегельянстве. Статья первая. Жан Валь и Александр Койре // Вестник РГГУ. 2014. № 10. С. 26, 34; Курилович И. С. Ипполит и Кьеркегор // Национальное своеобразие в философии: Материалы междунар. конф. М., 2014. С. 317; Кучерова А. О. Х. Арндт и русско-французское неогегельянство: А. Кожев / А. Койре // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. 2020. Т. 6. № 4. С. 34; Мотрошилова Н. В. «Феноменология духа» // Новая философская энциклопедия. М., 2010. Т. 4. С. 180; Мотрошилова Н. В., Руткевич А. М. (ред.) История философии: Запад – Россия – Восток. М., 1999. Книга третья. С. 82; Мотрошилова Н. В., Руткевич А. М. (ред.) История философии: Запад – Россия – Восток. М., 2000. Книга четвёртая. С. 55–57; Руткевич А. М. Кожев // Современная западная философия. Энциклопедический словарь. М., 2009. С. 272; Ямпольская А. В. Неогегельянский след в работах Левинаса // Вестник РГГУ. 2011. № 15. Т. 2. С. 227.

⁵¹ Ср.: Barnett S. Introduction: Hegel before Derrida // Barnett S. (ed.) Hegel After Derrida. Routledge, 2001. P. 20; Roth M. Knowing and History. Appropriations of Hegel in Twentieth-Century France. Cornell University Press, 1988. P. ix-2; Baugh B. Hegel in Modern French Philosophy: The Unhappy consciousness // Laval théologique et philosophique. 1993. P. 423. См. также: Baugh B. French Hegel. From Surrealism to Postmodernism. Routledge, 2003. P. 7, 14, 17, 26; Sinnerbrink R. Understanding Hegelianism. Acumen Publishing, 2007. P. 125–126, 145–146; Geroulanos S. An Atheism that is not Humanist emerges in French Thought. Stanford, 2010. P. 7–8, 51–54, 67–68, 71.

другие философы, деятели культуры и искусства⁵². Представители «французского неогегельянства», на мой взгляд, предстают в большей степени как независимые «акторы», которые формировали общую сеть идей внутри французской философской среды. Обозначение их как «течения» мысли подразумевает сближение их идей и акцентуацию общих черт, что оправдывает себя в контексте соответствующих исследований⁵³. Однако этот подход следует *дополнить* более комплексной историко-философской перспективой. Примером таковой служит статья из Кембриджского словаря по философии. Философия Валя в ней рассматривается в разделе под названием «Феноменология, экзистенциализм, французская эпистемология [épistémologie]», а сам этот раздел помещается между разделом о позитивизме, неокантианстве и спиритуализме и разделом о структурализме и постструктурализме⁵⁴.

Обозначение философии Валя как части «французского неогегельянства» основывается на фрагментарной выборке материала для определения и формализации теоретических оснований такого обозначения⁵⁵. Называть философию Валя экзистенциализмом – значит вносить необоснованное упрощение, которое препятствует взвешенному осмыслению его идей.

⁵² Многие знакомились с идеями Гегеля благодаря семинарам Кожева. Например, основной теоретик сюрреализма А. Бретон, писатели Р. Кено и Б. Поплавский, а также более известные в философском контексте Ж. Батай, А. Гурвич, Ж. Лакан и М. Мерло-Понти. Но ещё до семинаров Кожева и как минимум одновременно с первыми работами о философии Гегеля за авторством Валя и Койре им занимались Ален (Эмиль Шартье) и Бенджамен Фондан (см.: Fondane B. *L'Esprit et le temps: La conscience malheureuse*. Cahiers du Sud, 1935; Fondane B. *La conscience malheureuse*. Paris, 1936; Alain. *Les saisons de l'esprit*. Gallimard, 1937).

⁵³ Главный пример – монография И. С. Куриловича, посвящённая «французскому неогегельянству как единому философскому течению» [Курилович, 2019, с. 7]. По мнению Куриловича, «Фиксация французского неогегельянства на трёх столпах [Валь, Ипполит и Кожев] вместе с его распространением до середины 70-х, вплоть до смешения с экзистенциализмом и неомарксизмом, искажает понимание данного явления в истории философии. Напротив, богатство французского неогегельянства открывается при обращении к нему как *течению* философской мысли, мозаично составленному из множества идей, высказанных преимущественно до Второй мировой войны и опубликованных в первое послевоенное десятилетие» [Там же, с. 16].

⁵⁴ См.: Moore T., Schrifft A. *French philosophy* // Audi R. (ed.) *The Cambridge dictionary of philosophy*. Cambridge University Press, 2019. P. 391–392. Следует отметить, что на портале Большой Российской энциклопедии недавно появилась статья, посвящённая Валу. Она представляет собой образец более взвешенного представления о философии Валя (см.: Курилович И. С. Валь Жан Андре (24 мая 2022). Общественный интерактивный энциклопедический портал «Знания». 2022. № 4. URL: <https://bigenc.ru/c/val-zhan-andre-5934c6> (дата обращения: 05.03.2023).

⁵⁵ Лишь одна из книг Валя, которая представляет собой собрание отдельных, но связанных между собой статей, посвящена непосредственно идеям Гегеля. Среди других его работ: исследования о философии Р. Декарта, Н. Гартмана и М. Хайдеггера, о Платоне и платонизме, работы по метафизике и экзистенциализму (см.: Wahl J. *Les Problèmes platoniciens*. Tournier et Constans, 1938; Wahl J. *Introduction à la pensée de Heidegger. Le livre de poche*, 1998; Wahl J. *La structure du monde réel d'après N. Hartmann*. CDU, 1953; Wahl J. *La pensée de l'existence*. Flammarion, 1951; Wahl J. *Traité de Métaphysique*. Payot, 1957 и др.). Также Валь, сам будучи поэтом, уделял поэзии место в своих философских работах и сотрудничал с сюрреалистами, а позднее – с Коллежем социологии Ж. Батай (см.: Жозе П. (пред., комм.) *Исследования сексуальности* (январь 1928-го – август 1932-го). Архивы сюрреализма. М., 2007. Т. 5. С. 225–227; Олье Д. (сост.) *Коллеж Социологии 1937–1939*. СПб., 2004. С. 84–85, 513–514; Wahl J. *Nietzsche et la mort de Dieu (note sur le Nietzsche de Jaspers)* // *Acéphale*. 1937. Janvier. P. 22–23; Wahl J. *La pensée de Heidegger et la poésie de Hölderlin*. CDU, 1952; Wahl J. *Essence et phénomènes. La Poésie comme source de philosophie*. CDU, 1958; Wahl J. *Poésie, pensée, perception*. Calmann-Lévy, 1948 и др.).

Понятийный аргумент в пользу трансформации представлений о философии Валя заключается в следующем: характеристики его философии, которые традиционно воспроизводятся в русскоязычной литературе, сужают фактические горизонты философской работы Валя и ведут к некорректной реконструкции его идей. Это влечёт за собой вероятность искажений в смежных историко-философских исследованиях: о философии Ипполита, Кожева и Койре, о французском гегелеведении и «французском неогегельянстве», о французской философии XX века. Валь как представитель «французского неогегельянства» и Валь-экзистенциалист ни в коем случае не являются заблуждениями, но философия Валя не ограничивается этими двумя обозначениями.

Для того чтобы сформулировать второй, *содержательный* аргумент, следует более детально рассмотреть деятельность Валя, выходящую за пределы его книги о «несчастном сознании». Это позволит поместить интерпретацию «Феноменологии духа» за авторством Валя в контекст его самостоятельных исследований.

Во-первых, важно учесть интеллектуальную биографию Валя. Как уже было отмечено, его диссертация была посвящена идеям У. Джеймса и А. Н. Уайтхеда, а одно из ключевых влияний на его философское становление оказал А. Бергсон⁵⁶. Общим для всех троих философов является интерес к разработке динамических представлений о реальности. Также идеи Джеймса и Уайтхеда привлекают внимание Валя в первых двух частях его книги «К конкретному»⁵⁷.

При этом для формулировки проблемы вышеназванного исследования Валь отталкивается от «Феноменологии духа»⁵⁸. Валь сближает Гегеля с Платоном, чтобы противопоставить им подход Бергсона, который, по мнению Валя, лучше описывает различие. В той же работе, сопоставляя философию Гегеля с философией Джеймса, Валь характеризует систему Гегеля как «недействительную» [caduc]. Величие Гегеля проявляется в том, что он описал неискоренимость различия. Это различие фигурирует у Гегеля в виде диалектики противоречий, которые представляются противоречиями только вне философии Гегеля. В результате подлинная реальность абсолютного духа объемлет и рассеивает различие в себе⁵⁹.

Во-вторых, интерпретация понятия «несчастливого сознания» не ограничивается трагической религиозностью в духе Кьеркегора, но является также этапом собственных философских поисков Валя. Свои «Кьеркегорианские исследования» Валь вновь строит на контрасте с системой Гегеля. Кьеркегор обязан Геге-

⁵⁶ Вторая из работ, которые были предоставлены Вальем для соискания степени агреже, представляла собой исследование о Декарте. Примечательно, что Валь посвятил её Бергсону (см.: Wahl J. Du rôle de l'idée d'instant dans la philosophie de Descartes. Alcan, 1920).

⁵⁷ См.: [Wahl, 1932, p. 27–221].

⁵⁸ «В начале “Феноменологии” Гегеля мы читаем, что то, что выдаётся за частное [particulier] и конкретное [concret], на самом деле является самым абстрактным и самым общим, что то, чему эмпирик и реалист приписывают наибольшую полноту [richesse], на самом деле является самым скудным [pauvre] среди того, что наличествует в мире. <...> Должны ли мы вслед за Гегелем признать, следовательно, что язык раскрывает [révèle] нереальность конкретного, что устремлённости [intention] к конкретному не суждено осуществиться [réalisée]?» [Wahl, 1932, p. 1].

⁵⁹ Ср.: «В событиях [faits] и в характерной для них упрямой реальности есть нечто неодолимое [invincible] для мысли; и это то, что заметил Джеймс: и это то, чем Гегель намеренно [volontairement] пренебрёг в начале *Феноменологии*, и что делает всю его систему недействительной [caduc]» [Wahl, 1932, p. 134].

лю средствами для описания своего способа преодоления романтической субъективности «Феноменологии духа». Но сама система Гегеля поглощает личность посредством культуры или государства⁶⁰. По мнению Валь, заслуга Гегеля заключается в том, что он показал противоречивость бытия и мышления, реальности и конкретности. Но его «промах» в том, что он утверждал разрешение этой противоречивости.

В-третьих, «Феноменология духа» Гегеля для философии Валь – это не только описание противоречий религиозного сознания, но также работа по метафизике опыта⁶¹. Гегель спекулятивно сводит формы опыта к *единству* понятия⁶². В то время как Валь интерпретирует опыт как принципиально *несводимую* к какому-либо метафизическому единству реальность. Он подчёркивает, что в статике и событие, и субъект не схвачены во всей полноте. По мнению Валь, реальность вернее представить как движение сознания в «Феноменологии духа», чем как монолитную «Науку логики»⁶³. Гегель описал становление, однако «запер» его в понятии.

Итак, после книги о «несчастном сознании» Валь не возвращался к работе с «Феноменологией духа». Но философия Гегеля повлияла на его последующие труды. Дистанцируясь от религиозного трагизма, Валь более ясно выражал свою философскую позицию.

⁶⁰ «<...> [Г]егельянство послужило Кьеркегору в деле преодоления романтически чрезмерной субъективности [l'exageration romantique de la subjectivité]. Гегель смог противопоставить всеобщее [general] и романтическую индивидуальность. Но Кьеркегор преодолевает иронию и торжествует над ней [combat l'ironie et triomphe d'elle] не только лишь в качестве последователя Гегеля; он выступает уже как адепт своих собственных убеждений [croyanances]; <...>» [Wahl, 1938, p. 63]. «Гегель и Гёте <...> хотели возродить [restaurer] классицизм, вновь поместив [replaçant] индивида в тотальность, культуру или государство» [Ibid., p. 87].

⁶¹ «Мы видим столкновение мысли с реальным [réel] в её стремлении [effort] к идеализации, и столкновение мысли с частным [particulier] в её стремлении к обобщению. Реальность [réalité] и частность [particularité] образуют единство, для мысли они составляют единое препятствие, единственное и неповторимое, так же как стремление к идеализации и к обобщению есть единое стремление. Но именно в столкновении с этим препятствием мысль вновь обретает свои силы; именно в этой мимолётной гибели [mort momentanée] она обретает жизненность [vivante]. Диалектика, какой нам следовало бы её представлять, не была бы диалектикой гегельянской; <...>» [Wahl, 1932, p. 23]. «<...> [Р]ефлексия Гегеля над страданием [souffrance] и его рефлексия над разумом [esprit] совпадают. Разум заключается в том, что производит различие, с которым он примиряется, религия состоит в том, что производит страдание [douleur], с которым она примиряется. Это возможность бесконечного успокоения [apaisement infini] после бесконечной противоположности [opposition infini] – такова религия, таков разум для Гегеля» [Валь, 2006, с. 126(78)].

⁶² «<...> Гегель не довольствуется ни различными формами опыта Фихте, где ему виделось выражение дурной бесконечности [faux infini], ни формами опыта Шеллинга, которые не ведут никуда, кроме неопределённости [l'indetermine] <...>, где исчезают все различия» [Wahl, 1965, p. 36]. См. также «Философии становления [devenir], которой является философия Фихте, Гегель противопоставляет философию бытия [être]; но если эта философия Фихте есть философия становления, то она является лишь философией становления застывших крайностей [termes figés]; противоположность, на которую мы только что указали, скрывает, следовательно, в себе другую, и мы можем сказать совершенно обратное тому, что мы только что утверждали; философии «производного» бытия [comme produit] Фихте Гегель противопоставляет философию становления» [Валь, 2006, с. 293(181)].

⁶³ «Абстрактное – это синоним несчастья [malheur]; конкретное всеобщее [l'universel concret] будет для разума [esprit] радостью» [Валь, 2006, с. 183(115)].

В ряде других работ Валя Гегель выступает в качестве носителя той философской позиции, которую Валь считает необходимым подвергнуть критике. Если для Гегеля уловить различные формы опыта – значит найти для них *единый* язык, то, с точки зрения Валя, единый язык различия наоборот *стирает*. В таком свете «несчастное сознание» в интерпретации Валя обретает особую смысловую нагрузку.

С одной стороны, книга Валя о «несчастном сознании» своим рефреном имеет тотальность несчастья, абсолютный трагизм. Не весь текст книги Валя посвящён религиозному измерению «несчастного сознания» в силу того, что в определённый момент сознание перестаёт быть в полной мере религиозным и переживает секуляризацию Просвещением. Но сознание от этого не перестаёт быть несчастным, а главное – это несчастье неизменно связано с религиозным чувством⁶⁴.

С другой стороны, многие работы Валя свидетельствуют в пользу того, что проблематика, которая интересует его как в книге о Гегеле, так и в других, сохраняется и без указания на религию. В таком случае его интерпретация «Феноменологии духа» становится проблематичной как минимум в двух отношениях, которые предполагают отдельное к ним обращение и поэтому здесь будут лишь обозначены. *Первое*: если в своих прочих работах Валь пишет об опыте *в целом* так же, как в книге о «несчастном сознании» он пишет об опыте преимущественно *религиозном*, то возникает вопрос о месте религии в философии Валя. В сущности, это вопрос о развитии идей Валя, который невозможно решать без обращения ко всему корпусу его работ. *Второе*: становится проблематичным *трагизм* его интерпретации «Феноменологии духа». Если в «несчастном сознании» трагизм взаимосвязан с религией, то каким образом эта взаимосвязь раскрывается в работах, которые посвящены не столько теологически-психологической реконструкции мысли Гегеля, сколько самостоятельному исследованию Валью опыта как динамического метафизического процесса? Иными словами, в какой мере «несчастье» Гегеля является «несчастьем» Валя? И в какой мере «несчастье» Валя обуславливает его собственную философию в сравнении с тем, как, согласно интерпретации Валя, «несчастье» Гегеля обуславливает философию самого Гегеля?

В результате *содержательный* аргумент в пользу уточнения актуального восприятия философии Валя заключается в следующем: книга Валя о «несчастном сознании» выделяется на фоне прочих его работ первичностью религиозно-трагической тематики. Это делает его интерпретацию «Феноменологии духа» не просто трансформацией «панлогизма» в «пантрагизм», который можно отнести по преимуществу на влияние Кьеркегора, но позволяет вновь проблематизировать её в качестве одного из источников влияния на последующие способы работы с наследием Гегеля в рамках «французского неогегельянства» и вне его.

Валь в своей философии придерживается плюралистической критики монизма и разрабатывает собственный проект «метафизического эмпиризма»

⁶⁴ «Просвещение не осознаёт своего несчастья, но благодаря самой этой неосознанности оно, в сущности, несчастно» [Валь, 2006, с. 88(53)]. «Кантианство и иудаизм тождественны, с тем единственным различием, что господин является внешним в одном случае и внутренним – в другом. Кантовская вещь в себе остаётся такой же потусторонней, как и Бог евреев» [Там же, с. 91(54–55)]. «Как и религиозное сознание, нравственное сознание является несчастным [malheur]. <...> [Н]равственность [moralité] – это разделение в себе» [Там же, с. 100(60–61)].

в противовес экзистенциализму Сартра. В этом отношении ключевым аспектом влияния идей Кьеркегора на интерпретацию «Феноменологии духа» Валя является отстаивание несводимости противоречий. У Кьеркегора эта мысль предстаёт в религиозном контексте, выводит на передний план человеческого субъекта и служит источником развития экзистенциализма. На основании проведённого исследования и подводя черту под всем вышесказанным, следует подчеркнуть обоснованность и актуальность изучения работ Валя. Прежде всего, это задачи реконструкции его философского развития, выявления мотивов создания интерпретации «Феноменологии духа», места «метафизического эмпиризма» Валя во французской философии XX века и возможного влияния Валя на мысль Делёза, Деррида и других философов, пришедших на смену поколению «французских неогегельянцев». Прояснение роли Валя в становлении экзистенциализма во Франции также может представлять ценность для истории философии⁶⁵.

Заключение

Актуальные для русскоязычной среды представления о философии Жана Валя нуждаются в обновлении и уточнении. Обоснованием этого тезиса служат понятийный и содержательный аргументы.

Понятийный аргумент. Традиционно философию Валя характеризуют как часть «французского неогегельянства» и экзистенциализма. Данные обозначения отнюдь не являются ложными, однако сужают горизонты философской работы Валя. Следствием этого становится неполнота историко-философской реконструкции его идей, которая, в свою очередь, влечёт за собой искажение соответствующих сюжетов истории философии: «французского неогегельянства», идей Ипполита, Койре и Кожева. Актуальный образ философии Валя, который закрепился в русскоязычных монографиях о «французском неогегельянстве» и соответствующей литературе, следует дополнить более комплексным подходом. В его основе – обращение к трудам Валя, выходящим за рамки его интерпретации «Феноменологии духа» Гегеля.

Содержательный аргумент. На фоне предшествующих и последующих работ Валя его книга о «несчастном сознании» обретает смысл не только в связи с французской рецепцией философии Гегеля, ключевыми моментами которой в XX веке считаются семинары Кожева и перевод «Феноменологии духа» на французский язык Ипполитом. Книга Валя, которая демонстрирует новый для французской философии, субъективистски-иррациональный подход к идеям Гегеля, вместе с тем органично встраивается в его собственные исследования. В них Валь присутствует осуществлённую Гегелем акцентуацию противоречий, но критикует его

⁶⁵ См.: Ford R. Against Negativity: Deleuze, Wahl, and Postwar Phenomenology // Symposium. 2016. № 1. P. 107–128; Kremer-Marietti A. Jean Wahl the Precursor: Kierkegaard and Existentialism // Analecta Husserliana. 2009. Vol. CIII. P. 23–30; Kremer-Marietti A. Jean Wahl and the Renewal of Metaphysics // Analecta Husserliana. 2010. Vol. CV. P. 97–110; Moore I. A., Schrift A. D. Existence, Experience, and Transcendence. An Introduction to Jean Wahl // Wahl J., Transcendence and the Concrete; Selected Writings. Fordham University Press, 2017. P. 1–31; Sanchez A. C., Sanchez A. P. Jean Wahl: Philosophies of Existence and the Introduction of Kierkegaard in the Non-Germanic World // Kierkegaard Research. 2016. Vol. 9. P. 393–414; Silva F. Whitehead's French Readers // Das Questões. 2019. №. 1. P. 31–40.

систему за ригидность. В то же время историко-философская реконструкция интерпретации «Феноменологии духа» за авторством Валя в контексте его прочих трудов позволяет увидеть религиозно-трагический концепт «несчастья сознания» в новом свете⁶⁶.

В частности, возникает вопрос о месте религии в философии Валя, а соотношение религиозности и трагизма, которое является центральным сюжетом его интерпретации «Феноменологии духа», оказывается проблематичным. Субъективизм, иррационализм, антропологизация интерпретаций философии Гегеля, свойственные в той или иной степени представителям «французского неогегельянства», были чертами, характеризующими подход Валя к идеям Гегеля. Это делает Валя одним из инициаторов специфического способа работы с наследием Гегеля. Специфика данного способа заключается в сближении «Феноменологии духа» с идеями из феноменологии и экзистенциализма, как французских их представителей, так и немецких авторов первичных текстов данных направлений, Гуссерля и Хайдеггера в особенности. Это делает задачу корректной реконструкции интерпретации «Феноменологии духа» за авторством Валя в контексте его предыдущих и последующих работ значимой для истории философии XX века.

Список литературы

- Валь Ж.** Несчастное сознание в философии Гегеля / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб.: Владимир Даль, 2006. 333 с.
- Гегель Г. В. Ф.** Феноменология духа / Пер. с нем. Г. Г. Шпет. М.: Наука, 2000. 495 с.
- Кузнецов В. Н.** Французское неогегельянство. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1982. 200 с.
- Курилович И. С.** Французское неогегельянство: Ж. Валь, А. Койре, А. Кожев и Ж. Ипполит в поисках единой феноменологии Гегеля – Гуссерля – Хайдеггера. М.: РГГУ, 2019. 224 с.
- Hegel G. W. F.** *Phänomenologie des Geistes // Werke: in 20 Bd. Bd. 3.* Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989. 592 S.
- Wahl J.** *Vers le concret. Études d'histoire de la philosophie contemporaine.* Paris: Vrin, 1932. 275 p.
- Wahl J.** *Études Kierkegardiennes.* Paris: Aubier, 1938. 762 p.
- Wahl J.** *Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel.* Paris: PUF, 1951. 231 p.
- Wahl J.** *L'Expérience métaphysique.* Paris: Flammarion, 1965. 237 p.

⁶⁶ В оригинале название книги Валя звучит как «Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel». На русский язык оно наиболее точно переводится как «Несчастье сознания в философии Гегеля». Однако и Э. Л. Радлов, и Г. Г. Шпет в своих переводах «Феноменологии духа» передали «das unglückliche Bewußtsein» как «несчастное сознание». По всей видимости, по этой причине на русский язык название книги Валя В. Ю. Быстров передал в соответствии с закреплённым в русскоязычной рецепции переводом этого понятия. В оригинальном тексте Валя встречаются различные варианты, а само «несчастье» нередко сменяется синонимами. Вопрос о соотношении и степени преемственности терминологии философии Гегеля и терминологии книги Валя о «несчастном сознании» требует отдельного рассмотрения (см. также: [Курилович, 2019, с. 76]).

References

- Hegel G. W. F.** Phänomenologie des Geistes // Werke: in 20 Bd. Bd. 3. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1989. 592 S.
- Hegel G. W. F.** The Phenomenology of Spirit. Moscow: Nauka, 2000. 495 p. (in Russian)
- Kurilovich I. S.** French Neo-Hegelianism: J. Wahl, A. Коурй, A. Којиве and J. Нурро-
lite in the Search of the Unified Phenomenology of Hegel–Husserl–Heidegger. M.:
RGGU, 2019. 224 p. (in Russian)
- Kuznetsov V. N.** French Neo-Hegelianism. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1982. 200 p. (in
Russian)
- Wahl J.** Vers le concret. Études d'histoire de la philosophie contemporaine. Paris: Vrin,
1932. 275 p.
- Wahl J.** Études Kierkegardiennes. Paris: Aubier, 1938. 762 p.
- Wahl J.** Le malheur de la conscience dans la philosophie de Hegel. Paris: PUF, 1951.
231 p.
- Wahl J.** L'Expérience métaphysique. Paris: Flammarion, 1965. 237 p.
- Wahl J.** The Unhappy Consciousness in the Philosophy of Hegel. Saint-Petersburg:
Vladimir Dal', 2006. 333 p. (in Russian)

Информация об авторе

Олег Александрович Лунев-Коробский, аспирант,
младший научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского от-
деления Российской академии наук

Information about the Author

Oleg A. Lunev-Korobskii, postgraduate student,
junior researcher, Institute of Philosophy and Law, Siberian Branch of the Russian
Academy of Sciences

*Статья поступила в редколлегию 11.05.2023;
одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 30.05.2023*

The article was submitted 11.05.2023;

approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 30.05.2023

Научная статья

УДК 141.5

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-133-143

Изучение Аристотеля в Аристотелевском обществе в 70-е годы XX века как индикатор особого историко-философского стиля британской философии

Роман Александрович Юрьев

Национальный исследовательский Томский государственный университет
Томск, Россия

yuriev2003@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4892-9583>

Аннотация

В статье рассматривается исследование аристотелевского учения о сознании и душе, проведенное известным современным исследователем античной философии Джонатаном Барнсом, как пример особого историко-философского стиля британской аналитической философии в целом и Аристотелевского общества, в частности, в 1970–1980 гг. Показано, что развитие историко-философского стиля в Аристотелевском обществе продолжает традицию медленной рецепции идей континентальной философии, отмеченной еще в ранний период его возникновения и развития. Это объясняется сложившейся определенной теоретической изолированностью британской философии, накладывающей отпечаток на историко-философские исследования и выражающейся в применении концептуального анализа и помещении его результатов в контекст современного философского словаря. Хотя учение Аристотеля о сознании и душе рассматривается в статье Дж. Барнса сквозь призму современных позиций физикализма и дуализма, остается неотвеченным вопрос, какую роль аристотелевское учение играет для них самих. Выдвигается тезис о том, что в данном случае анализ Дж. Барнса в трактовке аристотелевской проблемы сознания и души выглядит менее продуктивным, чем более ранние подходы в схоластике и феноменологии.

Ключевые слова

Аристотелевское общество, аналитическая философия, история философии, британская философия, интеллектуальные сети, физикализм, дуализм, философия сознания.

Благодарности

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-00126, <https://rscf.ru/project/22-28-00126/>

Для цитирования

Юрьев Р. А. Изучение Аристотеля в Аристотелевском обществе в 70-е годы XX века как индикатор особого историко-философского стиля британской философии // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 133–143. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-133-143

© Юрьев Р. А., 2023

The study of Aristotle in the Aristotelian Society in the 1970s as an indicator of the special historico-philosophical style of British Philosophy

Roman A. Yuriev

National Research Tomsk State University
Tomsk, Russia

yuriev2003@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4892-9583>

Abstract

The article aims to present the study of Aristotle's teaching on consciousness and soul conducted by the well-known contemporary scholar of ancient philosophy, Jonathan Barnes, as an example of a certain historical-philosophical style that emerged within British analytic philosophy as a whole and within the Aristotelian Society in particular during 1970-1980s. It is shown that the development of the historical-philosophical style within the Aristotelian Society at this time continues the tradition of slow reception of ideas from continental philosophy, which was noted already in the early period of Society emergence and development. This is explained by certain theoretical isolation that had developed by this time in British philosophy, which had its imprint on historical-philosophical studies and is expressed in the application of conceptual analysis and the inclusion of its results into the modern philosophical context. Although Barnes considers Aristotle's teaching on consciousness and soul through the prism of contemporary versions of physicalism and dualism, the question of what role the Aristotelian teaching plays for them remains unanswered. The author puts forward the thesis that in this case, J. Barnes's analysis of the Aristotelian problem of consciousness and soul appears less productive than the previously developed approaches in scholasticism and phenomenology in the continental history of philosophy.

Keywords

Aristotelian Society, analytic philosophy, history of philosophy, British philosophy, intellectual networks, physicalism, dualism, philosophy of mind.

Acknowledgements

The work on this paper has been supported by the Russian Science Foundation (Award Number 22-28-00126, <https://rscf.ru/project/22-28-00126/>)

For citations

Yuriev R.A. The study of Aristotle in the Aristotelian Society in the 1970s as an indicator of the special historico-philosophical style of British Philosophy. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 133–143. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-133-143

Аристотелевское общество с самого начала своего возникновения в конце XIX века достаточно активно было обращено не только к британской философской традиции, но и истории философии как таковой с определенными оговорками. Начиная с момента своего возникновения фокус внимания входящих в него исследователей всегда был обращен к классическим текстам и проблемам. Особую роль традиционно играли Платон, Аристотель, Р. Декарт, Дж. Беркли и И. Кант. В то же самое время нельзя сказать, что континентальные современники изучались как-то постоянно и особенно активно. Наиболее часто в конце XIX – начале XX века упоминался разве что А. Бергсон. Также в этот период континентальная традиция была представлена британским идеализмом, иными словами, рецепция идеалистических континентальных направлений воспринималась через призму собственных философских систем. В 1920–1930-е гг. эпизодические встре-

чи британских и континентальных классиков все же происходили, и по итогам этих встреч, например, один из учителей Б. Рассела и Дж. Э. Мура – Дж. Ф. Стаут в 1933 году отправлял на стажировку Э. Гуссерлю и О. Финку одного из своих студентов [Дидикин и др., 2021, с. 53]. В целом историко-философские исследования Аристотелевского общества вполне вписываются в образ если и не противостояния, то игнорирования большей части континентальной философии, за исключением идей Венского кружка, по понятным историческим обстоятельствам. Что касается периода 1971–1980 гг. в истории Аристотелевского общества, то он не стал исключением. Несмотря на то что континентальная философия, представленная постмодернистскими версиями философии, экзистенциализмом, традицией Франкфуртской школы, феноменологией переживала свою яркую историю, Аристотелевское общество как один из интеллектуальных центров англоязычной философии практически ее не замечало. Поэтому традиционный образ противостояния континентальной (феноменология, структурализм, постструктурализм и т. д.) и аналитической философии (представленной преимущественно в англоязычной философии) в истории философии предполагает все-таки большую замкнутость, чем прямые столкновения или попытки взаимной рефлексии. Попытки прямых столкновений не приводили к какому бы то ни было продуктивному результату; так, в работе Р. Рорти «Случайность, ирония и солидарность» описана неудачная в некотором смысле дискуссия между Дж. Сёрлом и Ж. Деррида [Рорти, 1996, с. 173–174]. Поэтому в этот период в Аристотелевском обществе можно найти только одну работу, посвященную творчеству Ж.-П. Сартра и И. Канта, где упоминается, например, Э. Гуссерль и М. Мерло-Понти [Baldwin, 1979]. В остальном же историко-философские исследования в этот период представлены девятью работами, посвященными Аристотелю, четыремя – Платону, тремя – Д. Юму и т. д. по убывающей. В этом смысле является симптоматичным название доклада одного из президентов Аристотелевского общества того периода Дональда Маккиннона [MacKinnon, 1977], которое отсылает скорее к языку классического философского дискурса, восходящего к античности и средневековью, нежели к «постмодернистской», «постклассической», «постнеклассической» терминологии.

При этом особенность изучения Аристотеля заключалась в том, что его прочтение и истолкование так или иначе связывается с современными философскими проблемами. Отсюда упреки в сторону некоего «схоластического» характера аналитической философии справедливы не в том, что под схоластикой подразумевали просветители XVIII века, имея в виду сложный и непонятный для них язык и оторванную от действительности теорию, а то, что аналитическая философия сохранила верность определенному перипатетическому стилю и вниманию к Аристотелю, характерным для исторической схоластики, с поправкой на современность. Однако, несмотря на повышенное внимание к аристотелевскому наследию, изолированность от континентальной, в том числе историко-философской, традиции никуда не делась, а результаты этого положения дел могут вызывать определенные вопросы.

В качестве примера подобного рода исследования можно рассмотреть работу одного из ведущих англоязычных специалистов по античной философии Джонатана Барнса «Понятие сознания у Аристотеля» [Barnes, 1971, p. 101–114].

В статье нет задачи рассмотрения собственно аристотелевского понимания души, сознания и разума, интересен сам подход Дж. Барнса, в котором можно обнаружить определенный стиль историко-философского исследования, характерный для британской философии.

Анализ аристотелевского учения о душе рассматривается автором в связи с одной из базовых оппозиций философии сознания между дуализмом, восходящим к Декарту, и физикализмом, основанным на результатах развития позитивных наук. В конце статьи Дж. Барнс пишет: «Философия сознания веками металась между картезианской Харибдой и научной Сциллой, но Аристотель выглядит Одиссеем» [Barnes, 1971, p. 114]. Попробуем разобраться, что он имеет в виду, когда мы пытаемся понять Аристотеля через современный философский словарь и какие результаты мы можем зафиксировать. Начнем с того, что проблема души и сознания при прочтении Аристотеля совершенно не нова и особую трудность представляла для средневековой философии, особенно в части различия активного и потенциального интеллекта. Это связано с определенными и до сих пор не проясненными местами в его трактатах «О душе» и «О возникновении животных». С одной стороны, душа связана с телом, но неясно, как из этого следует ее бессмертие. С другой стороны, постулируется наличие активной интеллектуальной части души, которая, по всей видимости, связана с ее божественным происхождением. «Остается только разуму входить извне и ему одному быть божественным, ибо его деятельность не имеет ничего общего с телесной деятельностью» [Аристотель, 1940, с. 102]. Как актуальная проблема это было осознано еще в самом начале усвоения аристотелевской философии, активно предпринятой в том числе Альбертом Великим и Фомой Аквинским в рамках схоластической традиции XIII века.

Но, как мы отмечали выше, Дж. Барнс предлагает рассмотреть учение Аристотеля о душе и сознании через термины физикализма и дуализма. Итак, физикалистская интерпретация Аристотеля основывается на его различении вегетативной, чувственной и интеллектуальной души, основываясь на том, что сам греческий философ говорит о том, что искать общую формулу для души смешно. Дж. Барнс утверждает, что это общее место неверно, потому что, отрицая необходимость поиска общего определения, Аристотель не отказывается от поиска формулы, присущего каждому типу.

Как цитирует и истолковывает Аристотеля сам Дж. Барнс: «Rather, “it is ridiculous to seek the common formula ... *while neglecting the formula*” proper to each particular type of soul» [Barnes, 1971, p. 102]. Оговоримся сразу, что место в тексте Аристотеля под обозначением (414b25), на которое, к примеру, ссылается Дж. Барнс, переводилось по-разному на русский язык. Например, у В.Ф. Асмус читаем следующее: «Однако было бы смешно, пренебрегая указанным определением, искать в этих и других случаях такое общее определение, которое было бы определением, не относящимся ни к одной из существующих вещей и не соответствующим особой и неделимой форме вещи» [Аристотель, 1976, с. 400]. Или в переводе П.С. Попова оно звучит так: «Поэтому было бы смешно искать для этих и для других [вещей такое] общее понятие, которое не было бы свойственно ни одной из существующих вещей, и [не заинтересоваться понятием], соответствующим

своеобразию и индивидуальности [каждой вещи], пренебрегши этим [вопросом]» [Аристотель, 1937, с. 43]. Вполне допустимо в такой ситуации, что и иные места греческого философа могут быть переведены и истолкованы различными способами. Перевод Дж. Барнса может отличаться и от других переводов на английский. В каком-то смысле для экспозиции идей Дж. Барнса можно пренебречь различиями и, местами, ограничиться цитатами самого автора.

Поскольку Аристотель сравнивает душу с формой (σχήμα), что означает, что иметь душу значит иметь живое органическое тело: «Если нам и следует сказать нечто общее для каждой души, так это то, что первой ее действительностью будет живое органическое тело (412b4-6)» [Barnes, 1971, p. 102].

Отсюда Дж. Барнс вводит первое определение:

(D1) x обладает душой = df x – это живое органическое естественное тело.

Определение при этом должно не только показать факт, но и объяснить его. Поэтому следует рассмотреть второе определение Аристотеля, что душа определяется способностью к питанию, ощущению, интеллектуальной и способностью к движению. Отсюда второе определение:

(D2) x обладает душой = df x может питаться ИЛИ x может воспринимать ИЛИ x может думать ИЛИ x может двигаться самостоятельно.

Эти дефиниции определяют душу не как субстанцию, а как набор необходимых характеристик, или атрибутов. То есть мы не можем субстанциально определить душу, например, как «сердце» или «мозг», а скорее аналогично понятиям «жизни» и «здоровья». В этом смысле, если Аристотель говорит, что животное состоит из души и тела, то это не нужно понимать в смысле как «автомобиль сделан из кузова и мотора, а скорее как то, что автомобиль состоит из его движения и работы» [Barnes, 1971, p. 103]. Одушевленность характеризуется движением и ощущением. Соответственно, живое органическое естественное тело равно тому, что может питаться, или воспринимать, или думать, или двигаться самостоятельно.

Это несубстанциалистское определение души по общему представлению обязывает понимать Аристотеля физикалистски. Но на самом деле душу у Аристотеля можно принять как физикалистски, так и не физикалистски. Более того, «душу можно принять за (i) физическую субстанцию, (ii) нефизическую субстанцию, (iii) физическую и несубстанциальную или (iv) нефизическую и несубстанциальную сущность» [Barnes, 1971, p. 104]. Это связано с тем, что какие-то психические функции Аристотелем понимаются как телесные, другие – просто как связанные с телом.

Он предлагает рассмотреть ψ как ментальный или психологический предикат, ϕ – как физический. В данном случае ментальный предикат ψ – это все, что включает в себя выражение «обладает душой», как и, соответственно, то, что относится к правой части (D2). Физический предикат ϕ означает то, что может быть объяснено в терминах естественных наук. Согласно Барнсу, можно выделить две сильных версии физикализма: ментальное означает физическое и ментальное равно физическому:

(1) $\psi\alpha$ означает $\phi\alpha$,

(2) $\psi = \phi$.

Собственно, эта схема может примерно читаться так, что некий ментальный предикат, например, «грусть», «гнев», может быть сведен к его физическому корреляту. Две другие слабые версии физикализма имеют другую схему:

- (3) $\psi\alpha$ означает $\phi\alpha \ \& \ P$, где под P понимается неопределенное содержание,
 (4) что $\psi\alpha$ влечет (*entails*) за собой $\phi\alpha$, но не наоборот.

Отсюда (D1), согласно Дж. Барнсу, говорит о том, что Аристотель придерживается (3) и (4) схемы. Душа неотделима от тела, или, как пишет Аристотель, «состояния души неотделимы от природной материи живых существ так, как неотделимы от тела отвага и страх, а не в том смысле, в каком неотделимы от тел линия и плоскость» [Barnes, 1971, p. 105]. В то же самое время нужно понять, что говорит Аристотель в этом отрывке: «Ясно, что ни душа, ни части души не могут быть отделены от тела (если оно делимо); (?) так как они сами являются реальностью частей самого тела (?). Но ничего не препятствует некоторым <психическим частям быть отделенными от тела>, так как они не являются чьими бы то ни было реальностями» [Barnes, 1971, p. 105]. Как указывает Барнс, здесь нет никаких сложностей, если понятие части ($\mu\acute{o}\rho\iota\omicron\nu$) взаимозаменяемо с силой ($\delta\acute{\upsilon}\nu\alpha\mu\iota\varsigma$), без «субстанциалистских импликаций», то тогда становится ясным, что в таком случае психическое может быть отделено в этом смысле от телесного.

Что Аристотель имеет здесь в виду, Дж. Барнс изображает следующей схемой:

(A) x обладает душой $\Rightarrow \phi x$ (то есть если некто обладает душой, то он может выражен соответствующими физическими предикатами).

Выражение (A) совместимо с (B), выглядящим следующим образом:

(B) $(\exists\psi) (\psi x \Rightarrow \phi x)$.

Допуская, что ментальные предикаты могут соответствовать правой части определения (D2), получаем:

(C) $(\psi) (\psi x \Rightarrow x \text{ обладает душой})$.

При этом (A), (B) и (C) вместе несовместимы, поэтому, чтобы избежать этого затруднения, необходимо скорректировать (D2) в (D2'), звучащее следующим образом: « x обладает душой = df x может питаться ИЛИ (x может питаться и воспринимать) ИЛИ (x может питаться и воспринимать и двигаться самостоятельно) ИЛИ (x может питаться и воспринимать и двигаться самостоятельно и думать)» [Barnes, 1971, p. 105]. Это определение не порождает схему (C), в свою очередь, Аристотель придерживается (A) и (B) вместе.

Понятно, что душа и тело взаимосвязаны так, что состояния души принадлежат и телу, но можно ли говорить о том, что состояния души могут быть всецело к нему сведены? Ведь душевные состояния, чтобы быть таковыми, нуждаются в теле. Сам Аристотель говорит, что душевные состояния имеют основу в материи. Но при этом всегда ли «материя» означает некое физическое? По мнению Дж. Барнса, категории «материи» и «формы» изначально были введены для разгадки природы изменения, а потому не всегда под формой можно понимать нефизическое, а под материей наоборот. Можно говорить о взаимной относительности формы и материи, и то и другое определяет энтелехию вещи и ее свойства. Например, форма шара, как и его материя, определяет его свойства. Следовательно, основания души в материи нельзя определять субстанциалистски, но только с точки зрения свойств. Поэтому, например, схема (3) « $\psi\alpha$ означает $\phi\alpha \ \& \ P$, где под P

понимается неопределенное содержание» является в том смысле слабо физикалистским тезисом из-за того, что физические проявления сопровождается неясно концептуализированное содержание. А именно там, где Аристотель говорит о восприятии как душе глаза: «...если бы глаз был живым существом, то зрение было бы его душой» [Barnes, 1971, p. 108]. Очевидность зрения, как и других остальных чувств, для существа, обладающего ими, несомненна, и в их объяснении может быть дана физикалистская интерпретация. Но само восприятие как процесс содержит нефизикалистский нередуцируемый компонент. Как, например, эмоция гнева может содержать в себе чувство мести и т. д.

Можно ли приписать Аристотелю сильную версию физикализма? Дж. Барнс отрицает такую возможность. Хотя определенные места в аристотелевском тексте могут выглядеть как основания для такого приписывания. Это касается восприятия, где Аристотеля можно прочесть так, что органы чувств уподобляются ощущаемому и изменяются вместе с ним. В русскоязычном издании «О душе» можно сослаться на этот фрагмент: «Способность ощущения, как было сказано, в возможности такова, каково уже ощущаемое в действительности: пока она испытывает воздействие, она не подобна ощущаемому, испытав же воздействие, она уподобляется ощущаемому и становится такой же, как и оно» [Аристотель, 1976, с. 407]. Причинами, по которым Дж. Барнс отрицает такую возможность, является, во-первых, обычная эмпирическая проверка: «Когда я смотрю на стакан зеленого шартрез, мои глаза становятся зелеными» [Barnes, 1971, p. 109], что абсурдно. Во-вторых, из того, что восприятие является «изменением» (ἀλλοίωσις) органа чувств, не следует, что восприятие является именно физиологическим изменением. В-третьих, Аристотель, указывая, что восприятие общее по отношению к душе и телу, не говорит о том, что оно «исключительно физиологическое» [Barnes, 1971, p. 109]. В-четвертых, Дж. Барнс цитирует Аристотеля таким образом: «Обоняние, то это нечто выше <физического> претерпевания (424b20)», указывая на несводимость познаваемого таким образом к физиологическим объяснениям. В-пятых, физиологический анализ опирается на стандартные случаи «изменения» и «претерпевания», но восприятие – это не исключительно физиологическое изменение. Что касается интеллекта, то его понимание у Аристотеля демонстрируется в качестве исключения из ряда психических функций, связанных с телом. Хотя «два направления мысли, кажется, ведут к слабо физикалистской точке зрения и на νοῦς» [Barnes, 1971, p. 110], что связано с тем, что Аристотель постулирует эмпирический принцип, согласно которому познание начинается с ощущения, и, соответственно, с наличия органов.

С другой стороны, можно найти и места у Аристотеля, где этот эмпирический принцип не соблюдается. Мышление отличается тем, что объекты мысли «находятся в душе, значит мышление находится во власти человека в полной мере (417b23-4; 427b18), а мысль не ухудшается от мыслимого с большим напряжением, в отличие от слуха, ухудшающегося таким образом» [Barnes, 1971, p. 111]. Аристотель приводит примеры и других способов восприятия.

Следующим аргументом против слабо физикалистской точки зрения является то, что интеллект является бескачественным и не обладает определенным органом. Для решения этой дилеммы «печально известная пятая глава различает два

вида интеллекта» (Дж. Барнс). Один представляет собой «материю мысли» и «становящийся всем» – пассивный интеллект, неотделимый от тела. Другой «ум существует отдельно и не подвержен ничему, он ни с чем не смешан, будучи по своей сущности деятельностью» [Аристотель, 1976, с. 436]. Дж. Барнс интерпретирует пассивный интеллект как связанный чувствами и фантазией, активный (*creative*) связан с образованием понятий, но у человека активный интеллект в то же самое время зависит от пассивного. В целом, как указывает Дж. Барнс, решения проблемы приобретения знания, то есть соединения впечатлений пассивного и форм активного интеллекта, у Аристотеля нет. Единственное, что пятая глава отражает слабую версию физикализма ((4) « ψ влечет (entails) за собой ϕ , но не наоборот») для пассивного интеллекта и нефизикализма для активного. С одной стороны, в одних отрывках интеллект – это неразрушаемая сущность, существующая в душе, с другой – существует отдельно и вечно. В итоге физикализм (1) и (2) типа им отвергается, (3) тип характерен для большинства психических функций, а (4) тип, допускающий нефизикалистское прочтение, возможен для $\nu\omicron\upsilon\varsigma$ (ума) и $\beta\rho\epsilon\acute{\iota}\varsigma$ (воли) [Barnes, 1971, p. 113].

В общем и целом Дж. Барнс в своей статье указывает на историко-философские предпосылки проблемной ситуации, которая сложилась в англо-американской философии сознания (*philosophy of mind*) XX века. С одной стороны, позитивные науки требуют эмпирической верификации психических процессов и исходят из представления об уме как *tabula rasa*, с другой стороны, не все может быть объяснено в физикалистской интерпретации. Мало того, что существует нередуцируемый к телесному ментальный компонент, выражающийся в непосредственном знании носителя психики о своих ментальных состояниях. Существует и та проблема, которую можно было выразить известной формулой «кроме самого разума» Лейбница, хотя и сам немецкий философ в «Новых опытах о человеческом разумении» трактовал Аристотеля скорее как эмпирика (и, говоря современным языком, с сильно акцентированным физикалистским уклоном). Аристотель, согласно Дж. Барнсу, противоречив. Е.В. Орлов, анализируя более поздние исследования Дж. Барнса, пишет: «Дж. Барнс называет *An. post.* II, 19 двуликим Янусом, смотрящим и в сторону эмпиризма, и в сторону рационализма. Дело в том, что в этой главе Аристотель сначала пишет об опыте и индукции, заключая, что «начало эпистемы из опыта» (100a6-9), а в конце главы заговаривает об уме и заключает: «начало эпистемы – ум» (100b5—17). Таким образом, в одной главе в качестве начала эпистемы он называет и опыт, и ум. Возникает вопрос: как же, согласно Аристотелю, познаются начала – эмпирически, т. е. индуктивно, или же они постигаются умом, т. е. интуитивно?» [Орлов, 2003, с. 34].

Но можно констатировать ограниченность понимания Аристотеля в образе Одиссея (как проходящего между физикализмом и дуализмом, так и между эмпиризмом и рационализмом), выраженную в том, что когда автором анализируется схема, где «(3) ψ означает ϕ & P» (основной тип слабого физикализма), чувствуется некая недосказанность и неопределенность. Вполне возможно, она могла бы быть восполнена феноменологическим подходом, особенно в свете того, что один из предтеч феноменологии Франц Brentano строил свою систему, истоком которой было собственное прочтение аристотелевской психологии

[Брентано, 2002]. В данном случае неопределенное содержание Р вполне можно было рассматривать, например, как аналог неинтенциональных содержаний сознания, концепцию которых развил ученик Ф. Брентано – Э. Гуссерль. «Действительно имманентные содержания, которые принадлежат реальному (reell) составу переживаний, неинтенциональны: они выстраивают акт, как необходимые отправные пункты они делают возможным интенцию, но сами они не интендированы, они не предметы, которые представлены в акте. Я вижу не ощущения цвета, но вещи, обладающие цветом, я слышу не ощущения звука, но песню певички и т. д.» [Гуссерль, 2001, с. 351]. Это те переживаемые гилетические ощущения органического тела, которые, в свою очередь, не являются объектом восприятия, но лежат в основе процесса конституирования и, собственно говоря, анализ которых может быть дан феноменологически. Мы в данном случае не ограничены констатацией, что Р – это некое неопределенное содержание, оставляя за скобками как его природу, так и соответствующий феноменальный опыт.

Таким образом, при рассмотрении подхода Дж. Барнса возникает вопрос, какова роль историко-философского объяснения Аристотеля для философии как таковой и нуждаются ли в интерпретации Аристотеля физикалистские или дуалистические теории, живущие в рамках аналитической философии своей собственной жизнью и руководствующиеся собственной логикой? Прочтение Аристотеля при таком подходе вскрывает текстологические противоречия и aberrации, но в итоге греческий философ выступает своего рода, на первый взгляд, классическим схоластическим *auctoritas*, высказывающим противоречивые мнения по той или иной позиции. Но ведь схоластика, фиксируя данные противоречия, в свою очередь творчески перерабатывала перипатетическое наследие. История схоластической рецепции Аристотеля является ярким примером подхода, демонстрирующим свою продуктивность в определенном историко-культурном контексте, благодаря которому произошел переход от тех же имплицитных аспектов интенциональности, восходящих к еще более древним, чем Аристотель, авторам, к эксплицитной формулировке проблемы [Вдовина, 2020, с. 24]. То же самое можно сказать и, в частности, о феноменологическом проекте, заложенным Ф. Брентано и продолженным Э. Гуссерлем.

Поэтому выполняет ли Аристотель для современных проблем в прочтении Дж. Барнса задачи схожего масштаба – вопрос дискуссионный. Дело в том, что из того, что Аристотель может быть прочитан двояким образом, не следует ни того, что проблема физикализма/дуализма может быть решена с его помощью, ни того, что их собственные позиции могут быть каким бы то ни было образом улучшены ссылкой на его авторитет. Скорее здесь можно ограничиться только самим фактом наличия противоречий в его текстах. В этом смысле анализ сознания и разума у Аристотеля у Дж. Барнса не выходит за рамки чисто концептуального анализа, при этом для описания опыта сознания, а не его схемы, возможно, не хватает иного дополняющего теоретического языка.

Собственно, и другие исследования аристотелевского творчества в этот период деятельности Аристотелевского общества не опираются на предшествующие подходы континентальной философии. Это можно объяснить лишь описанной в самом начале статьи идейной ситуацией изолированности и игнорирования

континентальной философии британским философским сообществом, которая не только продолжается, но и усиливается в период 70-х годов XX века.

Список литературы

- Аристотель.** О возникновении животных. М.: Изд-во АН СССР, 1940. 250 с.
- Аристотель.** О душе // Соч.: в 4 т. / Ред. В.Ф. Асмус. М.: Мысль, 1976. Т. 1. 550 с.
- Аристотель.** О душе. М.: Гос. соц.-экон. изд-во, 1937. 180 с.
- Брентано Ф.** Психология Аристотеля в свете его учения о *νοῦς ποιητικός* // Историко-филос. ежегодник. М.: Наука, 2003. С. 308–340.
- Вдовина Г. В.** Интенциональность в средневековой и барочной схоластике // Филос. журн. 2020. Т. 13. № 3. С. 23–37.
- Гуссерль Э.** Собрание сочинений. М.: Гнозис, 2001. Т. 3. Логические исследования / Перев. с нем. В.И. Молчанова. 474 с.
- Дидикин А.Б., Беляев М.А., Нехаев А.В. и др.** Аристотелевское общество: 140 лет философских диалогов. М.: Проспект, 2021. 304 с.
- Орлов Е. В.** Аристотель об опыте и уме во «Второй Аналитике» II, 19 // Историко-филос. ежегодник. М.: Наука, 2003. С. 34–68.
- Рорти Р.** Случайность, ирония и солидарность / Пер. с англ. И. Хестановой, Р. Хестанова. М.: Русс. феноменол. об-во, 1996. 282 с.
- Baldwin T.** The Original Choice in Sartre and Kant // Proceedings of the Aristotelian Society, 1979. Vol. 80. P. 31–44.
- Barnes J.** Aristotle's Concept of Mind // Proceedings of the Aristotelian Society. 1971. Vol. 72. P. 101–114.
- MacKinnon D.** The Presidential Address: Idealism and Realism: An Old Controversy Renewed // Proceedings of the Aristotelian Society. 1977. Vol. 77. P. 1–14.

References

- Aristotle.** On the Generation of Animals. M.: USSR Ac. of Sci. 1940. (In Russian)
- Aristotle.** On the Soul // Works: In 4 vol. Vol. 1 / Ed. by V.F. Asmus. Moscow: Mysl', 1976. (In Russian)
- Aristotle.** On the Soul. M.: Gos. sots.-ekon. izd-vo, 1937. (In Russian)
- Baldwin T.** The Original Choice in Sartre and Kant // Proceedings of the Aristotelian Society, 1979. vol. 80. p. 31–44.
- Barnes J.** Aristotle's Concept of Mind // Proceedings of the Aristotelian Society. 1971. vol. 72. p. 101–114.
- Brentano F.** The Psychology of Aristotle *νοῦς ποιητικός* // History of Philosophy Yearbook. M.: Nauka, 2003. P. 308–340. (In Russian)
- Didikin A. B., Belyaev M. A., Nexaev A. V. et al.** Aristotelian Society: 140 years of philosophical dialogues. M.: Prospekt, 2021. (In Russian)
- Husserl E.** Works: In 3 vol. M.: Gnozis, 2001. Vol. 3. Logical research. (In Russian)
- MacKinnon D.** The Presidential Address: Idealism and Realism: An Old Controversy Renewed // Proceedings of the Aristotelian Society. 1977. vol. 77. P. 1–14.

- Orlov E. V.** Aristotle on experience and the mind in the Second Analytics II, 19 // History of Philosophy Yearbook. M.: Nauka, 2003. P. 34–68. (In Russian)
- Rorti R.** Contingency, Irony, and Solidarity. M.: Russ. Fenomenol. ob-vo, 1996. (In Russian)
- Vdovina G. V.** Intentionality in medieval and baroque scholasticism // Filosofskii zhurnal. 2020. Vol. 13. No. 3. P. 23–37. (In Russian)

Сведения об авторе

Роман Александрович Юрьев, кандидат философских наук,
доцент, Национальный исследовательский Томский государственный университет

Information about the Author

Roman Alexandrovich Yuriev, Candidate of Sciences (Philosophy),
assistant professor, National Research Tomsk State University

*Статья поступила в редколлегию 11.05.2023;
одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 30.05.2023*
*The article was submitted 11.05.2023;
approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 30.05.2023*

Научная статья

УДК 930.1 «20»

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-144-158

В. И. Ленин, Дж. Даймонд и М. Хайдеггер: Об одном аспекте понимания истории нового времени

Иван Ростиславович Соколовский

Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

sokolowski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1718-6115>

Аннотация

Статья рассматривает известный тезис В. И. Ленина о том, что капитализм сложился в результате изменения поведения крупных купцов, которые по достижению политического единства и складывании крупного рынка перешли от торговли к организации производства в более широком историческом контексте. Исследователи Сибири XVII века не находят исторического подтверждения ленинской схемы, однако она вполне применима к другим странам раннего нового времени и для рассмотрения механизма раннего этапа колониальной экспансии европейских держав (И. Р. Соколовский, 2019). В то же время Дж. Даймонд указал на границу между «нормальным» поведением человека на новых землях и поведением колонизаторов нового времени. Границей этой стал рациональный или квази-рациональный учет своих действий. М. Хайдеггер называет такой подход «поставом» (Gestell). «Постав» рассматривает окружающий мир как калькулируемый ресурс для самовозрастающей прибыли. На примере швейцарского винооторговца, умершего в Северной Америке в 1736 г., итальянский микроисторик К. Гинзбург показал, как в действительности действовали «капиталисты-купцы» и как в обыденной жизни выглядел тот «постав», который определял их действия: хищническое присвоение материальных и трудовых ресурсов постепенно становится на твердую базу рационального расчета.

Ключевые слова

В. И. Ленин, капитализм, колониальная экспансия, Дж. Даймонд, М. Хайдеггер, постав (Gestell), микроистория, К. Гинзбург

Для цитирования

Соколовский И. Р. В. И. Ленин, Дж. Даймонд и М. Хайдеггер: Об одном аспекте понимания истории нового времени // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 144–158. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-144-158

© Соколовский И. Р., 2023

Vladimir Lenin, Jared Diamond and Martin Heidegger: On one aspect of understanding of early modern history

Ivan R. Sokolovskii

Institute of History SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation
sokolowski@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-1718-6115>

Abstract

The article discusses in a broader historical context the well-known thesis of V. I. Lenin that capitalism was formed as a result of a change in the behavior of large merchants, who, after the state achieves political unity and forms a unified market, switch from trade to the organization of production. Researchers of the 17th century Siberia do not find historical confirmation of Lenin's scheme, however, it is quite applicable to other countries of the early modern period and to the mechanism of the early stage of the colonial expansion of European powers (I. R. Sokolovsky, 2019). At the same time, J. Diamond's research pointed out the boundary between "normal" human behavior in the new lands and the behavior of the colonizers of the early modern period. This boundary is a rational or quasi-rational accounting of one's actions. M. Heidegger calls this approach Gestell. Gestell considers the surrounding world as a calculated resource for self-increasing profit. Using the example of a Swiss wine merchant who died in North America in 1736, the Italian micro-historian K. Ginzburg showed how the merchants and "capitalists" actually acted and what the Gestell that determined their actions looked like in everyday life: predatory appropriation of material and labor resources is gradually getting a solid base of rational calculation.

Keywords

V. I. Lenin, capitalism, colonial expansion, J. Diamond, M. Heidegger, Gestell, micro-history, K. Ginzburg.

For citation

Sokolovskii I. R. Vladimir Lenin, Jared Diamond and Martin Heidegger: On one aspect of understanding of early modern history. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 144–158. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-144-158

Знание исторических фактов само по себе не создает понимания истории. К сожалению, эта простая и очевидная мысль не является особо популярной среди тех, кого она касается. Кроме того, даже если бы люди понимали бы проблему, это не снимало бы трудностей самого понимания. Например, путем простого наблюдения мы видим, что в XVII веке в северном полушарии происходят большие и скоординированные перемены, которые к 1700 г. затрагивают почти все общества этой части планеты и частично «выплескиваются» за ее пределы, затрагивая ряд обществ Южной-Америки и Юго-Восточной Азии. Однако это наблюдение не ведет к автоматическому пониманию. Так исторически сложилось, что больше всего попыток понимания истории в XX веке делалось в рамках гегелевской философии истории (см., например: [Хут, 2010]). В рамках этого подхода была сформулирована определенная система понятий, которая до некоторой степени позволяла объяснять исторические события. Как мы попытались показать в своих работах (например, [Соколовский, 2019]), – советские историки не смогли проиллюстрировать эти построения, анализируя Сибирь XVII века: русские купцы, занятые в сибирской торговле не создавали рассеянных мануфактур по причинам большого налогового гнета, военных действий, возможностей извлекать выгоды

из социального статуса и отсутствия у них достаточной автономии¹. Однако сам подход возможно проиллюстрировать на материале Западной Европы и ее колоний нового времени.

На вопрос о причинах колониальных захватов и первых ростков капитализма существует довольно четкий ответ В. И. Ленина, что стремление к прибыли при появлении «политического единства» привело к складыванию единого всероссийского рынка, а его возможности привели к изменению поведения (открытию возможности не только перепродавать, но и производить требуемые предметы потребления и средства производства, причем в товарных количествах). Исследуя некоторые экологические ниши, где паттерны человеческой деятельности имеют ярко выраженные экологические последствия, Дж. Даймонд показал, что стремление людей к наживе не нуждалось в «политическом единстве», а реализовывалось всегда и везде так, что мы иногда можем заметить, что оно, мягко говоря, недальновидно, о чем подробно будет сказано ниже. Можно предположить, что гипотеза В. И. Ленина исходит просто из масштаба явления, когда оно становится видимым. Но можно предположить также и другое, что мы имеем дело не только с количественным ростом, но и с качественным изменением. М. Хайдеггер связывает изменение человеческого поведения со способами отношения к философии, что будет детально раскрыто во второй части статьи. Восприятие философии как метафизики позволяет сформировать инструментальное, техническое отношение к миру, которое он называет «постав» (Gestell). Это отношение позволяло колонизаторам рационально исчислять прибыли и убытки, а значит делало все действия более эффективными, даже если расчет оказывался не всегда верным. В заключение мы приведем исторический пример швейцарского предпринимателя, который хотел поставить колонизацию новых земель Северной Америки и Австралии на рациональную основу, черпая аргументы из Библии. В интерпретации этого примера мы расходимся с его первооткрывателем, итальянским историком К. Гинзбургом. К. Гинзбург считал, что этот пример показывает отсутствие у колонизаторов «протестантской этики», по Веберу, на наш же взгляд он представляет собой один из ранних примеров отношения к жизни как «поставу», когда даже библейские страницы становятся руководством к наживе. Обобщая, мы мо-

¹ В статье «О “капитале” и “капитализме” в работах советских историков» [2019] мы отмечали, что капиталисты-купцы, увидев огромный рынок (от Курска до Охотска) не бросились создавать рассеянную мануфактуру, чтобы обменять, условно, дешевые шерстяные ткани на дорогие меха. А производства вроде солеварен или пивоварения часто терпели крах. И причина, скорее всего, не в рисках, как можно было бы подумать, находясь внутри ситуации, а в приоритетах. Мануфактурное производство возникает в России, только получив гарантированный сбыт, т.е. уже в XVIII веке. Суть нашей статьи в том, чтобы «перекинуть мостик» между В.И. Лениным и М. Хайдеггером. Мы исходим из того, что колониализм рационален в плане получения прибыли. Более того, легко найти много эмпирических данных, которые можно использовать для обоснования той или иной теоретической гипотезы о его «рациональности». В определенном контексте мы можем сказать, что в данном случае рациональность – это «бухгалтерия грабежа». И в этом смысле интересен Дж. Даймонд, который показывает, что люди делали на всех новых землях только то, что уже умели ранее. Более того, здесь уместна мысль М. Хайдеггера, подчеркивающего, что для этого исторического периода характерна задача максимизации материального (вместе со стратегией защиты «своих» материальных благ от посягательств других людей, добавим уже от себя). Концепция В.И. Ленина «работает» для европейцев: они перешли к новому типу производства после того, как обогатились за счет колониальной политики, но в России XVII века, по-видимому, этого не произошло.

жем сказать, что несколько изолированных примеров Дж. Даймонда показывают, что люди определенным образом всегда относятся к имеющимся ресурсам, но капиталистическое измерение возникает не по Ленину, вместе с формированием политического единства и общего рынка, а, наоборот, – эти явления следуют за изменившимся отношением к миру (по М. Хайдеггеру).

Ленинский тезис о причинах складывания капиталистических отношений

В 1894 г. в работе «Что такое “друзья народа” и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи “Русского богатства” против марксистов)» В. И. Ленин писал: «...только новый период русской истории (примерно с XVII века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех таких областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это вызвано было не родовыми связями, почтеннейший г. Михайловский, и даже не их продолжением и обобщением: оно вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было не чем иным, как созданием связей буржуазных» [Ленин, 1958а, с. 153–154]. В книге «Развитие капитализма в России» в 1899 г. В. И. Ленин сохранил прежнее отношение к «периоду новой истории»: «Рынок есть категория товарного хозяйства, которое в своем развитии превращается в капиталистическое хозяйство и только при этом последнем приобретает полное господство и всеобщую распространенность. Поэтому для разбора основных теоретических положений о внутреннем рынке мы должны исходить из простого товарного хозяйства и следить за постепенным превращением его в капиталистическое» [Ленин, 1958б, с. 21–22].

Одним из способов понимания является сравнение. Оно позволяет провести границу между двумя понятиями. Для В. И. Ленина капиталистическому хозяйству «нового времени» противостоит хозяйство «натуральное»: «При натуральном хозяйстве общество состояло из массы однородных хозяйственных единиц (патриархальных крестьянских семей, примитивных сельских общин, феодальных поместий), и каждая такая единица производила все виды хозяйственных работ, начиная от добывания разных видов сырья и кончая окончательной подготовкой их к потреблению». [Ленин, 1958б, с. 21–22]. Сейчас мы понимаем, что в такой картине мира нет ни добычи и производства металла (которое даже в самых примитивных обществах не происходит в «патриархальных крестьянских семьях»), ни торговли на больших расстояниях (которая в протоформе встречается еще на заре цивилизации), ни межобластного обмена. Тут представлена весьма упрощенная модель, смысл которой показать, что всё это существует, пока на сцене истории не появляется «товарное хозяйство»: «при товарном хозяйстве создаются разнородные хозяйственные единицы, увеличивается число отдельных отраслей хозяйства, уменьшается число хозяйств, производящих одну и ту же хозяйственную функцию» [Там же]. В. И. Ленин отмечает, что «этот прогрессивный рост общественного разделения труда и является основным мо-

ментом в процессе создания внутреннего рынка для капитализма» [Там же]. Если у нас есть небольшое число специализированных хозяйств одного вида, то вступление их в череду обменных операций неизбежно. Ибо, производя специализированный товар, они не могут удовлетворить все нужды, все потребности людей, которые в них заняты. Люди, которые заняты производством табака, должны обменивать его хотя бы на кукурузу и сушеную рыбу, иначе производственный цикл прекратится по вполне понятным естественным причинам. Но дальше – больше: В. И. Ленин обращается к К. Марксу. И теперь читателю надо внимательно следить за руками: «В товарном производстве и его абсолютной форме – капиталистическом производстве, – говорит Маркс, – продукты лишь постольку являются товарами, т. е. полезностями, имеющими меновую стоимость, подлежащую реализации – превращению в деньги, – поскольку другие товары составляют эквивалент для них, поскольку другие продукты противопоставляются им как товары и как стоимости; другими словами, постольку поскольку эти продукты производятся не как непосредственные средства существования для тех, кто произвел их, а как товары, как продукты, превращающиеся в потребительные стоимости лишь посредством превращения в меновую стоимость (деньги), посредством отчуждения. Рынок для этих товаров развивается вследствие общественного разделения труда; разделение производительных работ превращает их продукты взаимно в товары, в эквиваленты друг для друга, заставляя их служить один для другого рынком» («Das Kapital», III, 2, 177–178)» [Ленин, 19586, с. 21–22]. Т.е. специализация ведет не только к обмену, но и к уравниванию всех «потребительных стоимостей» через «меновую стоимость» (деньги), которая, кстати, начинает жить собственной жизнью, раскручивая маховик рынка. Если мы еще добавим сюда «самостоятельную жизнь» долгов, сначала как векселей, потом как акций, облигаций и пр. инструментов, то увидим самозарождение и формирование весьма сложной «машинерии» за кулисами мира капиталистического изобилия.

Мы полагаем, В. И. Ленин выстраивал примерно такую логику развития рыночного механизма: объединение страны создает возможности для торговли тех купцов, которые уже есть, они получают возможность продавать свои товары не только в самых отдаленных уголках, но и во все возрастающих объемах, постоянно богатея, что меняет их образ действий. Поскольку на первоначальном этапе эта торговля удовлетворяет уже существующие потребности и еще не создает новых, то достаточно легко происходит процесс перехода на следующую стадию развития: снижения издержек производства. Перемена происходит тогда, когда «организаторы производства» переходят от простой скупки ремесленной продукции к организации рассеянной мануфактуры, где каждое действие становится дешевле, так как специализируется. На следующем этапе в дело вступают технические усовершенствования. Такие крупные игроки на рынке повседневных товаров разоряют своих мелких конкурентов, насильно вырывают их из системы феодальных отношений, постепенно ведут к росту городов (где, например, процветает международная торговля), которые могут аккумулировать и вовлечь в капиталистическое производство разоренные феодальные низы в качестве мануфактурных рабочих. Эти процессы разгоняют спрос не только на товары и услуги, которые раньше производились в крестьянском хозяйстве, а теперь производят-

ся мануфактурно, но и на продуктах питания, что позволяет перестроить на капиталистических началах уже сельское хозяйство. «Промышленная революция», т.е. широкое использование машин и механизмов там, где ранее использовался ручной труд, вызывает переход от мануфактуры к фабрике. Социальная основа этого перехода – купцы-капиталисты, стремящиеся превратить свои деньги в «капитал» (т. е. деньги, способные приносить ежегодную прибыль), и разоренные ими ремесленники и крестьяне, выброшенные на рынок свободного труда. Хотя такое объяснение не работало на материале отечественной истории, особенно истории сибирской, но в целом оно более или менее адекватно отражало ситуацию в «ядерных» для данного типа хозяйствования странах (Англии, Голландии, Франции и проч.) (подробнее см.: [Соколовский, 2019, с. 161-163])

Кроме того, не очень ясен механизм, который понуждает купцов заняться производством. Жажда наживы? Хорошо, а где была эта жажда наживы до политического единства? Конечно, эффект снижения издержек в рамках одного раздробленного княжества не так, но всё же ощутим. Что мешало техническим инновациям в условиях татаро-монгольского ига? Почему они возникают только на излёте истории Московского царства при переходе к Петербургской империи?

В современных условиях накоплен большой материал по наблюдению за конкретными обществами, которым В. И. Ленин и К. Маркс располагали лишь частично. Антропологи и археологи сумели изучить часть бесписьменных обществ, которые, находясь в относительной изоляции, сумели разрушить свою среду обитания до такой степени, что жизнь в этих местностях прекратилась на довольно долгое время, если не навсегда. Анализируя целый ряд изолированных обществ, которые пришли к тотальному «коллапсу», профессор географии Джаред Даймонд пытался установить причины этого и заодно выявил целый ряд черт человеческого поведения, которые могут быть нам интересны в обсуждении движущих мотивов и механизмов поведения героев ленинского тезиса.

Дж. Даймонд о приемах хозяйственного поведения человека

Столкнувшись с проблемой «саморазрушительной» хозяйственной деятельности со стороны некоторых сообществ (викингов Гренландии и Исландии, аборигенов острова Пасхи и каньона Чако), Дж. Даймонд попытался сформулировать причины такого поведения. Он выделил четыре фактора: «Во-первых, группа может оказаться неспособной предвидеть проблему до ее появления. Во-вторых, когда проблема все-таки возникла, группа может оказаться неспособной ее увидеть. Затем, если проблема все-таки обнаружена, группа может оказаться неспособной ее решить. И наконец, даже если группа попытается решить проблему, она может потерпеть неудачу». Поэтому, делает он вывод, «если мы поймем, почему группы часто принимают неверные решения, то сможем использовать эти знания, чтобы научиться принимать верные решения» [Даймонд, 2008, с. 584].

Однако, если взглянуть в тот исторический материал, который он собрал и обобщил, то в нем обнаружится мало места для излучаемого им оптимизма. Например, он перечисляет задачи, которые «ставили» и «решали» реконструируемые им по археологическим данным «элиты» погибших обществ: 1) личное обогаще-

ние; 2) ведение военных действий; 3) сооружение памятников (в рамках символического соперничества); 4) соперничество за взимание с подданных достаточного количества податей, прежде всего продуктов питания. И далее он делает печальный, но, похоже, верный вывод: «Как и большинство правителей на протяжении человеческой истории, цари и аристократия майя не обращали внимания на долгосрочные проблемы» [Даймонд, 2008, с. 234].

Причем, согласно Дж. Даймонду, цивилизованность не делает поведение людей лучше или разумнее в этом отношении. «Датчане, появившись в Гренландии в XVIII веке», могли предложить «примитивным варварам» ту же программу: они могли их 1) убивать; 2) грабить; 3) брать в жены их женщин; 4) отбирать землю; на худой конец 5) торговать, но, мы, в отличие от Дж. Даймонда, догадываемся, в чью пользу будет торговый баланс этих операций. Автор отмечает, что «позже европейцы научились решать эти вопросы, имея наготове целый ряд различных вариантов взаимодействия и выбирая наиболее подходящий для конкретной ситуации, с учетом многих факторов: в большинстве европейцы или нет, достаточное ли у колонизаторов европейских жен или нужны туземные женщины, есть ли у туземцев какие-либо предметы или материалы, которые можно было выгодно перепродать в Европе, привлекательны ли земельные владения туземцев для европейских поселенцев и так далее». То же самое «меню», но уже под соусом «рациональности» [Даймонд, 2008, с. 363]. Весьма характерным является, например, поведение викингов в отношении христианства: «Церкви и монастыри являлись для них всего-навсего легкой и лакомой добычей, очевидным источником наживы», т.е. такие «супермаркеты» бесплатных «ништяков». Заходи, кто хочешь, бери, что хочешь [Там же, с. 253].

Интересны и приводимые им контрпримеры такого поведения: например, оказавшаяся в изоляции из-за страха перед мощным иноземным вторжением Япония в эпоху Токугава пришла к тому, что была вынуждена полагаться только на собственные силы «и не могла удовлетворить потребности грабежом ресурсов соседей» [Даймонд, 2008, с. 423]. На протяжении нескольких страниц Дж. Даймонд красочно описывает почти семьдесят лет «экологической политики» доминиканских диктаторов, которым в конечном итоге удалось сохранить леса на водоразделах в Доминиканской республике (в соседней республике Гаити они были фактически вырублены). Один из ярких «положительных» персонажей этой саги – Хоакин Балагер – «честно выиграл президентские выборы в 1986 году, но прибегал к обману, насилию и запугиванию, чтобы обеспечить свое избрание в 1966 году и переизбрание в 1970, 1974, 1990 и 1994 годах; ...использовал собственные команды головорезов для убийства сотен или даже тысяч членов оппозиции; ...отдавал приказы о многочисленных насильственных выселениях бедняков из национальных парков. Многие незаконные лесорубы были убиты с его молчаливого согласия или же по прямому приказу» [Даймонд, 2008, с. 473–477]. Однако близорукость, с которой действовали его противники в «лесном вопросе», тоже впечатляет.

Эта история хорошо отражает один из движущих моментов экологической близорукости человека. Описывая ситуацию в Северной Европе, Дж. Даймонд пишет, что 1) «награбленное в Европе добро было необходимо для привлечения

на свою сторону союзников и последователей»; кроме того, 2) «кто проигрывал в междоусобных стычках у себя дома, получали дополнительный стимул попытаться счастья на чужбине» [Даймонд, 2008, с. 210]. Кроме того, чем скуднее ресурсы, тем энергичнее становятся конфликты за обладание ими, особенно если раньше всем хватало [Там же, 2008, с. 242].

Особенно плохо дело обстоит там, где возможна приватизация прибылей от какого-либо ресурса и коммунитаризация (обобществление) издержек. Часто это порождает т.н. «трагедию ресурсов общего пользования». Предположим, что все жители острова обрабатывают одно картофельное поле, а полученный урожай делят поровну (это почти реальный пример, правда, на британском острове Тристан-да-Кунья общее картофельное поле разделено на частные участки). Тогда все работающие будут заинтересованы в том, чтобы поле как можно дольше сохраняло свою урожайность. Но если мы имеем дело с пастбищем, которое теряет свое плодородие по мере увеличения числа овец (а шерсть можно очень выгодно продать), то, скорее всего, владельцы овец будут думать: «Если я перестану... пасти своих овец, ... пасти своих овец будут другие... пастухи. Так лучше уж это буду делать я». Он отмечает, что существуют даже такие индивиды, «которые считают, что могут достичь собственных интересов, только нанося ущерб другим людям». «Злоумышленники вполне осознанно идут на преступления, особенно если не встречают отпора или если этот отпор незначителен. Они чувствуют себя в безопасности в силу своей эффективной немногочисленности и сильно мотивированы перспективой получить большую, вполне конкретную и немедленную выгоду, а все издержки при этом равномерно распределяются по остальной массе людей». К его вياщему возмущению «ученые называют такое поведение «рациональным» именно потому, что оно подразумевает рациональную аргументацию, даже если эта аргументация предосудительна» [Даймонд, 2008, с. 592]. Дж. Даймонд с горечью заключает: «Таким образом, суть “рационального поведения” заключается в том, чтобы опередить в потреблении другого, несмотря на то что результатом может стать крах общества и нанесение вреда всем потребителям» [Там же, с. 593, 594].

Дж. Даймонд считает, что эмоциональная связь и чувство солидарности с большой группой людей часто толкают людей на такие поступки, которые бы они не совершили, если бы у них была бы возможность обдумать их в тишине и одиночестве [Даймонд, 2008, с.605]. В результате у многих человеческих сообществ вырабатывается гибкая система действий, которые они применяют ради удовлетворения своей алчности. Викинги, постоянно двигаясь по разным маршрутам, начинали свои контакты с местным населением с мирной торговли, но если видели слабость своих контрагентов, то переходили к вымогательству под обязательством не применять силу, и даже могли перейти к прямому грабежу, убийствам и увенчать этот нехитрый список захватом земель [Там же, с. 243]. Объектом разграбления, прежде всего экономического, мог стать любой ресурс от оазиса в каньоне Чако в Северо-Западном Нью-Мексико до берегов Гренландии и Исландии (см.: [Даймонд, 2008, с. 181]). О плодах деятельности других людей мы уже говорили.

Любая «инновация» чаще всего выливалась в перенесения старых приемов на новую почву. Появление драккаров у викингов позволило им кратковремен-

но пограбить почти всю Европу, то же произошло с испанцами и португальцами на пять веков позже. Даже полинезийцы использовали в своих «колониальных захватах» определенные инновации (см.: [Даймонд, 2008, с. 245]). Дж. Даймонд печально отмечает, что «за последние 50 000 лет на всех островах и континентах, на которые впервые ступал человек, происходила усиленная эксплуатация и гибель большинства основных морских рыбных промыслов, вымирание большого числа крупных млекопитающих, птиц и рептилий» [Там же, с. 595]. В другом месте он метко заметил, что человечество похоже на бодрых бактерий в чашке Петри, которые, скажем, удваиваются за одно поколение и на предпоследней итерации бодро заявляют: «Без паники, ребята! У нас свободна еще половина чашки!». Потом число бактерий снова удваивается, чашка оказывается занята полностью, и бактериям не остаётся ничего, кроме как... несколько сократить свою численность.

В объяснении успешности и неуспешности разных обществ Дж. Даймонд, как и положено профессору географии, склоняется к географическому детерминизму (см. [Даймонд, 2008, с. 567]). Не обращает он внимания на поставленные в мире крупные социальные эксперименты, когда однородные в природном отношении местности были поделены между разными политическими образованиями и достигли разных результатов. В плане критики Дж. Даймонда отметим, что рациональное поведение человека, ничем не отличающееся от рационального поведения тропических хищников, которые запасов не делают и учет убойного стада не ведут, пока привело к катастрофам только в отдельных изолированных местностях. В остальном мире людям казалось, что их так мало, а мир такой большой и бесконечный, что ресурсов хватит на всех и навсегда.

Работы Дж. Даймонда встретили определенный интерес в отечественной науке, который колеблется от простого упоминания в списке литературы (см., например [Сафонов, 2015; Хут, 2010, с. 22]) до замечаний в обзоре про «прорывы к ценным макросоциологическим обобщениям» (см., например: [Розов, 2014; Олдрич, 2004, с. 12]) или про объяснение «смены культур и культурных катастроф (от Гордона Чайлда до Колин Ренфрю, Льва Клейна, Юрия Лотмана и Джареда Даймонда)», которые «привели к пониманию некоторых универсальных законов, которые управляют процессом культурного развития» (подробно см.: [Ткачук, 2015]); до признания легитимности географического детерминизма Дж. Даймонда [Балацкий, 2021, с. 36–52] и попытки объяснения феодализма через механизмы насильственного изъятия продовольственных запасов (см.: [Дерлутьян, 2017]). По мере распространения по планете людей, занятых производящим хозяйством, их хищнические привычки приводили к локальным природным катастрофам. Это показывает, что сиюминутные цели люди всегда и везде ставили выше долгосрочных, но не это заставило их развернуть процесс европейской колонизации, который позднее привел к фланированию капиталистического производства.

М. Хайдеггер о мировоззренческом переломе XVII в.

Суть капиталистического подхода к миру раскрыл Мартин Хайдеггер. Отметим, что фигура М. Хайдеггера остаётся довольно популярной в отечественной

философской традиции, несмотря на попытки примитивизировать его позицию и свести всё к его весьма неудачному политическому опыту и неполиткорректным взглядам (см., например, работы сибирских философов [Философия, 2018, с. 22, 37, 49, 83, 120])

Хайдеггер не был историком. Но то, что происходило в XVII в., часто упоминалось в его работах. Правда, речь в этих упоминаниях шла по большей части о «метафизации» философии, о чем М. Хайдеггер, как верный в прошлом ученик иезуитов знал не понаслышке. В связи с этим вопросом он часто возвращался к фигурам П. да Фонсеки и Ф. Суареса [Heidegger, 2006, с. 4]. Упомянул отношения мистицизма Якова Бёме и современного ему восточного коммунизма [Heidegger, 2013, с. 875]. Рассматривал отношение христианства Воли-к-воле [Heidegger, 2015, с. 90]. Но была одна тема, которую он затрагивал и как вопрос о сущности философии Декарта, о его математической ориентированности [Heidegger, 2006, с. 105] и как вопрос о технике. При этом надо помнить, что мышление М. Хайдеггера весьма исторично. Например, он не склонен опрокидывать наше видение сегодняшнего в прошлое и слово *physis*, например, «подразумевает небо и землю, растения и животных, а также известным образом и человека. Это слово означает некоторую особую область сущего, которая у Аристотеля, как и в школе Платона, остается отграниченной, собственно говоря, от *ethos* и *logos*» [Хайдеггер, 1991, с. 45].

В работе «Вопрос о технике» М. Хайдеггер прямо утверждает, что «по историографическому счету времени начало современного естествознания приходится на XVII век. Машинная техника, напротив, развивается только со второй половины XVIII века. Но более позднее для исторической фактографии – современная техника – по правящему в ней существу есть более раннее событие» [Хайдеггер, 1993а, с. 230]. В этой работе М. Хайдеггер откровенно высмеивает представления, что техника есть всего лишь средство для достижения целей. И, с еще большим сарказмом, что техника это просто известного рода человеческая деятельность (см.: [Хайдеггер, 1993а, с. 221]). Верные по форме, эти утверждения не приближают нас к существу проблемы, а удаляют. Как если бы кто сказал, что герои Дж. Даймонда умерли от голода. И не сказал, что именно в их действиях привело к этому голоду.

Суть техники хорошо видна в контексте того, что если мир расчленяется на цели и средства, то, соответственно, есть в этом мире и инструменты, и причины [Хайдеггер, 1993а, с. 222]. Однако в таком целесообразном мире невозможно добиться целей, если они не будут достигаться соответствующими средствами. Средства, не ведущие к цели, не будут истинными. Следовательно, мир как предмет инструментализации должен предполагать определенное овладение человеком истиной. Однако, как известно, познание истины делает нас [Там же, с. 228]. М. Хайдеггер остроумно отмечает, что соотношение естествознания и техники напоминает устройство вечного двигателя. Чем лучше техника, тем сильнее естествознание, а чем лучше естествознание, тем лучше техника. Современникам расшифровки ДНК, клонирования, беспилотных устройств и нейросетей вряд ли надо подробно объяснять этот вопрос, который был затронут более семидесяти лет назад [Хайдеггер, 1993а, с. 230].

И тут мы подходим к сути вопроса. Такое видение мира «с самого начала несет в себе установку на воспроизводство, на увеличение производительности в смысле извлечения максимальной выгоды при минимальных затратах» [Хайдеггер, 1993а, с. 226]. Поэтому каждый элемент природы оказывается просто ресурсом, вовлеченным в этот процесс. Например, река Рейн оказывается просто гидроресурсом с определенным дебетом воды: «В системе взаимосвязанных результатов поставки электрической энергии сам рейнский поток предстает чем-то предоставленным как раз для этого» [Там же, с. 226]. Такой подход перемалывает не только социальность, человека, но и сам человеческий язык: «Постав, размаставшееся во все стороны существо современной техники, составляет себе формализованный по заказу язык, тот способ информирования, в силу которого человек униформируется, т.е. конформируется в технически-исчисляющее существо, шаг за шагом утрачивая “естественный язык”» [Хайдеггер, 1993б, с. 270–271].

Комментируя речь Н. С. Хрущева, М. Хайдеггер отмечает, что такое видение мира не имеет физических границ. Космос так же может быть подвергнут калькуляции, переработке и утилизации, как и все остальное, ибо «техническое осуществление того самого, что в течение трех столетий со все большей решительностью и исключительностью составлялось в качестве природы, такой-то природы, и что теперь поставляется как всемирный, межзвездный постав» [Хайдеггер, 2008, с. 423]. Конечно, М. Хайдеггер не рассматривал себя как «философа техники», а безумие «постав» как норму; указав на суть этого явления, он призывал двигаться дальше: «То, что благодаря современному техническому миру мы узнаем в поставе как в конstellации бытия и человека, есть пролог к тому, что зовется со-бытием. Ему, однако, нет нужды вечно задерживаться на своем прологе» [Хайдеггер, 1997, с. 125].

«Постав» на историческом примере швейцарского купца

Нельзя сказать, что историки вообще не интересуются пониманием истории. Фернан Бродель в 1960 употребил термин «микроистория». Она была для него синонимом истории эфемерных событий [Медик, 1994, с. 193], но этот термин зажил собственной жизнью и стал знаменем целого направления, одним из вдохновителей которого стал итало-франко-американский историк Карло Гинзбург. Ханс Медик не только сообщает нам научную биографию К. Гинзбурга, но и указывает, что в ее основании лежит кризис того представления о модерне, которое было захвачено хайдеггеровским поставом. Микроистория возникает, когда возникает «ослабление идентификации с более крупными общностями, будь то нация или государство, крупные партии, профсоюзы или прогрессистские движения» [Медик, 1994, с. 195].

Нам интересна одна работа К. Гинзбурга, где он рассматривает персонажа, который, по его мнению, не вписывается в веберовское понимание истории капитализма раннего нового времени. В 1695 г. Жан-Пьер Пюрри в возрасте примерно двадцати лет был назначен сборщиком налогов близ Невшателя, через год он от этой должности отказался. В сентябре того же года Жан-Пьер женился на дочери пастора и занялся виноторговлей. В 1709–1711 гг. он занимал долж-

ность мэра небольшого городка. С 1713 по 1718 год он находился на службе Ост-Индской компании и провел почти четыре года в Батавии. В 1718 г. он пишет голландцам записку о колонизации Южной Африки и/или Австралии. Ссылается он в своем тексте на то, что климат для виноделия одинаков как в широтах северного, так и южного полушария. В 1719 г. его план был отвергнут. В 1724 г. он предлагает англичанам колонизацию Южной Каролины несколькими сотнями швейцарских протестантов, опять же отстаивая свою теорию «климата, благоприятного для виноделия», которую он почерпнул из Библии. В 1731 г. получает патент на этот проект. В 1732 г. издает свой план отдельной брошюрой. В 1736 г. он умер в Северной Каролине. К концу века один из его сыновей был весьма богат. Карло Гинзбург пишет об этой карьере и сопровождавших ее текстах: «Жан-Пьер Пюрри, предприниматель-протестант, который подчеркивал необходимость силы для того, чтобы ввести ленивых, нецивилизованных аборигенов в царство изобилия, несовместим с идеальным типом Вебера. Если я не ошибаюсь, история Пюрри заставляет переоценить с четко фокусированной и неожиданной точки зрения соответственно сильные и слабые места двух самых влиятельных социальных мыслителей нашего времени»².

Однако, на наш взгляд, всё обстоит ровным счетом наоборот. В этом историческом примере мы видим того самого ленинского купца-капиталиста, который, поднимаясь и падая, всё время влачим в сторону наживы, которую он стремится извлечь не случайно, а с помощью поставы, калькулирующего извлечение и поставление действительности на службу этому всеохватному процессу. Нам не должно отекать от сути явления, что источником для его расчета была Библия. Главное, что он читал ее не как христианин, для утешения и спасения, а как адепт совсем другой религии. Начиная с эпохи нового времени золотому тельцу приносятся не случайные жертвы, а тщательно обмеренные, взвешенные и химически проанализированные.

Таким образом, наша гипотеза относительно эпохи раннего периода формирования капитализма и / или раннего периода эпохи колониальных захватов заключается в том, что в основе этого процесса лежит присваивающий характер поведения человека. На этой основе (которая наблюдается эмпирически от викингов до полинезийцев и даже изолятов вроде острова Пасхи и каньона Чако, не говоря уже о современных обществах США, Гаити и Доминиканской республики) в XVII в. формируется новое отношение к миру, которое ставит это поведение на рациональную, рассчитывающую основу – на то, что М. Хайдеггер называет «постав» и противопоставляет другим возможным отношениями к бытию сущего.

У нас остался всего один вопрос: как же так случилось, что такое видение мира неожиданно стало захватывающим и заменило все другие формы восприятия реальности, включая собственно философский? М. Хайдеггер ответа не дает.

² См.: Гинзбург К. Широты, рабы и Библия: опыт микроистории // НЛО. 2004. № 1. URL: <https://magazines.gorky.media/nlo/2004/1> (дата обращения: 21.06.2023).

Список литературы

- Heidegger M.** Geschichte der Philosophie von Thomas von Aquin bis Kant (Winter semester 1926/27) / Hrsg. Helmuth Vetter. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann Verlag, 2006. XII, 248 p. (Gesamtausgabe. Bd. 23)
- Heidegger M.** Zum Ereignis-Denken / Hrsg. Peter Trawny. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann Verlag, 2013. XCVIII, 1496 p. (Gesamtausgabe. Bd. 73.1)
- Heidegger M.** Anmerkungen I-V. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann Verlag, 2015. 530 S. (Gesamtausgabe. Bd. 97)
- Балацкий Е. В.** Принцип согласованности в теории социального развития // Terra Economicus. 2021. 19. № 1. С. 36–52. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-36-52
- Даймонд Дж.** Коллапс. Почему одни общества выживают, а другие умирают. М.: АСТ, 2008.
- Дерлугьян Г. М.** Советская революция 1905–1945: тезисы к первому столетию // Неприкосновенный запас. Дебаты о политике и культуре. 2017. № 5(115). С. 80–96.
- Ленин В. И.** Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? (Ответ на статьи «Русского богатства» против марксистов) // Ленин В. И. Соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1958а. Т. 1. С. 153–154.
- Ленин В. И.** Развитие капитализма в России // Ленин В. И. Соч. 5-е изд. М.: Политиздат, 1958б. Т. 3. С. 21–22.
- Медик Х.** Микроистория // THESIS. 1994. Вып. 4. С. 193–202.
- Олдрич Х.** Интервью // Экономическая социология. 2004. Т. 5. № 5. С. 6–19.
- Розов Н. С.** Макросоциологические теории последней трети XX – начала XXI в. // Теория и методология истории: учебник для вузов / Отв. ред. В. В. Алексеев, Н. Н. Крадин, А. В. Коротаев, Л. Е. Гринин. Волгоград: Учитель, 2014. С. 167–183.
- Сафонов А. Л.** Нации и этносы в историческом процессе: проблемы философской концептуализации: Монография. М.: МГИУ, 2015.
- Соколовский И. Р.** О «капитале» и «капитализме» в работах советских историков // Сиб. филос. журн. 2019. Т. 17. № 2. С. 158–173.
- Ткачук М. Е.** Грядущее прошлое или настоящее будущее? Левая реформация против либеральной архаики // Своб. мысль. 2015. № 2(1650). С. 5–22.
- Философия, наука, гуманизм в эпоху глобальной турбулентности : сб. науч. тр. Всеросс. науч. конф. Новосибирск: НГУ, 2018.
- Хайдеггер М.** Изречение Анаксимандра // Разговор на проселочной дороге / Ред. А.Л. Доброхотов. М.: Высш. шк., 1991. С. 28–69.
- Хайдеггер М.** Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 221–238.
- Хайдеггер М.** Путь к языку // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления. М.: Республика, 1993. С. 259–273.
- Хайдеггер М.** Тождество и различие / Ред. О. Никифоров. М.: Логос, 1997.
- Хайдеггер М.** Записки из мастерской // Хайдеггер М. Исток художественного творчества / Пер. с нем. А.В. Михайлова. М.: Акад. проект, 2008. С. 422–424.
- Хут Л. Р.** Теоретико-методологические проблемы изучения истории нового времени в отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. М.: Прометей, 2010.

References

- Aldrich H.** Interview // *Economic Sociology*. 2004. V. 5. No. 5. P. 6–19 (In Russian)
- Balatsky E. V.** The principle of consistency in the theory of social development // *Terra Economicus*. 2021. Vol. 19. No. 1. P. 36–52. DOI: 10.18522/2073-6606-2021-19-1-36-52 (In Russian)
- Derlugyan G. M.** Soviet Revolution 1905–1945: Theses for the First Century // *Emergency Reserve. Debate about politics and culture*. 2017. No. 5(115). P. 80-96. (In Russian)
- Diamond J.** *Collapse. Why do some societies survive while others die*. M.: AST, 2008. (In Russian).
- Heidegger M.** History of philosophy from Thomas Aquinas to Kant (winter semester 1926/27) / Ed. by Helmuth Vetter. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann Verlag, 2006. XII, 248 p. (Complete Edition. Vol. 23) (In German)
- Heidegger M.** On Event Thinking, / Ed. Peter Trawny. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann Verlag, 2013. XCVIII, 1496 p. (Complete Edition. Vol. 73.1) (In German)
- Heidegger M.** Notes I-V. Frankfurt a. M.: Vittorio Klostermann Verlag, 2015. 530 S. (Complete edition. Vol. 97) (In German)
- Heidegger M.** The saying of Anaximander // *Conversation on a country road* / Ed. by A.L. Dobrokhotov. M., 1991. P. 28–69. (In Russian)
- Heidegger M.** The question of technology // Heidegger M. *Time and being: articles and speeches*. M.: Respublika, 1993. P. 221–238. (In Russian)
- Heidegger M.** The Way to Language // Heidegger M. *Time and Being: Articles and Speeches*. M.: Respublika, 1993. P. 259–273. (In Russian)
- Heidegger M.** Identity and difference / Ed. O. Nikiforov. M.: Logos, 1997. (In Russian)
- Heidegger M.** Notes from the workshop // Heidegger M. *The source of artistic creation*. M.: Academic project, 2008. P. 422–424. (In Russian)
- Khut L. R.** Theoretical and methodological problems of studying the history of modern times in Russian historiography at the turn of the 20th–21st centuries. M.: Prometheus, 2010. (In Russian)
- Lenin V. I.** What are the «friends of the people» and how are they fighting against the Social Democrats? (Response to the articles of «Russian wealth» against the Marxists) // *Lenin V. I. Works*. M.: Politizdat Publ., 1958a. vol. 1. (In Russian)
- Lenin V. I.** The development of capitalism in Russia // *Lenin V. I. Works*. M.: Politizdat Publ., 1958b, vol. 3. (In Russian)
- Medic H.** Microhistory // *THESIS*. 1994. No. 4. P. 193–202. (In Russian)
- Philosophy**, science, humanism in the era of global turbulence: Sat. scientific tr. Vseross. scientific conf. Novosibirsk: NSU, 2018. (In Russian)
- Rozov N. S.** Macrosociological theories of the last third of the 20th – early 21st century. // *Theory and methodology of history: a textbook for universities* / Ed. ed. V. V. Alekseev, N. N. Kradin, A. V. Korotaev, L. E. Grinin. Volgograd: Uchitel, 2014. P. 167–183. (In Russian)
- Safonov A. L.** Nations and ethnic groups in the historical process: problems of philosophical conceptualization: monograph. M.: MGIU, 2015. (In Russian)
- Sokolovsky I. R.** On “capital” and “capitalism” in the works of Soviet historians // *Siberian Philosophical Journal*. 2019. V. 17. No. 2. P. 158–173. (In Russian)

Tkachuk M. E. The coming past or the present future? Left Reformation vs Liberal Archaism // Svobodnaya Mysl. 2015. No. 2 (1650). P. 5–22. (In Russian)

Сведения об авторе

Иван Ростиславович Соколовский, кандидат исторических наук
научный сотрудник, Институт истории Сибирского отделения Российской академии наук

Information about the Author

Ivan R. Sokolovskii, Candidate of Science (History)
Researcher, Institute of History Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

*Статья поступила в редколлегию 25.05.2023;
одобрена после рецензирования 20.06.2023; принята к публикации 29.06.2023*

*The article was submitted 25.05.2023;
approved after reviewing 20.06.2023; accepted for publication 29.06.2023*

Научная статья

УДК 1(09)

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-159-167

Этническая культура хакасского народа через призму женских семейных ценностей (к юбилею Ларисы Викторовны Анжигановой)

Ирина Николаевна Трошкина¹

Марика Викторовна Топоева²

¹Хакасский научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
Абакан, Россия

²Хакасский национальный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова
Абакан, Россия

¹i.troschkina2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1650-0590>

²mvt@hnkm.ru

Аннотация

Третьего апреля 2023 г. отмечала юбилей доктор философских наук Лариса Викторовна Анжиганова. Она является первой и на данный момент единственной женщиной в регионе, имеющей степень доктора философских наук. Сфера ее научных интересов связана с исследованием этнокультурных проблем Хакасии, в частности, философии этноса, этнической культуры, межнациональных отношений, гендерных исследований. Научная деятельность велась в стенах Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова (с 1980 г.), Хакасского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (1994–1998 гг.), вызывает особый интерес в связи с актуальностью темы докторской диссертации «Эволюция мировоззрения этноса (на примере хакасского народа)» (1999, г. Москва) и иных трудов, раскрывающих ценностную проблематику этноса, в том числе женских семейных ценностей. Значимое внимание ученый отводит вопросам этнокультурных основ хакасов. Важным этапом в развитии научно-организационной деятельности юбиляра стало проведение межрегиональной конференции «Этнический капитал: ресурсы и институциональные формы», обещающей стать периодической. Идеи юбиляра сыграли важную роль в становлении этнической культуры хакасского народа.

Ключевые слова

философ Хакасии, Лариса Викторовна Анжиганова, этническая культура, семейные женские ценности

Для цитирования

Трошкина И. Н., Топоева М. В. Этническая культура хакасского народа через призму женских семейных ценностей (к юбилею Ларисы Викторовны Анжигановой) // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 159–167. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-159-167

© Трошкина И. Н., Топоева М. В., 2023

Ethnic culture of the Khakass people through the prism of women's family values (to the anniversary of Larisa Viktorovna Anzhiganova)

Irina Nikolaevna Troshkina¹

Marika Viktorovna Topoeva²

¹Khakass Research Institute for Language, Literature, and History
Abakan, Russia

²L. R. Kyzlasov Khakass National Museum of Local Lore
Abakan, Russia

¹i.troshkina2012@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1650-0590>

²mvt@hnmk.ru

Abstract

On the 3rd of April, 2023, the Doctor of Philosophy, Larisa Viktorovna Anzhiganova celebrated her anniversary. She is the first and currently the only woman in the region with a degree of the Doctor of Philosophy. Her research interests are related to the study of ethnocultural problems of Khakassia, in particular, the philosophy of ethnoscience, ethnic culture, interethnic relations, gender studies. Her scientific activity was conducted within the walls of the N. F. Katanov Khakass State University (since 1980), Khakass Research Institute for Language, Literature, and History (1994–1998). It is of particular interest due to the relevance of the topic of the doctoral dissertation “The evolution of the worldview of an ethnic group (by the example of the Khakass people)” (1999, Moscow) and other works that cover the value problems of the ethnic group, including women's family values. The researcher pays significant attention to the issues of the Khakass' ethnocultural foundations. An important stage in the development of scientific and organizational activities of L. V. Anzhiganova was the holding of the Interregional Conference “Ethnic Capital: Resources and Institutional Forms”, which promises to become regular. The philosopher's ideas played an important role in the formation of the ethnic culture of the Khakass people.

Keywords

philosopher of Khakassia, Larisa Viktorovna Anzhiganova, ethnic culture, women's family values

For citation

Troshkina I. N., Topoeva M. V. Ethnic culture of the Khakass people through the prism of women's family values (for the anniversary of Larisa Viktorovna Anzhiganova) // *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 1159–167. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-159-167

Рис. 1. Анжиганова Лариса Викторовна

Третьего апреля 2023 г. Лариса Викторовна Анжиганова (рис. 1) отмечала юбилей. Она является первой и единственной на данный момент женщиной-доктором философских наук Хакасии. В 1980 г. она окончила философский факультет Ленинградского государственного университета им. А. А. Жданова, в этом же году была принята ассистентом кафедры истории КПСС и научного коммунизма Абаканского государственного педагогического института. Вся трудовая деятельность юбиляра связана с этим уч-

Рис. 2. Анжиганов Виктор Семенович

Рис. 3. Анжиганова Ольга Петровна

реждением. Ныне Лариса Викторовна является профессором кафедры истории Института истории и права ХГУ им. Н. Ф. Катанова, ранее занимала должности заведующего сектором социологии и экономики ХакНИИЯЛИ (1994–1998 гг.), заместителя директора по научной работе Института истории и права (2000–2005 гг.), директора Гуманитарного научно-исследовательского института ХГУ им. Н. Ф. Катанова (2005–2009 гг.), заместителя Министра национальной и территориальной политики Республики Хакасия (2009–2013 гг.). Юбиляру присвоены почетные звания заслуженный работник высшей школы Республики Хакасия (2004 г.), заслуженный деятель науки Республики Хакасия (2009 г.) [Лушникова, 2019, с. 18–19].

Научный интерес Ларисы Викторовны вызван прежде всего научно-педагогической деятельностью родителей (рис. 2, 3), являвшихся исследователями национального вопроса с позиции философии, филологии. Общим полем научной деятельности ученых являются проблемы хакасского народа: этнокультурное пространство, национальная культура.

Среди ряда этнокультурных проблем региона (этнические процессы, межэтнические отношения, этнокультурное пространство), раскрывающихся в работах Л. В. Анжигановой, следует выделить этноценностный вопрос, который представлен в трудах исследователя в ракурсе мировоззрения хакасов [Анжиганова, 1997], женских ценностей [Анжиганова, 2016, 2017]. Также стоит отметить вклад юбиляра в научно-организационную деятельность, в том числе проведение научных семинаров (2008, 2010 гг.), научно-практического мероприятия (2023 г.), в целом раскрывающих проблематику этнокультурного наследия региона, этнических ценностей.

Научная деятельность. Научная деятельность Л. В. Анжигановой связана с работой в Хакасском государственном университете им. Н. Ф. Катанова, Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории, в котором юбиляр работала на условиях совместительства.

К началу трудовой деятельности в Хакасском научно-исследовательском институте языка, литературы и истории Лариса Викторовна состоялась как специалист, защитила кандидатскую диссертацию по теме «Специфика интернационалистского воспитания в новом многонациональном производственном коллективе (на примере Саянского территориально-производственного комплекса)» (1985 г.).

Период ее работы в научном учреждении (1994–1998 гг.) совпал с этапом расширения проблемного поля научных проектов учреждения, увеличением кадрового состава сектора экономики и социологии (1990–2010 гг.), переименованием научного подразделения [Трошкина, 2019, с. 30], когда директором являлся Г. Г. Котожеков (1995–1998 гг.).

В тот период сектор экономики, в котором трудилась Лариса Викторовна, был переименован в сектор социологии и экономики, что было обусловлено развитием этносоциологического направления в Сибири, в том числе в Хакасии. Ученые разрабатывали вопросы, связанные с эволюцией мировоззрения этноса (на примере хакасского народа) (Л. В. Анжиганова, 1996–1998 гг.), состоянием межнациональных отношений в Республике Хакасия (Г. Г. Котожеков, Л. В. Анжиганова, 1998 г.).

Будучи переведенной на должность старшего научного сотрудника ХГУ им. Н. Ф. Катанова (1995–1997 гг.), Лариса Викторовна подготовила докторскую диссертацию по теме «Эволюция мировоззрения этноса (на примере хакасского народа)» (1999 г.). Научные работы Л. В. Анжигановой стали фундаментом для разработки этнокультурных основ в регионе (реализованы в республиканских программах в сфере образования, культуры, сохранения и развития языков народов Республики Хакасия, развития межэтнических отношений); этноценностной проблематики.

На сегодняшний день Ларисой Викторовной подготовлено 238 научных работ, 12 учебных пособий, 7 монографий.

Среди индивидуальных монографий, посвященных этноценностной проблематике, стоит отметить: «Традиционное мировоззрение хакасов: опыт реконструкции» [Анжиганова, 1997], «Эволюция мировоззрения хакасов» [Анжиганова, 2007], «Ментальные основания этнической культуры» [Анжиганова, 2000], «Женский мир: традиционные смыслы и новые вызовы» [Анжиганова, 2016], «Женский мир: эволюция ценностей, символов и ритуалов» [Анжиганова, 2017]; коллективных – «Этноконфессиональный неотрадиционализм в условиях социальных трансформаций: региональный аспект» [Анжиганова, 2012], «Этнический капитал: проблемы концептуации» [Анжиганова, 2020].

В своих работах автор формулирует следующие важные тезисы, связанные с ценностями хакасского этноса, в том числе женскими семейными.

– «Народ лишь тогда достоин исторической судьбы, когда он знает свои корни, руководствуется в своей жизни и деятельности значимой для него системой ценностей и традиций» [Анжиганова, Ачитаева, 2012, с. 28–29].

– Традиционное мировоззрение хакасов пронизано коллективистскими ценностями, в частности приоритетом значимости семьи над домохозяйством одиноких людей, ведущих внесемейный образ жизни (старые девы, закоренелые холостяки); а также символами, среди которых особо выделяется родной дом – юрта, где упорядочивалось семейное пространство (у каждого члена семьи и каждой вещи своё место) [Анжиганова, 1997, с. 52–53]. Среди ценностей хакасского этноса XVII–XIX вв. выделяются: ценность родной земли, родовая структура общества, культ семьи и детей как гаранта сохранения народа, идеология ненасилия, сохранение родной земли [Анжиганова, 1997, с. 121].

– Динамика этнической культуры хакасов характеризуется противоречивостью: с одной стороны, отмечается адаптация традиции к новой социальной реальности, с другой стороны, традиции в качестве ценностей остаются на поверхности сознания, культурное наследие характеризуется неполнотой (в последнем случае это касается ценностей традиционной хозяйственной деятельности, отношения к родной земле, религиозных значимостей) [Анжиганова, Ачитаева, 2012, с. 39–40, 63].

– На сегодняшний день наблюдается возврат проверенных временем ценностей традиционного общества – ценности родства, рода, родной земли, этнической солидарности, народа [Анжиганова, Ачитаева, 2012, с. 26]. Для женщин базовыми ценностями являются семья и дети [Анжиганова, 2016, с. 87], в силу объективных обстоятельств они дополнялись значимостями родной земли, народа, божественного государства, среди инструментальных ценностей выделяется ценность ответственности, которая позволяла женщине быть воином, защитником Родины, матерью, хранительницей очага, воспитателей, главы рода и даже государства [Анжиганова, 2017, с. 80–81], порядочности, верности, хозяйственности [Анжиганова, 2016, с. 95].

– Основными ресурсами возрождения ценностей, в том числе семейных, являются родной язык, эпическая культура [Анжиганова, 2020, с. 86, 97], традиционная религия хакасов, где важной ценностью является родство, среди этических ценностей выделяются взаимопомощь и поддержка друг друга, уважение к старшим, забота о младшем, особенно сиротах [Анжиганова, Ачитаева, 2012, с. 60].

Научно-организационная деятельность юбилера связана с организацией научных мероприятий, в том числе школ этносоциологов, проведенных совместно с коллективом Института философии и права СО РАН в рамках проблематик «Традиции и социокультурные трансформации: теория и методика этносоциальных исследований», «Методология и методика сравнительных этносоциальных исследований (монгольский ракурс)» (статус соорганизатора, в Хакасии, 2008 г.; в Монголии, 2010 г.) [Ламажаа, 2023]; межрегиональной конференции «Этнический капитал: ресурсы и институциональные формы» (статус организатора, Хакасия, 2023 г.).

Акцентируем внимание на организации Межрегиональной научно-практической конференции в связи со значимостью мероприятия для региона, раскрытием проблематики этносемейных ценностей. Идейными организаторами конференции выступили А. В. Анжиганова, М. В. Топоева, научное сопровождение Л. В. Анжигановой. Мероприятие проведено при поддержке Министерства культуры Республики Хакасия, Общественной палаты Республики Хакасия, Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова.

В конференции приняли участие ученые из семи регионов РФ (Алтай, Башкортостан, Тыва, Хакасия, Якутия, Красноярский край, Новосибирская область), специалисты органов власти, представители общественных организаций (12 национальных общественных организаций), педагоги. Общее количество участников мероприятия составило более 150 человек. Обсуждались вопросы социокультурного развития региона, ценностных основ общества, процессы регионального научного и практического сотрудничества в области изучения, развития Хакасии и сопредельных территорий.

С приветственным словом к участникам конференции обратились Председатель Общественной палаты Республики Хакасия Ольга Александровна Левченко, директор Хакасского национального краеведческого музея им. Л. Р. Кызласова кандидат исторических наук Андрей Иосифович Готлиб.

В пленарной части прозвучали доклады доктора философских наук, профессора, главного научного сотрудника Института философии и права Сибирского отделения СО РАН Юрия Владимировича Попкова «Этнический капитал: теоретико-методологические основания анализа»; доктора философских наук, профессора ХГУ им. Н. Ф. Катанова Ларисы Викторовны Анжигановой «Неотрадиционализм как механизм конструирования этнического капитала: проблема аутентичности»; доктора философских наук, ст. науч. сотр. Института философии и права СО РАН, профессора Новосибирского государственного университета экономики и управления Елены Анатольевны Ерохиной «Наследие и потенциал человеческого развития сообществ в социокультурном пространстве Евразии: на примере Республики Хакасия»; доктора философских наук, профессора ХГУ им. Н. Ф. Катанова Радия Назибовича Ибрагимова «Гомеостаз в динамике человеческого капитала»; доктора филологических наук, почетного профессора Казанского университета им. С. Баишева, руководителя научно-исследовательского центра Башкирского фольклора БГПУ им. М. Акмуллы Розалии Асфандияровны Султангареевой «Башкирский ЙЫЙЫН – мифосемантика, архитектоника и современные трансформации»; доктора филологических наук, профессора литературы, почетного профессора Тувинского государственного университета, члена Союза писателей России, старшего научного сотрудника ХакНИИЯЛИ Виктории Алексеевны Карамашевой «Семейное право хакасов конца XIX – середины XX веков»; кандидата технических наук, доцента кафедры промышленного, гражданского строительства и техносферной безопасности ХГУ им. Н. Ф. Катанова, председателя Хакасской региональной общественной организации «Корейская диаспора «Чосон» Олега Николаевича Хегая «Семейные ценности российских корейцев в современных условиях»; доктора исторических наук, доцента, профессора кафедры истории Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова

Елены Петровны Мамышевой «Коммунистический университет трудящихся Востока для Хакасской автономной области: подготовка управленческих кадров (1921–1938)».

В последующем работа конференции проходила в рамках четырех секционных заседаний:

– «Этнокультурное пространство региона как территория устойчивого развития», где рассматривались вопросы формирования этнического капитала, деятельности НКО, генетических основ хакасского и шорского этносов;

– «Семейные ценности народов Хакасии в современных условиях». Были раскрыты семейные ценности алтайцев тувинцев, хакасов, немцев, киргизов Южно-Сибирского региона, актуализированы вопросы ресурсов и механизмов воспроизводства семейных ценностей. Значимое внимание было уделено трансляции этнических неотрадиционных ценностей (этнической атрибутики в одежде, национальной кухне, музыкальном и художественном искусстве).

– «Национальные праздники как ресурс сохранения традиций». На секции представлены практики проведения массовой, календарной культуры алтайцев, тувинцев, хакасов, русских, киргизов и др., религиозные основы хакасского этноса;

– «Этнокультурное наследие региона в условиях социальных трансформаций (язык, литература, история)». Были освещены вопросы трансляции лингвистического, фольклорного, археологического этнокультурного наследия территории, факторы этнического капитала в истории хакасского народов, этнопедагогические и новые музейные практики.

На заключительном заседании конференции участниками были подведены итоги о необходимости формирования и развития ресурсов, в совокупности составляющих этнический капитал, способствующий сохранению субъектности этносов и этнических групп, укреплению благоприятного климата межэтнического общения в регионе; представлены практические рекомендации по развитию единого этнокультурного пространства Республики Хакасия. По итогам конференции планируется подготовка электронного сборника материалов.

В целом научная и научно-организационная деятельность Л. В. Анжигановой направлена на раскрытие этнокультурной проблематики, в частности, ценностных основ хакасского этноса, женских семейных ценностей, акцентирует внимание на значимости ценности родства.

Лариса Викторовна Анжиганова представляет плеяду славных философов Хакасии, является первой и единственной женщиной – доктором философских наук в регионе, разработчиком проблематики мировоззренческих основ хакасского этноса, этнических ценностей, организатором/соорганизатором научных семинаров, конференций в Хакасии и сопредельных территориях. Она актуализирует проблемы этнического капитала, этнокультурного пространства и наследия, семейных ценностей, внесла значимый вклад в развитие национальной проблематики региона. Идеи юбиляра сыграли важную роль в становлении этнической культуры хакасского народа.

Список литературы

- Анжиганова Л. В.** Женский мир: традиционные смыслы и новые вызовы: моногр. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2016.
- Анжиганова Л. В.** Женский мир: эволюция ценностей, символов и ритуалов: монография. Абакан: Изд-во «Дом литераторов Хакасии», 2017.
- Анжиганова Л. В.** Ментальные основания этнической культуры: монография. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2000.
- Анжиганова Л. В.** Традиционное мировоззрение хакасов: опыт реконструкции: моногр. Абакан: Отд. изд. деятельности ХРИПКиПРО «РОСА», 1997.
- Анжиганова Л. В.** Эволюция мировоззрения хакасов. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2007.
- Анжиганова Л. В.** Этнический капитал: проблемы концептуализации. Абакан: НРОФСХ «Ал Хоорай», 2020.
- Анжиганова Л. В., Ачитаева Е. А.** Этноконфессиональный неотрадиционализм в условиях социальных трансформаций: региональный аспект. Абакан: Изд-во Хакас. гос. ун-та им. Н. Ф. Катанова, 2012.
- Лушникова О. Л.** Анжиганова Лариса Викторовна // Ученые Хакасского науч.-исслед. ин-та языка, литературы и истории (к 75-летию ХакНИИЯЛИ): биобиблиогр. справочник. Абакан: ООО «ИПП «Журналист», 2019. С. 18–19.
- Трошкина И. Н.** Динамика кадрового состава сектора экономики и социологии ХакНИИЯЛИ // Народы и культуры Саяно-Алтая и сопредельных территорий: Материалы VI Междунар. науч. конф., посв. 75-летию Хакас. науч.-исслед. ин-та языка, лит. и истории. Абакан: Хакас. кн. изд-во, 2019. С. 27–32.

References

- Anzhiganova L. V.** Women's world: Traditional meanings and new challenges: monograph. Abakan: Publishing House of Khakas State University named after N. F. Katanov, 2016. (in Russian)
- Anzhiganova L. V.** Women's world: the evolution of values, Symbols and rituals: monograph. Abakan: Publishing House of Writers of Khakassia, 2017. (in Russian)
- Anzhiganova L. V.** Mental foundations of ethnic culture: monograph. Abakan: Publishing House of Khakas State University named after N.F. Katanov, 2000. (in Russian)
- Anzhiganova L. V.** The traditional worldview of the Khakass: the experience of reconstruction: monograph. Abakan: Publishing Department of HRIPKiPRO "ROSA", 1997. (in Russian)
- Anzhiganova L. V.** Evolution of the Khakass worldview. Abakan: Khakas. publishing house, 2007. (in Russian)
- Anzhiganova L. V.** Ethnic capital: problems of conceptualization. Abakan: NROFSKH "Al Hooray", 2020. 160 p. (in Russian)
- Anzhiganova L. V., Achitayeva E. A.** Ethno-confessional neotraditionalism in the conditions of social transformations: a regional aspect. Abakan: Publishing House of Khakas State University named after N. F. Katanov, 2012. (in Russian)
- Lushnikova O. L.** Anzhiganova Larisa Viktorovna // Scientists of the Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History (to the 75th anniversary

of Khakniiyali): biobibliographic reference. Abakan: LLC "IPP "Journalist", 2019. P. 18–19. (in Russian)

Troshkina I. N. Dynamics of the personnel composition of the sector of economics and sociology of Khakassia // Peoples and cultures of Sayano-Altai and adjacent territories: materials of the VI International Scientific Conference dedicated to the 75th anniversary of the Khakass Scientific Research Institute of Language, Literature and History. Abakan: Khakas. publishing House, 2019. P. 27-32. (in Russian)

Информация об авторах

Ирина Николаевна Трошкина, кандидат философских наук,
заведующий сектором, Хакасский научно-исследовательский институт языка,
литературы и истории

Марика Викторовна Топоева, культуролог-исследователь,
методист по музейно-образовательной деятельности, Хакасский националь-
ный краеведческий музей им. Л. Р. Кызласова

Information about the Authors

Irina N. Troshkina, Candidate in Philosophy,
head of the Department, Khakass Research Institute for Language, Literature, and
History

Marika V. Topoeva, cultural researcher,
methodologist for museum and educational activities, L. R. Kyzlasov Khakass
National Museum of Local Lore

*Статья поступила в редколлегию 05.04.2023;
одобрена после рецензирования 16.05.2023; принята к публикации 30.05.2023*

*The article was submitted 05.04.2023;
approved after reviewing 16.05.2023; accepted for publication 30.05.2023*

Научная статья

УДК 101 + 378

DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-168-173

Проекты и технологии: формирование мировоззрения современного российского студенчества

Владимир Валерьевич Петров^{1,2}

Галина Сергеевна Солодова²

¹Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия

²Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия

¹v.v.p@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0511-857X>

²gsolodova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8577-5926>

Аннотация

С целью повышения качества преподавания общественных наук с 2022 года на базе ведущих университетов проходит ряд конференций и семинаров, предметом обсуждения которых является методология преподавания и содержательное наполнение нового внедряемого курса «Основы российской государственности». Максимально глубокая и открытая включенность преподавателей и исследователей в эту работу сможет способствовать развитию российского общественно-политического знания, отечественных научных школ и исследовательских центров.

Ключевые слова

Образовательная политика, академическая среда, молодежное сообщество

Для цитирования

Петров В. В., Солодова Г. С. Проекты и технологии: формирование мировоззрения современного российского студенчества // Сибирский философский журнал. 2023. Т. 21, № 2. С. 168–173. DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-168-173

Projects and Technologies: Shaping the Worldview of Modern Russian Students

Vladimir V. Petrov^{1,2}

Galina S. Solodova²

¹Novosibirsk State University
Novosibirsk, Russian Federation

© Петров В. В., Солодова Г. С., 2023

ISSN 2541-7517

Сибирский философский журнал. 2023. Том 21, № 2
Siberian Journal of Philosophy, 2023, vol. 21, no 2

²Institute of Philosophy and Law SB RAS
Novosibirsk, Russian Federation

¹v.v.p@ngs.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0511-857X>

²gsolodova@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-8577-5926>

Abstract

In order to improve the quality of teaching social sciences, since 2022, a number of conferences and seminars have been held in leading universities. The discussion centered on the teaching methodology and content of the newly introduced course “Fundamentals of Russian Statehood”. The deepest and most open involvement of teaching and research community in this work will be able to contribute to the development of Russian socio-political knowledge, domestic scientific schools and research centers.

Keywords

Educational policy, academic environment, youth community

For citation

Petrov V.V., Solodova G.S. Projects and Technologies: Shaping the Worldview of Modern Russian Students. *Siberian Journal of Philosophy*, 2023, vol. 21, no. 2, p. 168–173. (In Russ.) DOI 10.25205/2541-7517-2023-21-2-168-173

Вовлечение академического сообщества в учебно-методическое и научно-исследовательское сопровождение государственной политики в области просвещения, высшего образования и молодежной политики является одним из важных факторов, влияющих на формирование совокупного социального потенциала.

Министерством науки и высшего образования РФ в соответствии с рекомендациями экспертно-методического совета комиссии Государственного Совета РФ по направлению «Наука» разработан проект «ДНК России», ставящий своей целью повышение качества преподавания общественных наук. В реализацию данного проекта вовлечено более двух тысяч преподавателей социально-гуманитарных дисциплин по всей стране. В качестве итога предполагается разработка курса «Основы российской государственности», где основной задачей выступает формирование у молодежи представления об особенностях исторического пути становления и развития российского государства, ценностных ориентирах. Процесс внедрения такого принципиально нового предмета в программы российского высшего образования сопровождается созданием необходимой инфраструктуры и подготовкой преподавательских коллективов. Для этого с 2022 года проводится ряд конференций и семинаров, предметом обсуждения которых является как методология преподавания, так и тезаурус, система понятий и определений, используемых для описания сложных общественных процессов. Фундаментальным результатом проекта должен стать мощный импульс к развитию российского общественно-политического знания, отечественных научных школ и исследовательских центров.

27–28 февраля в Международном культурном центре Томского политехнического университета в рамках крупномасштабного федерального проекта «ДНК России» и серии дискуссионных событий «Технологическое лидерство: идеи, практики, рецепты» состоялась конференция «Формирование мировоззрения для технологического лидерства России». Конференция проходила при поддержке руководства Томской области, лидера российской горно-металлургической

промышленности России «Норникель», госкорпорации Росатом и Ассоциации граждан и организаций по содействию развитию корпоративного образования «МАКО». В качестве основного состава участников Конференция объединила профессорско-преподавательский и управленческий состав высших учебных заведений Сибирского федерального округа.

Пленарное заседание «Формирование нового поколения технологических лидеров: принципы образования и воспитания инженеров в современной России» было построено в форме проблематизирующей сессии. В качестве главного модератора заседания выступила президент ассоциации «МАКО» О. М. Голышенкова.

Принявший участие в конференции губернатор Томской области В. В. Мазур также отметил необходимость введения нового курса. «Мы находимся в процессе развития новых реалий. Не упустить традиции зарождения основ государственности и передать их будущему поколению – это наша задача, которую поставил президент РФ, и мы будем ее выполнять», – сказал Мазур.

Научный руководитель программы «ДНК России» А. В. Полосин подчеркнул, что аналогичные программы являются обязательными во всех ведущих мировых университетах, а сам курс «Основы российской государственности» с самого начала проектировался так, что его разрабатывают сами преподаватели высших учебных заведений. В условиях постоянных трансформаций не только общества, но и образования каждое новое поколение вносит существенные изменения в образовательный ландшафт. Студенты должны понимать свою миссию и миссию своей профессиональной деятельности.

Выступивший на пленарном заседании ректор ТПУ Д. А. Седнев отметил, что ключевой функцией инженерного образования является развитие технологий, достижение технологического суверенитета и лидерства. Необходимо понимание того, какие технологии не могут уйти из страны, какие должны быть суверенными, а чем можно поделиться. У вузов высока потребность в сильных компаниях-партнерах. Необходима глубокая интеграция вузов и корпораций.

Ректор Национального исследовательского ядерного университета МИФИ В. И. Шевченко объяснил, что задачу курса видит в формировании идейной, духовной составляющей. «Симбиоз гуманитарного и технического образования дает мировидение. Сейчас, когда мы отрезаны от технологий, нужна вера в свои силы, в то, что мы можем сделать большое дело. Инженерное образование – это не столько подготовка людей, которые могут обслуживать Airbus, это подготовка тех, кто может их проектировать. Вместе с тем идея о том, что в современном мире можно что-то сделать на коленке, у себя в гараже, – очень вредная идея, так как мы не можем быть оторваны от технологий», – отметил он.

Дальнейшая работа первого дня проходила в режиме форсайт-сессий и была сконцентрирована в группах. В качестве особенности данной конференции можно выделить не просто установку на групповую работу, что является достаточно распространенным, а собственно работу в малых группах численностью 4–5 человек.

Второй день работы конференции предполагал презентацию и выбор лучшего проекта в каждом блоке. Лучшие проекты, выбранные в каждом тематическом блоке, были представлены на демо-уроке «Основы российской государственности».

сти». Данный этап работы конференции проходил в конференц-зале совместно со студентами, которые оценивали представленные проекты с точки зрения их целесообразности, методов и форм подачи материала.

Всем участникам конференции было предложено ответить на вопросы конфиденциальной экспертной анкеты «Мировоззренческие константы и ориентиры». Отдельно было проведено совещание для проректоров вузов СФО.

В ходе конференции было отмечено, что хотя идеи реформирования подготовки в рамках высшего образования были заложены еще в 2021 году, на фоне сложившейся международной обстановки их актуальность многократно возрастает. Отмена в 90-е гг. функции социализации учащихся средних школ, не говоря уже о студентах, привела к неутешительным результатам. Цикл мероприятий, проводимых в рамках реализации проекта, позволил привлечь к разработке программы курса «Основы российской государственности» не только управленческие структуры, но и научно-образовательное сообщество. В настоящее время происходит интенсивный поиск оптимального наполнения содержательной части курса, методов, подходов к его преподаванию, в частности применительно к инженерным, техническим специальностям. Целесообразность расширения воспитательной составляющей в системе образования, в том числе высшего, не вызывает особых дебатов. Было обозначено, что уход от выполнения данной задачи или ее некачественная, формализованная реализация могут привести к политической дестабилизации, эскалации социальной напряженности, разрастанию существующих и появлению новых общественных расколов. Более того, расхождение в ключевых политических представлениях и моделях может способствовать росту конфликтов внутри самой образовательной среды, подвергнув опасной эрозии традиционно сложившиеся представления об академической этике, исследовательской свободе и взаимном уважении в рамках научной дискуссии.

Существующие учебно-методические комплексы (у большинства преподавателей это словосочетание вызывает грустную улыбку, нервный тик и оторопь) читаемых сегодня дисциплин социогуманитарного профиля не могут решить подобную задачу в полной мере. С одной стороны, разрабатываемый курс «Основы российской государственности» призван сохранить образовательную преемственность и продолжить социально-гуманитарную подготовку, проводимую в средней школе на уроках истории и обществознания, при этом с другой стороны он не заменяет и не исключает традиционно преподаваемые в высшей школе историко-политические и философские дисциплины. На данный момент сформирован ряд следующих ключевых характеристик внедряемого курса.

Согласно предложенной организаторами концепции, курс «Основы российской государственности» относится к базовой части ООП (1-й курс, 1-й семестр). Предварительный объем курса включает 52 часа аудиторной нагрузки, из них 32 часа семинары. Проведение курса предполагает освоение студентами основных представлений, исторических, культурологических и социологических знаний, связанных с проблематикой развития российской цивилизации и её государственности в исторической ретроспективе. Акцент сделан на взаимосвязи и взаимообусловленности российской государственности и политических, социальных и экономических вызовов.

Исходя из поставленной цели, в рамках дисциплины выделен ряд следующих задач:

- представить историю России в её непрерывном цивилизационном измерении, отразить её наиболее значимые особенности, принципы и константы;
- раскрыть ценностно-поведенческое содержание чувства гражданственности и патриотизма, неотделимого от развитого критического мышления, свободного развития личности и способности независимого суждения об актуальном политико-культурном контексте;
- рассмотреть фундаментальные достижения, изобретения, открытия и свершения, связанные с развитием русской земли и российской цивилизации, представить их в актуальной и значимой перспективе, воспитывающей в гражданине гордость и сопричастность своей культуре и своему народу;
- определить ключевые смыслы, этические и мировоззренческие доктрины, сложившиеся внутри российской цивилизации и отражающие её многонациональный, многоконфессиональный и солидарный (соборный) характер;
- выявить наиболее вероятные внешние и внутренние вызовы, стоящие перед лицом российской цивилизации и её государственностью в настоящий момент, обозначить ключевые сценарии её перспективного развития;
- обозначить фундаментальные ценностные константы российской цивилизации, такие, как суверенитет, согласие, созидание, служение и принципиальная ориентация на современность и прогресс, обусловленный научными и культурными достижениями.

Что касается тематического наполнения, то, как отметила Ольга Гольшенкова, «мы работаем с представителями экспертного сообщества – преподавателями и исследователями – для того, чтобы прийти вместе к тому варианту содержания, подачи (материала), который им самим был бы интересен и понятен. Мы получили много критических замечаний, было много дискуссий, и мы этому рады».

В заключение заметим, что конференция в Национальном исследовательском Томском политехническом университете не первая и не последняя. В рамках проекта «ДНК России» запланировано проведение еще десяти аналогичных профильных мероприятий в разных вузах страны.

Сведения об авторах

Владимир Валерьевич Петров, кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
доцент кафедры социальной философии и политологии, заместитель директора, Институт философии и права, Новосибирский государственный университет

Галина Сергеевна Солодова, доктор социологических наук
ведущий научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук

Information about Authors

Vladimir V. Petrov, Candidate of Sciences (Philosophy), Docent,
Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences;
Associate Professor of the Chair of Social Philosophy and Political Sciences, Deputy
Director, Institute of Philosophy and Law, Novosibirsk State University

Galina S. Solodova, Doctor of Sciences (Sociology),
Leading Researcher, Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of the
Russian Academy of Sciences;

*Статья поступила в редколлегию 10.04.2023;
одобрена после рецензирования 27.04.2023; принята к публикации 27.04.2023*
*The article was submitted 10.04.2023;
approved after reviewing 27.04.2023; accepted for publication 27.04.2023*

Правила представления, рецензирования и опубликования научных статей

I. Общая информация

1. «Сибирский философский журнал» (до 2016 г. «Вестник НГУ. Серия: Философия», свидетельство ПИ № ФС77-40146 от 04.06.2010, ISSN 1818-796X) публикует научные статьи и критические материалы с широкой философской и научной (социально-гуманитарной) тематикой, отражая интеллектуальное разнообразие позиций сообщества философов Новосибирского государственного университета и регионального отделения Российского философского общества, совмещающих интеллектуальную свободу и требовательность к обоснованности суждений, стремление к ясности и четкости мышления, рациональность аргументации.

2. Журнал зарегистрирован как средство массовой информации (свидетельство ПИ № ФС77-64829 от 02.02.2016). Подписной индекс в каталоге «Пресса России» – 11236. Журнал зарегистрирован в системе Российского индекса научного цитирования (РИНЦ) – договор № 548-09/2014 от 17.09.2014. Периодичность издания – 4 раза в год.

3. Основные разделы журнала: «Аналитическая философия, эпистемология и философия науки» («Онтология, гносеология, логика»), «Социальная философия», «История философии» и «Научная жизнь, рецензии, переводы». Рубрики соответствуют Номенклатуре научных специальностей, по которым присуждаются ученые степени кандидата и доктора наук, по следующим отраслям науки:

5.7 – Философия;

4. Передавая рукопись статьи (произведение) в редколлегию журнала, автор тем самым предоставляет редакции следующие неисключительные права на использование произведения на весь срок действия авторского права, предусмотренного действующим законодательством РФ, следующими способами: обнаружение, воспроизведение, распространение и перевод произведения; доведение до всеобщего сведения путем размещения в сети Интернет, в том числе право на публикацию статьи как в виде твердой копии (в журнале), так и в электронном виде (в том числе на платформе Научной электронной библиотеки eLibrary.ru). Территория использования статьи способами, предусмотренными выше, не ограничивается территорией Российской Федерации.

5. Осуществляется рецензирование всех поступающих в редакцию материалов с целью их экспертной оценки. Привлекаемые рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних трех лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в редакции издания в течение пяти лет.

Все статьи проходят обязательное простое слепое (single-blinded) рецензирование. О принятом решении авторы извещаются по указанному ими адресу электронной почты. Редакция издания направляет авторам представленных ма-

териалов копии рецензий или мотивированный отказ, а также (при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса) направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации.

6. Недопустимо представлять в редакцию ранее опубликованные работы, а также неоригинальные рукописи, скомпилированные из цитат или представляющие собой изложение ранее опубликованных работ, которые могут вызвать подозрение в нарушении научной этики.

Если статья возвращается автору для доработки, исправления или сокращения, то датой представления ее в журнал считается день получения редакцией окончательного текста.

Гонорар за публикуемые статьи, доклады, сообщения и рецензии не выплачивается. Не принятые к публикации материалы авторам не возвращаются.

7. Редакция оставляет за собой право редактировать, сокращать (по согласованию с автором) и адаптировать публикуемые материалы к рубрикам журнала. Обязательным условием публикации материалов является наличие УДК, отвечающего основным разделам журнала. Общий объем статей с главным (первым) индексом УДК, не относящимся к разделу 1 «Философия», не может превышать четверти объема каждого выпуска.

Публикации, значительно превышающие рекомендованный объем текста статьи (до 40 000 знаков с пробелами), допускаются к рассмотрению только по согласованию с редколлегией.

8. Статьи иностранных авторов, выполненные на иностранных языках, публикуются по согласованию с автором при наличии ключевых слов и аннотации на русском языке объемом до 3 000 знаков с пробелами.

9. Рукописи принимаются только в электронном виде.

10. Примерные сроки подачи рукописей в соответствующий номер: № 1 – до 15 декабря; № 2 – до 15 февраля; № 3 – до 1 июля; № 4 – до 1 сентября.

Адрес редакционной коллегии журнала
Новосибирский государственный университет,
Институт философии и права
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия
Тел.: (383) 363-42-38. E-mail: philos@vestnik.nsu.ru

II. Правила оформления текста рукописи

1. Подаваемая в редколлегию рукопись должна содержать информацию по каждому из обязательных пунктов, приведенных ниже. Оформление списков литературы должно отвечать настоящим правилам.

Рукописи принимаются только в виде файлов в формате .rtf

2. Обязательные пункты рукописи.

(а) УДК; название статьи на русском языке; ФИО автора (полностью); место работы (без сокращений); город, страна; e-mail; <https://orcid.org/>; аннотация на русском языке (до 150 слов); ключевые слова на русском языке (до 10 слов); раздел «Для цитирования».

(б) название статьи на английском языке; ФИО автора на английском языке; место работы (без сокращений), город, страна на английском языке; e-mail; ORCID; аннотация на английском языке (до 150 слов); ключевые слова на английском языке (до 10 слов); раздел «For citation».

(в) текст статьи (до 40 000 знаков с пробелами).

(г) Раздел «Список литературы» для русскоязычного читателя.

(д) Раздел «References» для иноязычного читателя.

(е) Раздел «Информация об авторе(ах)» (фамилия, имя, отчество, ученая степень, ученое звание, должность по указанному месту работы) на русском и на английском языках (Information about the author(s)).

В случае необходимости также приводится раздел «Благодарности» / «Acknowledgements».

3. Название статьи, содержание аннотации и ключевые слова на английском языке проверяются редколлегией. За перевод на английский язык источников в разделе «References» редколлегия ответственности не несет.

4. Текст статьи оформляется следующим образом. Основной шрифт – Times New Roman. Размер шрифта – 14 пт. Междустрочный интервал – 1,5 строки. Масштаб шрифта – 100 %. Интервал шрифта – обычный. Смещение шрифта – нет. Поля стандартного листа А4 – все по 2 см. Абзацный отступ – 1,25 см. Авторы, оформляющие материалы в формате .docx (с последующей конвертацией в .rtf), должны выставить в настройках стандартные значения для абзацев: отступ слева – 0 см, отступ справа – 0 см. Интервал перед – 0 пт, интервал после – 0 пт.

Все страницы рукописи должны быть пронумерованы.

Если в статье используются нестандартные шрифты (греческий), то к тексту рукописи необходимо приложить файлы используемых шрифтов (.ttf). Передача шрифтов не должна нарушать лицензионную политику правообладателей.

В тексте статьи используется тире только одного вида – так называемое «короткое» тире (сочетание клавиш: CTRL + Num-). В качестве пунктуационного знака тире требует пробелов с обеих сторон, при обозначении интервала в цифрах используется тире без пробелов (2–3, 1920–1940 гг.; однако с поясняющими словами тире используется с пробелами: конец 1920 – начало 1921 г.).

5. Библиографические ссылки, библиографическое описание и списки литературы должны быть оформлены строго в соответствии с приведенными ниже правилами.

Ссылки на архивные документы и документы из сети Интернет оформляются только в виде сноски (текст сноски располагается внизу страницы), причем кроме URL обязательно указывается дата обращения к ресурсу и дата опубликования (если есть).

Не допускается указывать ссылки на документы в сети Интернет, если эти документы имеют стандартные библиографические идентификаторы для печатной продукции (статьи, монографии, grey/green papers и т. д.).

6. При подготовке иллюстративного материала следует учесть, что рисунки принимаются только в форматах .gif, .jpg, .tif, .cdr. Максимальное поле изображения 120 × 180 мм. Цветовая гамма изображений и таблиц (кроме исключительных случаев) должна отвечать требованиям черно-белой печати (белый фон, черные

или серые линии). Допускается создание таблиц и диаграмм в Word и Excel (обязательно приложить исходный файл в формате .xls).

Рисунки и таблицы в тексте должны иметь подписи на русском и на английском языках, размер шрифта подписи – 9 пт.

Библиографические ссылки внутри текста статьи оформляются в квадратных скобках: указывается фамилия автора, год издания, страницы (при прямом цитировании) [Horton et al., 2006, p. 427–428]. При указании на источник ссылка заключается в круглые скобки: (см., например: [Ролз, 1995]).

Подстрочные сноски нумеруются по порядку, начиная с цифры 1, например³. При оформлении ссылки на документы из сети Интернет обязательно указываются: автор, название материала, дата опубликования материала, официальное название ресурса, на котором размещен материал. Если сайт запрещен, указывается дата проверки нахождения сайта в реестре Роскомнадзора⁴.

ВН! В целях унификации оформления русскоязычных и иноязычных источников **разделы «Список литературы» и «References» оформляются в одном стиле.** Все источники оформляются по адаптированным правилам ГОСТ (см. ниже).

Решением редакционной коллегии с 2023 года **прекращена** практика дублирования англоязычного названия русскоязычного источника транслитерацией этого названия латинскими буквами. В списке «References» обязательная транслитерация сохраняется только для названий издательств. Для русскоязычных источников указывается (in Russian).

III. Образец оформления рукописи

УДК 101 + 378

Гуманитарные и социальные исследования в XXI веке

Иван Иванович Иванов

Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук
Новосибирск, Россия
ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Аннотация

Ключевые слова

Благодарности

Для цитирования

Humanitarian and Social Research in the 21st Century

³ Здесь мы согласны с мнением В.Е. Петрова [2002, с. 111]. Подробный анализ самого подхода см. в статье [Roгу, 1979].

⁴ См.: «Гринпис» (14 марта 2017). Русскоязычная энциклопедия фольклора и субкультур «Луркоморье». URL: <https://lurkmore.to/Гринпис> (дата обращения 01.02.2021). Сайт входит в единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в сети Интернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети Интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено (<https://eais.rkn.gov.ru/>) (дата проверки 07.02.2021).

Ivan I. Ivanov

Institute of Philosophy and Law of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences

Novosibirsk, Russian Federation

ivanov@mail.ru, <https://orcid.org/xxxx-xxxx-xxxx-xxxx>

Abstract

Keywords

Acknowledgements

For citation

Основной текст статьи

Список литературы

Аристид. Апология Св. Аристида // Сочинения древних христианских апологетов: в 25 т. / Под ред. А.Г. Дунаева. СПб.: Алетейя, 1999. Т. 1. Афинские государственные деятели V в. до н. э. С. 290–336.

Целищев В. В. Рационалистический оптимизм и философия Курта Геделя // Вопросы философии. 2013. № 8. С. 12–23.

Lee J. Y. God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. Springer Netherlands, 1974. 323 p.

Sarot M. Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // Religious Studies. 1990. Vol. 26. № 2. P. 363–375.

References

Aristid. Apology of St. Aristides // Works of Ancient Christian Apologists (25 vols.) / A. G. Dunaev (Ed.). Saint Petersburg: Aleteia, 1999. Vol. 1. Athenian Statesmen of the 5th century BC. P. 290–336. (in Russian)

Lee J. Y. God Suffers for Us: A Systematic Inquiry into a Concept of Divine Passibility. Springer Netherlands, 1974. 323 p.

Sarot M. Patripassianism, Theopaschitism and the Suffering of God: Some Historical Considerations // Religious Studies. 1990. Vol. 26. No. 2. P. 363–375.

Tselishchev V. V. Rationalist Optimism and the Philosophy of Kurt Godel // Voprosy filosofii. 2013. No. 8. P. 12–23. (in Russian)

Информация об авторе

Иванов Иван Иванович, кандидат философских наук, доцент,
научный сотрудник, Институт философии и права Сибирского отделения
Российской академии наук

Information about the Author

Ivan I. Ivanov, Candidate of Science (Philosophy), Docent
Researcher, Institute of Philosophy and Law of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences